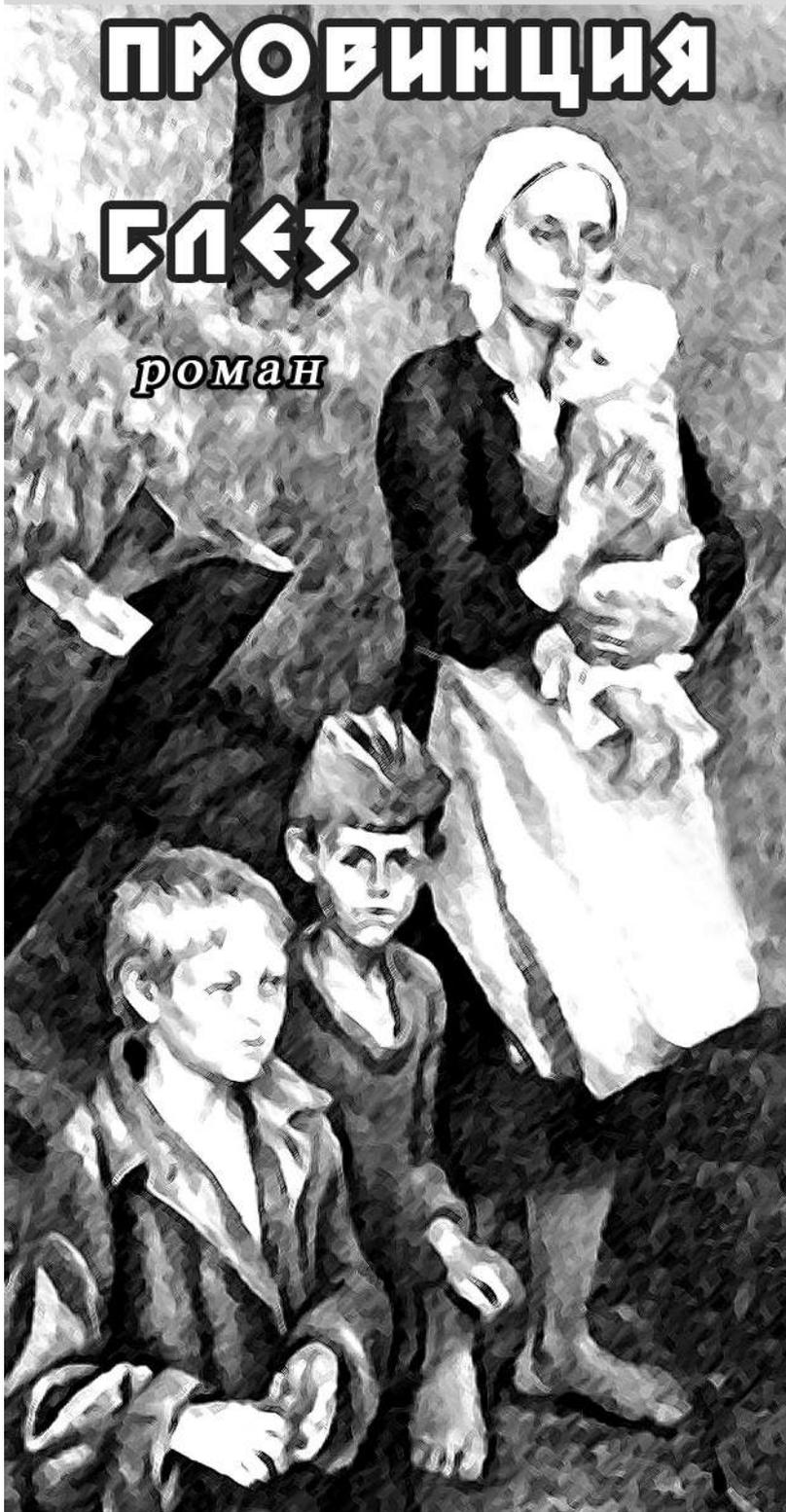

ПРОВИНЦИЯ

БЛЕЗ

роман

**Владимир
ПРОНСКИЙ**

г. Москва

ВТОРАЯ КНИГА

Избранные главы

ЖГУЧИЙ ВЕТЕР МАРТА

Высокий, чисто выбритый мужчина неторопливо шёл по базару, поскрипывая начищенными хромовыми сапогами. Своим нездешним видом он невольно привлекал внимание, выделяясь среди ватников и козухов местного люда тёмно-серым драповым пальто и богатой островерхой папахой из чёрного каракуля. Мужчина легонько насвистывал, поглядывал по сторонам, и было видно, что пришёл не за покупками, а скорее по довоенной привычке посещать в воскресные дни базар. Как человеку приезжему, ему, очевидно, хотелось познакомиться с местными обычаями, приглядеться к людям, но народу в этот день собралось мало: десятка два продавцов, а покупателей и того меньше. Они стеснительно прятали носы от мартовского ветра, не по-весеннему жгучего, и почти ничего не покупали, лишь приценивались и, видимо, ждали того момента, когда торговки начнут расходиться, чтобы взять у них по дешёвке. Присматриваясь к стоящим за прилавками бабам, мужчина понимал, что большинство из них попали на базар случайно. Все они заглядывали в глаза, нахваливали немудрёный товар, и по их отчаянным взглядам было видно, что какой-то нестерпимый случай заставил продавать последнее, чтобы тут же купить самое необходимое.

Одна из продавщиц мужчине приглянулась, хотя ничего в ней не виделось особенного: ватник, выцветший полушалок, как и у всех, задубелое от ветра и

мороза лицо. Лишь усталые карие глаза выделялись. Они смотрели вроде бы равнодушно и вскользь, но он разглядел в них отчаянную просьбу. Её глаза, казалось, кричали, умоляли: «Дяденька, купи, чего тебе стоит — купи. Три десятка всего!»

И он не смог пройти мимо.

— Сколько стоят у вас яички? — спросил, чуть улыбнувшись.

— Сколько и у всех...

— Толковый ответ... А что же вы купите на вырученные деньги?

— Что надо, то и куплю... Спичек и мыла дома нету, керосин закончился... Чего ты, мил человек, голову морочишь?! Будешь брать, так бери, а то уж базар расходуется!

— Хорошо, я покупаю... Пойдёмте, пожалуйста, отнесём ко мне домой.

— Какой ловкий! А может, ты что-нибудь учудишь?!

— Неужели я похож на злодея? Просто нет с собой сумки.

— Зачем тогда на базар припёрся? Делать, что ли, нечего!

— Хорошо. Заходить не будешь, подождёшь на улице. Это тебя устроит? — спросил он, неожиданно перейдя на «ты», проникнувшись её бесцеремонностью и решив, что своё обращение будет более уместным.

— Ладно...

— Тогда хотелось бы познакомиться... Меня зовут Дмитрий Иванович... А тебя?

— Надей... А кто Надёжкой называет.

— Вот и хорошо. Пойдём, Надюша.

На выходе им наперерез заторопился безногий инвалид на низенькой тележке. Колёса тележки прошикались в снег, инвалид неистово отталкивался деревяшками и кричал на весь базар:

— Барин, барин, обожди... Подай на хлеб Христа ради!

Дмитрий Иванович остановился, достал из кармана армейских галифе трёшницу, отдал калеке:

— Возьми, браток...

— Спаси Христос, — трижды поклонился калека, но, стоило Надёжке и её неожиданному знакомому выйти за ворота, сразу забыл о благодетеле, покотил к дальнему прилавку, где толпились несколько пацанов, шпанистых на вид.

— С кем живёшь-то? — поинтересовался Дмитрий Иванович, когда они отошли чуток в сторонку.

— С детьми и свекровью.

— Муж есть?

— На войне погиб... Нам далеко идти?

— Нет. Почти рядом. Видишь двухэтажный домишко... В нём я и обитаю. Комнату от завода дали, я ведь приезжий... Так ты зайдёшь или нет?!

Надёжка остановилась, начала ковырять валенком снег и вдруг увидела, что из дырки выглядывает чулок... От стыда она не знала, куда деть себя. Захотелось одного: поскорее уйти от этого странного мужика. Чего он прицепился?

— Последний раз спрашиваю, — не глядя на него, предупредила она. — Будешь покупать или нет?!

— А где ты живёшь?

— Зачем тебе знать?!

— Вдруг в гости приду!

После такого разговора Надёжка поняла, что зря приходила на базар, отпрашивалась у бригадира, лезла ему на глаза. От нахлынувшей обиды она не сдержалась:

— Кто тебя ждёт, кому ты нужен! В гости ему захотелось, а нам в моргаску залить нечего!

— Вот тебе деньги, — Дмитрий Иванович достал из портмоне две сотенные бумажки. — Купи что нужно.

Она решила, что он смеётся, а он действительно подал деньги и стеснительно посмотрел на неё.

— Три десятка не стоят таких денег. Не возьму!

— Пожалуйста! А яички неси детям, накорми их.

Когда он сказал о детях, каких совершенно не знал, Надёжка впервые по-настоящему посмотрела на стоявшего перед ней мужчину, необъяснимо заволновалась и почувствовала себя виноватой перед ним... Деньги не взяла, но и уйти сразу не посмела, словно ждала от него какого-то особенного слова, такого, какого давно не слыхала, но очень хотела услышать.

— Так где ты всё-таки живёшь? — переспросил Дмитрий Иванович.

— Недалеко здесь... В Князеве.

— А фамилия как?

— Савина...

— Савина?! Интересно. Значит, мы однофамильцы... Вечером дома будешь?

— Где же ещё.

— Тогда жди гостя...

Надёжка возвращалась домой и не понимала, что происходит. Почему сегодняшний день так не похож на все предыдущие за несколько последних лет. А вот чем не похож — объяснить не могла. Тем, что впервые за много-много лет побывала на базаре? Или тем, что незнакомый мужчина разговаривал с ней как с женщиной? Скорее всего — второе, потому что всю войну мужики смотрели на неё как на крепкую лошадь, для иных взглядов имелись молодые девки, не обломанные жизнью, выросшие и повзрослевшие за войну, вопреки всем бедам. Они даже неожиданно переросли своих корявых военных сверстников и, предназначенные судьбой для тех, большинство из которых не вернулось с фронтов, не смогли занять природой уготованное место, заставляя томиться обманутые души и тела. Что же оставалось делать тем, кто, испытав короткое счастье замужества и ставши вдовами, теперь единственное своё спасение видели в детях-сиротах да немощных стариках. Постоянные заботы о еде да одежде не оставляли ни времени, ни сил ни на что другое. О мужиках, минуте свободного времени, когда можно прилечь и ни о чём не заботиться — и думать не смей. Нет, надо постоянно что-то делать, куда-то спешить, чем-то надрываться, будто без последнего, отчаянного усилия жизнь остановится, достигнутое таким напряжением в один миг рухнет, рассыплется в прах и никогда не будет восстановлено.

Поэтому в сегодняшней встрече Надёжка видела открытую для себя опасность и теперь думала, как защититься от неё, перехитрить, отвести в сторону. Иначе жизнь её семьи, кое-как налаженная без мужа и свёкра, ещё теплившаяся и отчаянно поддерживаемая и охраняемая от проделок судьбы, растворится в горестной неопределённости, превратится в сплошное сожаление и не будет от него спасения до последнего вздоха. Чем так мучиться, не лучше ли прежде подумать, чем сделать следующий шаг. Ведь всякому известно, что ощупкой идти надёжней, чем ломиться напролом.

Надёжка радовалась, что сумела разглядеть опасность, и теперь смеялась над собой, вспоми-

ная Дмитрия Ивановича: «Ах, старый хрыч! В гости ему захотелось! Деньгами хотел замаслить — желанный какой. А мы ни в чьей жалости не нуждаемся!» Она почти бежала Пушкарской слободой, но яйца в кузовке, обвязанном платком, несла осторожно. Не беда, что не продала. В следующий базар ещё сходит. Зря, что ли, в Нижнюю слободу дрова возила, несколько ночей не спала. Скоро половодье начнётся, тогда не особо в лес сунешься, заработать станет негде. Конечно, яйца не картошка: их съела и облинулась, а от картошки весь день сытой ходишь. Но картошки давно не осталось, и сейчас ей захотелось именно яичницы-глазуньи с хрустящими краешками, плавающей в душистом конопляном масле. Вот придёт и истратит целый десяток, чтобы на всех хватило. Решив так, она подготовилась к недоброжелательности Акули, хотя чего от неё ждать ласкового слова: свекровь на всю жизнь и остаётся ею. Не матушка родная. Правда, после смерти Григория во всех житейских вопросах последнее слово оставалось за Надёжкой, а Акуля не противилась этому, положившись на работающую сноху. Поэтому она всерьёз ничего не скажет, но коситься всё-таки будет. Да только Надёжка привыкла к этому и не обижалась: хоть с ребятами сидит — и то ладно.

Так всё и вышло, как предполагала. Акуля надулась, когда увидела, что сноха пришла, ничего не продав, и удалилась в спальню, и только оттуда подала голос, словно обиженная собачонка из подворотни:

— Теперь будем без огня сидеть и на холодной печи замерзать!

Надёжка ничего не сказала, не стала распалывать недовольство, спросила у Сашки:

— Как вы тут, ребяташки, без меня обходились?

— Я-то ничего, а Бориска с Нинкой дрались весь день — опорки делили, хотели на улицу удрать!

— Подождите, ребятки, — обняла Надёжка подошедших Нинушку и Бориску, — сейчас мы яичницу устроим. Наедемся так уж наедемся. Сашка, беги за дровами — разжигай печку. А ты, — шепнула Бориске, — зови бабушку, скажи ей: «Иди, бабушка, помогай маме!»

Ребята разбежались по делам, а Надёжка скинула ватник, платок и стала щепить сухое поле-

но. Пока занималась, молча подошла Акуля, вздохнула:

— К Фокиным, что ли, сходить? Они сегодня поздно топили: глядишь, угли остались.

— Сходи, мамань...

Через полчаса все сидели за столом, цепляя ложками яичницу и подчищая хлебом сковородку. Все радовались, только Надёжка хмурилась. И было отчего: семь яиц оказались испорченными, пришлось выбросить, а всего из трёх десятков осталось только тринадцать штук, и из них, быть может, половина негодных. Вот и верь после этого людям. Ведь старуха, платившая яйцами за дрова, клялась-божилась, что яйца свежие, только что из-под кур, а они, наверное, прошлогодние. Обидно, конечно, и обиднее всего, что обманули, будто на всю жизнь хотели обогатиться... Поэтому и вспомнила сейчас встречу на базаре и с радостью подумала о том, что не успела продать яйца, а то была бы такая стыдоба! Вспомнила она и обещание нового знакомого прийти в гости. Незаметно все её мысли настроились на одно: она представляла, что за человек этот Дмитрий Иванович, откуда он, где прежде жил, есть ли у него дети? А может, он женатый, приехал в Пронск на время и от безделья решил поразвлечься, позубоскалить.

Но все эти волнения и сомнения казались приятными, они волновали, наводили на размышления, рождали мечты, в них она возвышалась до необычного состояния души и невольно одергивала себя, приземляла чувства и старалась думать о повседневной жизни, в ней по привычке искала спасения, ибо по-другому жить давно не могла и не умела. Что привычно, то не страшно, казалось ей, хотя страшна и нелепа сама оскорбительная привычка.

Занявшись домашними делами, Надёжка за чем-то вышла в сени, в чулане глянула из оконца на большак и смутилась, застеснялась самую себя, словно сделала что-то необыкновенно предосудительное. Вернулась в избу, села на лавку, вспоминая, за чем ходила в чулан, а когда вспомнила — вернулась и, ругая себя, ещё раз заглянула в оконце... С этого момента она ничего не могла с собой поделать, гадала: придёт или нет?! А пока умыла ребят, одела почище. Тайком от Акули исчеркала красным карандашом плотную бумажку, у зеркала подрумянила

щёки, надела белую кофту и накинула на плечи полушалок. Свекровь заметила необычное поведение снохи, долго присматривалась к ней, а потом удивилась:

— Девка, не заболела ли? Ишь как щёки-то горят!

От её слов она покраснела по-настоящему, сделала кумачовой, не зная, что ответить.

— Куда так вырядилась-то? — продолжала цепляться Акуля.

— К нам сегодня должен начальник из Пронска прийти... Он в собесе работает — обещал помочь, — не сказала — выдохнула она.

— А чего же до сих пор молчала?! Я как клуша сижу, ничего не ведаю!

Акуля ушла в спальню, хлопнула крышкой сундука, разговаривала там сама с собой:

— Это надуть... Начальник придёт, а она сидит, глазами хлопает. Всякий стыд потеряла. Как ходит занюханной, такой и перед чужим человеком не стыдится показаться!

Вышла приодетой и напустилась на сноху:

— Чего ждёшь-то?! А ну иди юбку смени, надень ту, что из Егорьевска-города Павел привёз... Я, что ли, буду думать о тебе, дитятка какая! И ребят обиходь — Бориска сопливый ходит, а у Нинки вся рожа в сапухе... А ты, — повернулась она к Сашке, — бери мои валенки и беги на улицу — нечего тут под ногами мешаться да во взрослые разговоры встречать!

Не заставляя себя упрашивать, Сашка охотно оделся и выскочил из избы. Прошло около часа, когда он поспешно раскрыл дверь и позвал:

— Мамка, мамка!..

— Ты чего? — испуганно поднялась Надёжка с лавки.

— Иди встречай... Жених идёт!

Не дожидаясь, что скажет мать, Сашка зло хлопнул дверью и убежал во двор, спрятался, не желая показывать слёзы и думая, что мать погонится, захочет наказать. А та и не думала бежать: нерешительно застыла среди избы, испуганно посмотрела на свекровь, словно спрашивала совета.

— Иди, милка, открой. Встрень гостя, встрень.

Надёжка крадучись вышла в сени, осторожно открыла дверь и выглянула на улицу. И действительно увидела давешнего знакомого, шагавшего

вдоль порядка... Ступает неторопко, поглядывает на избы. Увидел у фокинского двора сноху, рубившую хворост, остановился, что-то спросил у Василисы. Та указала на дом Савиных и, пока он шёл к соседям, смотрела ему вслед удивлённо и чуть насмешливо... И вот он совсем рядом, у крыльца: поправил папаху, обстучал сапоги и поднялся по ступенькам. Не дожидаясь, пока он постучит, Надёжка раскрыла дверь и встала перед ним потупившись, еле слышно сказала:

— Проходите, мы вас ждём...

— Очень хорошо, — несмело сказал он, зашёл в сени и подождал, когда Надёжка закроет дверь.

Около избыной двери замешкались, пропускавая один другого, неловко столкнулись, и, пригнувшись, стукнувшись головой о притолоку, он всё же на правах гостя первым вошёл в избу, отступил немного в сторону, позволяя пройти Надёжке, и поздоровался с Акулей.

— Здравствуй, батюшка! — поднялась та с лавки, поклонилась и сразу запричитала: — Войди, любезный, в наше бедственное положение. Сильно мы горемся какой год. Сынка моего на войне убили, трое сирот осталось, а сноха у меня хотя и работающая, да ведь всему предел есть!

— Мамань! — растерянно перебила Надёжка свекровь. — Ну что ты прямо...

— Зря лишнего говорить не буду: что есть, то есть! Раз человек послан по казённому делу, значит, не по своей воле. Если бы всё у нас хорошо складывалось, то кто бы его послал?!

— Никто не неволил! Сам напросился, — осмелела Надёжка.

— Да, да, — поддержал её Дмитрий Иванович и улыбнулся: — Никакого насилия. Абсолютно добровольно пришёл посмотреть, как ваши детки поживают.

Бориска с Нинушкой, наблюдавшие с печки за гостем, услышав, что о них вспомнили, задёрнули занавеску и притихли.

— Надюша, позови их! — попросил Савин и начал доставать из сумки гостинцы.

Он положил на лавку коробку спичек, два куска мыла, выложил солёную треску в пергаментной бумаге, а спустившимся с печи детям, насуспенно вставшим в сторонке, подал кулёк пряников. Те вопросительно посмотрели на мать, молчаливо спрашивая разрешения взять

угощение, увидели одобряющий кивок и на шагок приблизились к гостю. Первым оправился от стеснительности Бориска. Он взял у гостя кулёк и радостно выдохнул:

— Моя мнямня! — и хотел улизнуть, но был перехвачен сестрой.

Какое-то время взрослые смотрели на их возню, но вскоре Надёжка отобрала пряники, выдала по одному, остальные положила на стол и загнала ребят на печку, сказала, словно извинилась:

— Вот так мы и живём — не соскучишься с нами.

— Дети... Какой с них спрос! — попытался подержать Надёжку Дмитрий Иванович и замолчал, не зная, что ещё сказать и как найти общую тему, и вдруг увидел всю нелепость своего положения, в какое попал он, пятидесятилетний человек, много повидавший в жизни. Зачем, ради чего или кого он притащился сюда? Какого рода затмение нашло, кто им правил в те минуты, когда обещал прийти в гости? И старуха, и вдова, и её заморённые дети показались такими жалкими, что, взглянув на себя со стороны, он и себя сейчас увидел таким же, даже, может, более жалким и смешным, ибо они находились в своей естественной обстановке, а он в ней являлся инородным телом. Наверное, поэтому он не знал, как вести себя и что говорить под испытующим взглядом старухи... Сноха ей, видно, что-то наврала о нём, и теперь в её старческом сознании всё перепуталось, она не могла объяснить появление неожиданного гостя и смотрела на него как на икону. Он же не хотел ею быть, в душе смутно чувствовал, что и сам с готовностью поклонялся кому-нибудь. Видно, поэтому и пришёл сюда. Не мог не прийти... От волны размышлений его отвлёк голос девочки:

— Ещё хочу пляник...

— Надюша, дай дочке пряников, — первым откликнулся он на её просьбу. — И сыну дай. Сейчас не война, чтобы дети голодали! — Дмитрию Ивановичу было приятно видеть, с какой готовностью она отозвалась на его слова, и от этого сразу показалась понятливым, давно знакомым человеком, о каком мечтал всю жизнь. Он тотчас радостно подумал: «Вот она, моя икона, вот на кого надо молиться!»

— Сашке-то оставьте, — будто про себя сказала Акуля, когда Надёжка хотела все пряники отдать младшим детям.

Но та спохватилась, сказала виновато:

— И ему оставим. Всем хватит. Пряников много! — И отругала себя в душе, что только сейчас, после слов свекрови, вспомнила о старшем сыне, и сделалось нестерпимо жалко его, захотелось тотчас позвать, найти, чтобы быть всем вместе. — Сашка, Сашок, ты где? — позвала она, раскрыв дверь в сени.

Сашка слышал голос матери, но решил назло ей не отзываться. Даже если она нашла бы его, то он не пошёл, ни за что не стал бы сидеть в избе вместе с чужим дядькой, которого видел лишь издали, но и издали успел невзлюбить. Сашка хорошо помнил тот день, когда в семье узнали о смерти отца, помнил, как помирал дед. И если деда он почти не вспоминал, потому что сам видел, как его закопали в землю, то об отце думал часто, ещё чаще он снился с геройской звездой на груди, как у товарища Сталина. Всякий раз Сашка во сне узнавал отца, убеждался, что теперь нашёл его навсегда. Он приходил по дороге из Пронска, откуда сегодня притащился этот противный дядька, и Сашка сперва даже принял его за отца... Теперь Сашка понял, что ошибся, вспомнил, как учительница говорила на уроке, что чудес не бывает. Сегодняшнее разочарование оказалось самым сильным, какое испытывал он когда-либо. Поэтому и спрятался во дворе от стыда перед самим собой и не хотел показываться гостю, словно тот всё знал о нём.

Надёжка позвала сына повторно, но крикнула не так уверенно, будто догадывалась о его настроении. Это настроение передалось и ей. Чтобы как-то скрыть его, она достала из печи чугунок с чаем, разлила по кружкам, угостила гостя. Мало-помалу Дмитрий Иванович разговорился, начал расспрашивать Акулю о жизни, будто к родной тётке пришёл. А после «чая» с заваркой из чабреца вернулось напряжение первых минут, поэтому решил распрощаться.

Когда Надёжка вышла на крыльцо проводить, он спросил:

— Надюш, не будешь против, если в следующий выходной ещё к вам приду?

— Какие у нас выходные? Я уж свой на базаре

отгуляла, теперь к бригадиру и не подходи, — удивилась она и стеснительно перешла на «вы»: — Но вы, если хотите, приходите после работы. Вечерами мы всегда дома.

— Хорошо... До скорой встречи, — расставаясь, сказал Дмитрий Иванович и нехотя спустился с крыльца.

Надёжка смотрела ему вслед, пока он не растворился в темноте, а когда перестала различать, — долго прислушивалась к хрусту снега под его сапогами. Наконец всё стихло, и она сразу вспомнила о Сашке. Не заходя в избу, ощупкой вышла во двор, тихо позвала:

— Сашок, ты где? Выходи, ведь знаю, что ты здесь... Не терзай душу — выходи. Пойдём домой!

Голос Сашки раздался где-то совсем рядом:

— Один приду!

Она не стала спорить и уговаривать: знала — теперь вернётся. Вернулся он через несколько минут. Молчком разделся, кряхтя, как старик, полез на печку, ни на кого не обращая внимания, словно все перед ним оказались виноватыми... К печке подошла Акуля, подала ему три пряника:

— Вот возьми. Тебе оставили. Уж такие вкусные. Чистый мёд!

— Не хочу, — угрюмо отозвался Сашка. — Не маленький. Отдай Нинке.

Пряники он съел только на следующий день, когда ни бабки, ни матери не оказалось дома. Два съел сам, а один разделил между братом и сестрой. В тот же день Акуля сварила рыбный суп. Треску всю ночь вымачивали в нескольких водах, но суп всё равно получился пересоленным, хотя и такой хлебали — за уши не оттащишь. А ещё через день, когда о пряниках и рыбе остались одни воспоминания, Нинушка спросила у матери:

— Когда ещё дядя пляников плинесёт?

— Скоро, дочка, скоро...

СЧАСТЛИВАЯ КРУГОВЕРТЬ

Неделя ожидания тянулась долго. В конце её Надёжка хватилась, а в избе не прибрано, полы грязные. В пятницу после работы устроила при моргаске стирку. В субботу отскоб-

лила полы до желтизны и заставляла ребят разуваться у порога, чтобы лишний раз грязь из сеней не таскали. Вроде всё сделала, а в воскресенье пришла новая забота: чем угостить гостя? Опять пустым чабрецом?! Уговорила свекровь истратить полтора фунта пшеничной муки, которую та берегла на пасхальный кулич. Немного масла конопляного нашлось... Напекли они всё-таки горку блинов.

Ждали-ждали Дмитрия Ивановича и прозевали. Даже Сашка не успел убежать, когда увидел гостя под окном. А Надёжка, выйдя на крыльцо, чуть не упала от удивления: рядом с крыльцом стояли сани, а на них один мешок, второй и живые ярка с баранчиком. От удивления её распирал смех. Она не могла поверить, что Дмитрий Иванович, которого на базаре называли бараном, сам притягал из Пронска такую поклажу!

— Вот, Надюша, принимай новосёлов, — улыбочиво сказал Савин, — обзаводись хозяйством. Пора. Уже год почти прошёл, как война закончилась, а у вас никого из животных нет. Без них трудно в сельской местности... Баранчика и ярочку можно оставить на племя. Хозяин на базаре сказал, что у них скоро детки будут. — Он начал развязывать сиреневоглазых животин, Надёжка стала помогать ему и вдруг зашлась смехом. Дмитрий Иванович удивлённо посмотрел: мол, что с тобой?

— Посмотрите, — едва сдерживая смех, сказала Надёжка, — баранчик-то двухнастный...

— Да, действительно, — тоже засмеялся Савин. — Ах, бородатая шельма! — незлобиво ругался он, видимо вспоминая базарного прощелыгу. — Бракованный товар подсуропил!

Смеясь, они загнали овец в стойло, где когда-то стояла корова, и вернулись на крыльцо, занесли мешки в избу. Сашка, увидев Дмитрия Ивановича, спрятался в кухне, а младшие выглядывали с печки, сделав меж занавесок небольшую щель. Они жадно и напряжённо смотрели, как гость достаёт из мешка еду: один полотняный мешочек, второй, завернутый в жирную бумагу кусок маргусалина. Как и в прошлый раз, достал треску, да не одну, пряников большой кулёк и два куска мыла. Опорожнив мешок, сказал:

— А второй можно не пересыпать. Тут картошка.

Увиденное не укладывалось у Савиных в голове. Акуля смотрела то на продукты, то на гостя и удивлённо хлопала глазами. Надёжка не выдержала, ушла к Сашке и там уж не смогла сдержаться, дала волю слезам. В избе установилось оцепенение, никто не знал, что делать. Первым пришёл в себя Дмитрий Иванович. Он заглянул в кухню, вывел оттуда Надёжку. Хотел обнять и успокоить, но встретился взглядом с Сашкой, сказал невесело:

— Не надо плакать... Приготовь что-нибудь ребятам.

Она молча утёрлась, вздохнула, начала разбирать продукты и позвала Сашку:

— Санёк, сбегай к тётке Вере, попроси у неё сенца овечкам, а я пока что-нибудь придумаю.

Сашка потихоньку оделся, исподтишка поглядывая на гостя, по-хозяйски усевшегося на лавке, и вышел в сенцы. На какое-то время установилось молчание, а потом вдруг Акуля заголосила ни с того ни с сего. Она подошла к Дмитрию Ивановичу, обняла его, стала целовать в макушку и приговаривать:

— Батюшка наш желанный... Сколько дней и ночей молилась за тебя, сколько слёз горьких пролила и бесконечных дум передумала. Услыхал Господь молитвы! До последнего вздоха буду молиться. Спаси тебя Христос, сохрани на веки вечные...

Не ожидавший такого излияния благодарности, Дмитрий Иванович не знал, как освободиться от объятий Акули: не оттолкнёшь, но и вдыхать кислый запах повисшей на плечах старухи не хотелось, и он, легонько отстраняясь, приподнялся, спросил у Надёжки:

— Надюша, чем помочь?

Она не успела ответить, а старуха опять запричитала:

— Что ты, батюшка, мужинское ли дело — стряпать?! Ты, милый, отдыхай, какую страсть всего привёз. Мы и сами теперь управимся.

Что правда, то правда: надоело Савину готовить, особенно в последнее время, когда поселился в Пронске, где приходилось обживатьсь с нуля, хотя он многие годы жил один и научился обходиться малым. Ведь уже десятилетия прошли с тех пор, когда он был женат и не заботился о питании. Тогдашняя беспечность продолжалась целых три года, пока они с женой

надеялись увидеть ребёнка, но так и не дождались. Вместо него — взаимные упрёки, переходившие частенько в оскорбления, и как следствие — развод. А потом учёба в Академии связи, мотания по стране, война. И вот ему уж полсотни, а ни жены, ни детей, ни своего угла... В этот вечер Савин уходил из Князева не столь поспешно. Он привык к Надёжкиной семье, её обитатели привыкли к нему, и никто не желал расставания, словно недолгое время до следующего выходного, проведённое без известий, могло навсегда остаться невосполнимым. Когда Надёжка вышла проводить гостя, то на крыльце долго-долго всматривалась в его лицо, взгляд её казался необычным, и он заметил это, заботливо спросил:

— Что с тобой?

— Это я так что-то... — стеснительно откликнулась она и покраснела, не зная, что ещё сказать.

Он ничего не стал выяснять, спустился с крыльца, подцепил верёвку саней, но она оставила:

— Мить, ну что ты... Не срамись с ними! Вечером я бы привезла... — сказала заботливо и на полуслове осеклась, почувствовав, что ляпнула что-то не так, как хотела, и теперь он мог подумать, что она легкомысленно напрашивается в гости.

— Ну что ты — мне это совсем не трудно... И стыдиться нечего... — Он понял, что она преднамеренно оговорилась, тем не менее мысль о возможности увидеть её у себя разволновала, и, пока неторопко шёл до Пронска, не мог успокоить себя, придумывая и отвергая разные варианты этой встречи.

Проводив Савина, Надёжка сразу вспомнила о «порченом» баране... Пошла к Мать-Груньке просить зарезать его. Тот долго не заставил упрашивать себя. Не прошло, наверное, и часа, как они уж угощались печёнкой, а когда Васёк, наевшись, ушёл, Надёжка собралась к сестре. Пришла, а та сразу с вопросом:

— Чего одна-то? — спросила Вера. — Ухажёра чего же не привела?!

Надёжка рассмеялась:

— Он давно ушёл.

— Как же это я посмотрела?! — искренне удивилась Вера, и этим ещё более развеселила сестру.

— А ты думала — он ночевать останется?

— Ну, уж это ваше дело. Указывать не могу... Чего пришла-то?

— Мяса принесла. Барана сегодня зарезали.

Вера посмотрела на сестру как на сумасшедшую:

— Откуда у вас баран-то взялся?! Чего мелешь?!

— Митя привёз... Ещё ярка во дворе стоит! Да к тебе Сашка за сеном прибежал. Разве ничего не сказал?

— Ничего... Я подумала, что матрас хотите набить, чтобы любовничать мягче было.

— Вот и не угадала. Об этом и разговора никакого. Дмитрий Иванович продуктами завалил. Я уж и думать не знаю что.

— Проходимцев ныне хватает...

— Он не похож на такого. В годах уже, зато у него денег тьма-тьмуша. Инженером на заводе работает.

Вера слушала сестру и не знала, что делать: радоваться или печалиться? Ей не верилось в её способность к иной жизни и в то, что чужой человек может запросто поделиться чем-то, не прося ничего взамен. Что это есть божий знак — Вера не сомневалась, но не понимала, почему перст Господний выбрал именно Надёжку и чего в этом больше: хорошего или плохого?!

— Сноха когда обещала вернуться от матери из госпиталя? — спросила Надёжка после долгого и неловкого молчания и заметила, что Вере не особенно хочется говорить и слушать о Дмитрие Ивановиче.

— Галя-то?! — переспросила Вера, словно была ещё сноха. — Помоги ей Господь, исцели её раны душевные... — Она замолчала, прислонилась к простенку. — Третий день девки нет... Как бы чего не случилось! Говорила ей, чтобы после поминок поехала, а она заупрямилась... Распутица ей нипочём, хотя и понятно.

— Ничего, обойдётся, — вздохнула Надёжка.

— Мясо-то убери, что я его держу!

— Вот за это спасибо... А то завтра поминать надо, а у меня на стол поставить нечего.

— Хочешь, чугунок пшённой каши сварю? — предложила она, а Вера ещё сильнее удивилась: — Спасибо тебе, конечно, но помяни моё слово — это всё не к добру. Мало ты бед натерпелась?! Помнишь, тебе Павел с фронта денег

прислал? Как вы все радовались, а после что вышло? А-а? Так что не надо нам ни мяса вашего, ни каши.

— А я ему верю! — упрямо сказала Надёжка. — Ведь он сам несчастный. Разве кто другой на его месте стал бы чужую семью кормить?! А он ничего не жалеет... Ты бы видела, как он на ребят жалостливо смотрит!

— Да он кем угодно прикинется... Ведро слёз нальёт, короб слов любезных наговорит и оставит брюхатой... Потом ищи его свищи. Так что неси мясо назад. Не нужны нам такие подарки!

— Думай как хочешь! — Надёжка повернулась к двери и ушла обиженной.

Только наутро Надёжка поняла, почему сестра сделалась такой мнительной и необычно раздражительной. Она устала от жизни. И на сестру не обижаться надо, а помогать ей: словом и делом. Поэтому, когда уходила на работу, попросила Акулю потушить мясо, и хоть этим, но помочь Веру. А сразу после работы заторопилась к сестре и чугунок прихватила.

Надёжка хотя и думала о сестре, но мысли о Дмитрие Ивановиче. С появлением его в своей жизни она почувствовала в себе неясную пока надежду на то, что он возьмёт на себя — хоть немножко — часть забот. Она мечтала хотя бы об одном таком дне, когда станет беззаботной, когда не надо будет ни о чём думать, ни о ком заботиться, счастливо сознавая в душе, что есть такой человек, способный заменить её, он не подведёт и всё сделает как нужно, ему можно доверить и себя, и ребят, и свекровь.

В очередной раз Дмитрий Иванович собрался в Князево, не дожидаясь выходного, вспомнив, что у Надёжки закончился керосин. Был четверг. Сразу после работы он заглянул домой, вместо гостинцев налил бутылку керосину, ещё в обед вспомнив, как Акуля жаловалась, что скоро опять будет нечего залить в моргаску, и вышел на улицу. В Пушкарской слободе мощный большак успел подсохнуть, но за слободой снег перемешался с грязью, только косогор вдоль лощины бурел прошлогодней травой и мягко пружинил под ногами. Савин не знал, зачем и почему шёл в Князево именно сегодня: не затем же, в конце концов, чтобы отнести бутылку! Видно, что-то ещё подвигло на это, и это «что-то» он не мог объяснить себе.

В сегодняшний неожиданный визит Савина Надёжка окончательно поняла его, у неё мелькнула обнадеживающая мысль, что все они нужны ему, поэтому и заботится, и не жалеет ничего. Даже если это не так, то теперь Надёжка хотела в это верить и этим жить, она не могла отказаться, глядя, как он, наскоро похлебав картофельного супу, поднялся из-за стола.

— Ты куда? — спросила Надёжка.

— Пойду плетень за двором поправлю...

Но работал он недолго: постучав за двором топором, вернулся.

— Ну вот, теперь и мне можно спокойно домой возвращаться! — сказал Савин на крыльце. — До свидания, Надюш! — Он хотел поцеловать её, но она попятилась, а он повторно прижал к себе и всё-таки добился внимания.

Поцеловавшись, они стояли, казалось, не дыша, пока она не зашевелилась:

— До завтра!

Он согласно кивнул, по-военному ловко повернулся и беззвучно пропал в наступавшей тёплой ночи, словно и не было его рядом в этот вечер. Вернувшись в дом, Надёжка, стараясь не шуметь, разделась, забралась под одеяло, но уснуть долго не могла, а когда всё-таки сон одолел, увидела в избе Павла... Он напряжённо сидел на лавке и удивлённо смотрел на неё, полураздетую. Смотрел и молчал: пристально, угрюмо. Надёжка поняла, что он сейчас начнёт бить, и желала одного: быстрее бы, чтобы не тяготиться ожиданием. Она не хотела и не пыталась оправдываться, не ждала от него пощады. Только одного не понимала: как смогла, осмелилась при живом муже с кем-то целоваться?! Это не укладывалось в голове. Пока она ожидала наказания, в избу вошёл Григорий. В руке он зажал чересседельник и, взглянув на сына, насмешливо спросил: «Чего ждёшь-то, телок?!» — «Не могу, батя. Рука не поднимается». — «А я смогу. Такую курву учить надо!» Григорий охлестнул конец сыромятного ремня вокруг ладони, крепче утянул его и, ни слова более не говоря, жиганул по голым плечам снохи. Второй удар пришёлся чуть ниже, но и через рубашку Надёжка почувствовала, как ожгло кожу, словно не ремнём стегал свёкор, а бил суковатым колом... Третий удар опять пришёлся по плечам, и Надёжка не вы-

держала боли, закричала, умоляюще посмотрела на Павла... Но он потупил взгляд и не отозвался, вместо него на помощь подбежала Акуля. Она повисла у Григория на руке, заголосила: «Ты что же и мертвый-то покоя не даёшь?! Долго ещё терзать-то нас будешь?!» — «Чего, чего? Ишь как осмелела?! — перекинулся Григорий на жену. — Покоя им не даю! Я вам такой покой покажу — навсегда прищипните!» И тут Павел не выдержал, поднялся с лавки и оттащил отца от матери, отобрал череседельник и тихо, как самому себе, сказал: «Не шуми, бать. Пойдём отсюда — лишние мы...»

Надёжка встрепенулась ото сна, но Павел и свёкор, как живые, продолжали стоять перед глазами, и она невольно вглядывалась в сумеречность рассветного утра, прислушивалась к посапыванию ребят на печке, чтобы отвлечься, даже перевернулась на другой бок, но более заснуть не смогла. Оделась, вышла во двор, постояла у ярки, но быстро вернулась в избу, потому что в тёмных углах двора опять кто-то почудился. Затопила печь. Пока огонь разгорался, она недвижимо сидела на лавке, погрузившись в полузабытьё. Перед глазами то появлялись, то исчезали Павел, свёкор, Дмитрий Иванович, Зина-почтальонка порхнула ни с того ни с сего и пропала, оставив в памяти вопрос: «Ты никак замуж собираешься?» — от которого Надёжка невольно рассмеялась. И неожиданное это веселье ужилось в ней, даже сохранилось на весь день, пока она потом перебирала картошку в буртах. Даже нудная эта работа не вытравила нечаянную радость, а помогла забыть ночные видения и наполнила душу нетерпеливым ожиданием.

Возвращаясь с поля, она на подходе к дому услышала звон пилы. И чем ближе подходила, тем сильнее этот звон радовал душу и, отражаясь, казалось, плыл над землёй... Она сразу прошла за двор и увидела Дмитрия Ивановича и Сашку, пиливших дубовые брёвна.

— Это где же вы дров-то взяли? — насторожённо спросила она у Сашки.

— Дядя Митя привёз!

— Да, Надюш, всё законно... Машину дров на заводе помогли оформить.

То ли на разговор, то ли из любопытства вскоре за двор пришла Акуля с Нинушкой и

Бориской, сели в сторонке, смотрят на работающих, улыбаются. Через некоторое время Акуля подала голос:

— Хватит, хватит — ишь какую страсть набузовали! Пойдёмте ужинать.

— Бабушка, сперва надо поленья в рядок сложить! — напомнил раскрасневшийся Сашка. — Вдруг дождь пойдёт — намочит!

Надёжка рассмеялась:

— До следующей зимы высохнут... Сашок, а с каких это пор ты стал таким заботливым? — Она хотела похвалить сына, а тот застеснялся и обиделся.

— Не хотите, так и не надо... Больше ничего делать не буду! — сказал он угрюмо и демонстративно сел рядом с бабушкой.

— А ну перестань капризничать! — Надёжка хотела покружить сына, но тот увернулся и набычился.

Дмитрий Иванович поглядывал на них и не знал, что делать. Акуля это заметила и подошла к нему, ухватила за рукав гимнастёрки:

— Пойдём, андел ты наш, ужинать, пойдём.

— С удовольствием, Акулина Михайловна, вот только прежде надо дрова убрать. Ведь Сашок прав: дождь пойдёт — намочит.

— Пусть будет по-твоему, хотя сейчас не осеннее время, — согласилась Акуля и призвала на помощь внучат: — А ну, ребятки, налетайте, не ленитесь!

Ужинали, как и работали, — вместе. После ужина, когда ребяташки забрались на печку, а Дмитрий Иванович собрался уходить, Акуля шепнула ему:

— Остался бы... Какой интерес мужчине одному перебиваться?!

Слова Акули смутили откровенностью, но смущение Савин постарался скрыть, хотя это и не получилось полностью; выдало навалившееся вдруг молчание. И чем дольше он молчал, тем неуютнее чувствовал себя. Надёжка поняла это, когда он сказал не сразу, но горделиво:

— У меня пока своя крыша над головой есть...

Надюш, проводи, пожалуйста!

Когда Надёжка через полчаса вернулась, старуха съехидничала:

— Он случаем не контуженый?!

— А если контуженый, то что?

— А то, что таким бабы не нужны... Видала,

как он в Пронск-то стреканул! Знать, слабость за собой чувствует. Справного мужика от бабы арапником не отгонишь, а этот, чуть стемнеет, к себе бежит. В следующий раз спроси у него: лежал ли в госпитале? Если лежал, то с каким ранением? Может, у него всё мужское напрочь оторвано.

— Да он и на фронте-то толком не был — на аэродроме самолёты чинил, — давилась смехом Надёжка. — Хотя кто ей знает: ведь он молодым ещё на одной войне побывал. Вот завтра придёт — спроси у него.

— У, бесстыжая, — Акуля замахнулась тряпкой на сноху, но более сама стушеввалась и ушла в спальню, не решаясь более надоедать. В последующие дни она не вмешивалась в их отношения: то ли не хотела, то ли убедилась, что по её ничего не будет.

Дмитрий Иванович остался ночевать через неделю, почти перед самым маем. К этому времени установилась чуть ли не летняя теплынь, на большаке даже пыль появилась, только деревья пока не распустились... После визита, когда Акуля оставляла ночевать, он продолжал ходить каждый день. Придёт, поужинает, что-нибудь по хозяйству сделает. Понемногу разного инструмента наносил: и пила лучковая появилась у Савиных, и топор, наточенный по-настоящему, долотца появились, стамесочки фигурные... Каждый вечер Надёжка проводила Савина до расставанных ветел, никак каждый вечер не могла с ним расстаться. А в субботу, когда Дмитрий Иванович привычно вернулся с работы как к себе домой и, перекусив, присел на крыльце, решив наточить старую двуручную пилу, то неожиданно спросил у вышедшей к нему Надёжки:

— Акулина Михайловна не будет против, если сегодня останусь у вас ночевать? Погода установилась тёплая — я бы с удовольствием поспал на вольном воздухе в сарае.

— Как хочешь... Только там не прибрано.

— А мы порядок наведём. Главное — топчан есть, а остальное полбеды.

Он не закончил точить пилу, а Надёжка уж начала убираться в сарае. Вскоре пришла на помощь Акуля, и, как показалось ему, старалась она даже больше снохи. Спать в этот вечер улеглись поздно: пока провозились с уборкой,

да и вечера стали долгими, а солнце в последние дни словно забыло дорогу к горизонту. Когда стемнело, Дмитрий Иванович пожелал всем спокойной ночи и отправился в сарай. Надёжка закрыла за ним в сенцах дверь, вернулась в избу и услышала шёпот свекрови:

— Сейчас же иди к нему! Зачем вернулась? Меня, что ли, давно не видала?!

— Мамань, не венчанные мы... Не по закону это, совестно.

— Где вам венчаться, коли церковь опять закрыли! У властей свои законы!

— Тогда хоть расписаться надо, чтобы по-людски было.

— А без Егоркиной штампы разве не проживёте? Нашли Святителя!

— Всё равно нехорошо...

— «Хорошо», «нехорошо» — вот заладила. Съест он тебя? Говорю — контузия у него, а мужику всё равно будет приятно... Пойдём за тобой и до утра — стучи не стучи — мизинцем не пошевелю.

Она покорно вышла в сени и, подталкиваемая Акулей, оказалась на крыльце. Свекровь выглянула из двери и громко, чтобы слышал Дмитрий Иванович, сказала напоследок:

— Ватное одеяло взяли бы — зори-то покамест холодные...

Надёжка промолчала, насторожённо присела на скамейку и не знала, что делать. Она слышала, как Акуля, хлопнув задвижкой, некоторое время топталась у двери, а потом ушла в избу, видимо посчитав своё дело сделанным. Минуту ли, полчаса ли Надёжка сидела на крыльце одна, пока не услышала тихо скрипнувшие ворота сарая и не почувствовала на своём плече тёплую руку Дмитрия Ивановича.

СОЧЕТАНИЕ САВИНЫХ

В конце апреля с войны пришёл Верин муж — Алексей Виноградов. Добирался он две недели с Дальнего Востока без особенной радости, хотя, конечно, интересно было после почти пятилетнего отсутствия поглядеть на родное село, поговорить со знакомыми — это верно. Но мрачные известия, какие получал из дома, пока все эти годы служил в хозяйственном взводе при аэ-

родроме, ещё задолго до демобилизации убили в нём счастье предстоящего возвращения. Он знал о гибели сына Фёдора, смерти старшей дочери, знал, что у него есть внук и что этот внук вместе со своей распутной матерью живёт в его доме. Сам Алексей домой почти не писал, и не потому, что не хватало времени, а из-за необъяснимого недовольства, поселившегося в душе с тех пор, когда Вера сообщила, что привела в дом соседскую Галю, а та ждёт ребёнка. Вот что оказалось не по нутру. Он не знал подробностей, но тот факт, что какая-то задрыга поселилась у них без ведома Фёдора, не давал ему покоя. Почему Вера прежде его самого не спросила? Может, ребёнок и не его сроду! Мало ли кто с кем собачится в молодости — всех и привечать?! С того письма и родилась в Алексее отчуждённость: мол, валяйте по-своему и не ждите моего слова. Поэтому и молчал, и не находилось сил написать жене письмо, когда узнал о гибели Фёдора.

И во взводе ни перед кем не сопливился: у всех свои беды. Зато, когда получил от Веры сообщение о смерти Маши, не сдержал себя, сорвался, написал короткое, но беспощадное письмо, ибо не мог понять, как могло такое случиться. Когда человек гибнет на фронте, это объяснимо — война, а как объяснить смерть девчонки в тылу, кого винить, как не мать! Правда, через неделю, когда чуток поостыл, то решил написать помягче, вроде как извиниться, но так и не написал... А потом война на Западе закончилась. Думали, вот-вот по домам распустят, да не вышло как думали: с Японией приказали разделаться. Сначала-то и не знали, что кампания окажется быстрой, — приуныли... А потом, когда за считанные недели разбили Квантунскую армию и по всему миру наступило затишье, их аэродром всё чего-то держали и держали в боевой готовности. Почти полгода томились. Первой партии демобилизованных устроили торжественные проводы: с музыкой, прощанием со знаменем. Алексей демобилизовался во второй.

Почти всю страну из конца в конец пересёк, пока не сошёл в Хрущёве, а оттуда — где на попутках, где пешком — добрался до Князева, и, наверное, за всю войну ни разу так не колотилось сердце, как колотилось, когда поднимался на последний перед селом подъём из Шамяти-

нской ложины. А когда, шагая Отрубями, всё ближе подходил к дому, то хотелось плакать, хотелось поздороваться со всем селом, и он здоровался: с ребятишками, большинство которых не узнавал; со старухами, осенявшими крестным знаменем; со стариками, уважительно снимавшими кепчонки... Он был готов поклониться дереву, птице, ранним бабочкам, порхавшим в низине у моста. Он даже в своём заикании находил удовольствие и был готов бесконечно повторять неизменное «...Д-дать», словно вместе с этим заветным словом отдавал, дарил душу и сердце. А когда оказался у своего дома и увидел игравшую на солнышке Варю, то не смог ни слова сказать, ни полслова... Подхватил дочку на руки, поцеловал и почувствовал, что задыхается от слёз.

— ...Д-дать, Варюшка, миленькая... — повторял он и повторял, и более не находилось в эту минуту иных слов.

Не помнил, как прошёл сеньями, как, машинально пригнувшись, ввалился в избу, не выпуская из объятий дочь, и замер на пороге. Увидел испуганно глянувшую на него Галю, прижавшегося к ней мальчонку и услышал из кухни голос Веры.

— Кто там пришёл? — спросила она у Гали, но та ничего не ответила, замороженно смотрела на Алексея, и Вера нашла её молчание необычным. Настороженно выглянула из-за дощатой перегородки, выскочила мужу навстречу и повисла у него на шее, зашла рыданиями. Алексей растерянно смотрел на жену и не знал, что делать. Наконец он зашевелился, опустил Варю на пол и сказал:

— ...Д-дать, хватит, девки, реветь!

Он положил скаток на печь, разулся и босой пошёл к столу, держа под мышкой вещмешок. Неторопливо развязал его, немного покопался и достал Вере, Гале и Варе по одинаковому миткалевому платку, пояснил:

— ...Д-дать, подарок вам... А это — мальчугану, — и подал Гале сандалеты: — ...Д-дать, летом будет бегать...

Пока Алексей раздавал подарки, Вера достала мужу валенки.

— Вот надевай... Пол-то холодный, — ласково сказала она и услужливо нагнулась, встала на колени, чтобы помочь надеть.

Но Алексей отстранил её:

— ...Д-дать, сам, — и, посмотрев на валенки, улыбнулся: — ...Д-дать, мои, довоенные, сберегла...

Пока Алексей, будто новые, рассматривал и примерял валенки, Вера начала собирать на стол, радуясь, что муж не стал спрашивать ни о Фёдоре, ни о Маше... Ведь все последние месяцы, пока каждый день ждала Алексея, она страшилась именно этих вопросов и думала о той минуте, когда сядет рядом с мужем и он спросит о детях... Что сказать ему, как ответить?! Хотя и знала, что вопросов не избежать, но не хотелось услышать их вот так сразу, когда и без этих вопросов не знаешь, за что хвататься скорей — всё из рук от волнения валится. Когда Вера достала из подпола запылённую бутылку водки, полгода сберегаемую именно для сегодняшнего дня, то шепнула в кухне дочке:

— Сбегай, хорошая, за тёткой Надей. Скажи, что наш папка с войны пришёл!

Вера надеялась, что вместе с сестрой ей легче будет перенести тяжесть возможных вопросов о детях, с ней, быть может, не так больно ударят они, если всё-таки будут.

Так и вышло.

Увидев Надёжку, Алексей заулыбался, поднялся с лавки навстречу и, усадив рядом с собой, спросил, внимательно разглядывая её:

— ...Д-дать, как поживаешь, молодуха?!

— Хорошо живём, только хвалиться нечем...

Словно вспомнив что-то, Алексей жалостливо посмотрел на Надёжку, ему сразу расхотелось спрашивать её. Спросил только о Павле — когда, где погиб, — и о Григории. Она коротко рассказала и горестно замолкла.

— ...Д-дать, значит, маешься? — спросил Алексей после небольшой паузы.

— Как и все. Война хоть и закончилась, а жить-то легче не стало. Год назад-то как радовались, мол, всё — отмучились! Нет, рано радовались.

— ...Д-дать, горюй не горюй, а дальше жить надо... Да ты ...д-дать, и не теряешься... Сейчас шёл мимо вашего дома, вижу — работник топором тюкает!

— Постоялец это... — покраснела она. — Нездешний он, на заводе работает.

— ...Д-дать, это и к лучшему, что нездешний... Может, позовёшь его? Белую голову раздавили бы за знакомство!

— Неудобно... Чужой человек...

Алексей не стал настаивать, пригласил женщин за стол, налил всем по рюмке. Взял свою, немного посидел, собираясь с мыслями, и, понутив голову, тихо сказал:

— ...Д-дать, помянем ребят наших и всех, кого прибрала война... Царствие им Небесное...

Он осушил рюмку одним глотком и минуту или две не закусывал и не дышал. Вера с Надёжкой только пригубили из приличия, а Галя и вовсе отказалась. Ели молча. На столе стояла миска картошки в мундирах и неполная солонка соли; в миске тушёнка, привезённая Алексеем. После второй рюмки у Алексея покраснели глаза, он начал тереть их, но, видно, сдерживать себя уже не хватало сил, и он торопливо вышел из-за стола, выскочил в сени. Вера — следом, но он вернул её, и за стол она уж не села. Поднялись из-за стола и Надёжка с Галей.

— Пойду домой, — виновато сказала Надёжка сестре. — Не переживай — всё уладится. Что же теперь делать.

Алексея она увидела на крыльце. Он задумчиво курил и на Надёжку почти не обратил внимания, а когда она попрощалась с ним, — молча кивнул в ответ. Домой Надёжка шла убитая мыслями. Она горько смеялась над собой, над своими попытками рассчитаться с обидой, нанесённой жизнью. От этих мыслей показались особо нелепыми встречи с Дмитрием Ивановичем, она только-только по-настоящему поняла, что совершила величайшую глупость, потеряла уважение людей, а главное, упала в собственных глазах.

Дмитрий Иванович продолжал работать. Она не показала ему и, прошмыгнув в избу, попросила свекровь:

— Мамань, скажи ему, чтобы он не жил у нас!

— Кому «ему-то»? — притворилась Акуля.

— Знаешь кому...

Свекровь бросила недочищенную картофелину и нож в таз с очистками, удивлённо захопала глазами:

— Ты чего мелешь-то?! Надо было раньше думать, а теперь, если не хочешь, чтобы на тебя

люди пальцем указывали, живи с ним! Или не понравился чем? Может, и правда контуженый?! Тогда другое дело.

— Не об этом я... Я так не могу: не венчанная, не расписанная. Противно всё это!

— А вы распишитесь. Долго ли! К Егорке Петухову в сельсовет сходите — документ вам выдаст. Чего тут придумывать... Иди, зови своего ненаглядного — скоро ужинать будем, а пока пусть отдохнёт.

— Сашок, позви дядю Дмитрия, — попросила Надёжка забравшего в избу сына. — Скажи, чтобы домой шёл.

— Сама скажи...

— Вот и правильно, — похвалила внука Акуля. — Ты не слушай мать, — добавила она властно, — занимайся своим делом, беги, гуляй — слышишь, сколько ребятни на выгоне собралось?

Когда Сашка улизнул, схватив в кухне кусок хлеба, Акуля напустилась на сноху: — И не стыдно тебе? Что тебе мужик плохого сделал?! Твоих детей накормил! Тебе сердце отогрел! Я бы с такого пылинки сдувала, а она — глядите-ка — выкаблучивает! Советская власть волю вам дала, а вы уж и не знаете, что делать! Тебе бы такого мужика, каким мой Григорий был, ты бы у него повертелась.

Надёжка ничего не ответила, отправилась к Дмитрию Ивановичу. Подошла и молча встала рядом.

— Ты уж вернулась?! — удивлённо и обрадованно пришёлкнул тот языком. — Ну, как там ваш служивый, что рассказывает?

«От него дождёшься, — подумала Надёжка об Алексее. — Жди, когда раздадакается. Пока дождёшься, и слушать не захочется». Вслух же сказала почти равнодушно:

— Какие у него новости, когда хвалиться нечем и радоваться не от чего. Хоть сам вернулся невредимый — и то благодать.

— А ты почему невесёлая?

— Да так я что-то... Пойдём домой. Наверное, все руки отмотал. Будешь умываться? — спросила она около крыльца.

— С удовольствием...

Она принесла из избы ведро воды, мыло, полотенце. Поливая из ковша ему на шею и спину, она чуть слышно спросила:

— Мить, а когда мы распишемся?

От неожиданного вопроса он на секунду замер, коротко взглянул на неё и улыбнулся:

— Да хоть завтра, если не возражаешь! Правда, завтра понедельник — тяжёлый день — пропустим его и сходим в сельсовет послезавтра, во вторник!

Надёжка посмотрела недоверчиво и испуганно, вздохнула.

— Или передумала? — улыбнулся он.

— Неожиданно всё это.

— Ну вот... Сама предложила, сама же испугалась. Значит, моя рука и сердце тебе не нужны?! — Дмитрий Иванович шутил, но чем большее веселье накатывало на него, тем большая озабоченность рождалась в душе. Он только-только понял, что сейчас как раз шутить-то и не следовало бы, но удержаться уже не мог: — А в вашем колхозе выделяют нам тройку с бубенцами?!

— С тобой серьёзно говорю, а ты зубоскалишь! — обиделась она. — Не хочешь, чтобы всё по-людски было, так и не надо, а смеяться надо мной нечего.

Он смахнул ладонью воду с шеи, взял полотенце. Когда вытерся, обнял её, хотел поцеловать, но она замотала головой, вырываясь:

— Совсем, что ли, ошалел?! Ребята же вокруг дома бегают!

— Значит, так, — серьёзно и немного сурово сказал Дмитрий Иванович. — Во вторник я напишу заявление и пораньше отпрошусь с работы, найду за тобой, и вместе пойдём в сельсовет.

— Зачем тебе ходить туда-сюда? Я сама приду в Пушкарскую. Там и встретимся.

— Нет уж. Я, может, хочу на руках тебя отнести!

— Опять смеёшься! — надулась Надёжка, но теперь шутивно, и улыбнулась.

Во вторник утром Савин зашёл в кабинет директора до начала планёрки и положил на стол заявление. Ян Вильгельмович молча прочитал написанное и спросил:

— Что это значит по «семейным обстоятельствам»? Насколько мне известно, ты не женат!

Савин улыбнулся:

— Вот потому, что не женат, и прошу отпустить после обеда, чтобы зарегистрироваться.

Скубис удивлённо заморгал рыжими ресницами, поднялся из-за стола и, прихрамывая, подошёл к Савину, пожал руку:

– Поздравляю! Удивил, удивил. Кто она, где живёт?

– В Князеве. Зовут Надеждой.

– Красивое имя... Слушай, ты всегда такой шустрый или здесь научился? Что-то не припомню за тобой такого. Помнится, даже лет двадцать назад ты не был таким сердцеедом! Где жить будете?

– У неё пока поживу...

– Ну, если только пока... Начинай строить свой дом. Рядом с моим. От завода поможем.

– Слишком большая помощь нужна.

– У неё дети?

– Трое. И свекровь. Муж на войне погиб.

– Смелый ты человек! Хорошо обо всём подумал?

– Теперь отступать поздно...

Отработав до обеда, Савин зашёл к себе на квартиру, сменил сорочку, вместо гимнастёрки надел пиджак, почистил хромовые сапоги. Когда убирал щётку, заметил, как трясутся руки, усмехнулся: «Хорош я сегодня. Как перед рукопашной!» Это ощущение волнения и неловкости угнетало весь путь до Князева. Он вспоминал последнее время – от знакомства с Надёжкой до сегодняшнего дня, – и оно представлялось ему одним большим днём без начала и конца, словно все события начались в глубине времени и уходили в необозримое пространство, случайно подхватив его душу. Душа пугалась ожидаемой неизвестности, не могла равнодушно относиться к грядущим дням, а к текущим присматривалась с подозрением, не особенно веря в их благополучие, ибо ещё ни разу в жизни более или менее благодатные времена у него не шли чередой. Всегда они заканчивались резко, всегда приносили смятение и заставляли круто менять отношение к себе и людям.

Надёжку он неожиданно встретил у расставанных вётел. Накануне отпросившись у Зубарева и разузнав у Егорки, будет ли он завтра после обеда в сельсовете, она с утра начала собираться. А когда не стало сил ждать, с благословения Акули пошла навстречу будущему мужу, заодно избавив себя от пытки, какая ожидала её, если бы она пошла по селу вместе с Дмитрием Ивановичем. Даже и теперь, пока дождалась у вётел, несколько раз пряталась в

заросшем кустарником отроге от случайных прохожих, не желая показывать себя, избегая ненужных вопросов. Она и его издали приняла за чужого, не узнав в пиджаке. Когда он почти поравнялся с вётлами, она неслышно вышла из-за них и молча остановилась, от волнения не зная, что сказать.

Он поцеловал, взял под руку.

– Как настроение? – спросил ласково и немного насмешливо.

– Хорошее... Только немного страшно и стыдно.

– А стыдно почему?

– Знают меня все... И так все языки расчесали, а теперь и подавно никого не остановишь.

– Напротив. Пока мы не расписаны были – давали обоснованный повод для сплетен, а теперь, вот увидишь, всё встанет на свои места.

– Так-то хорошо бы... – От его уверенного тона Надёжка чуток успокоилась, забыла на время о переживаниях, а когда пришли к крайним домам слободы, – они с новой силой заполнили душу, и она не могла смотреть в глаза прохожим, не чаяла побыстрее дойти до сельсовета.

Петухов их ждал. Он сидел на крыльце и, разложив на колене командирскую сумку, разглядывал какие-то бумаги. Оторвался от них в самый последний момент, когда Надёжка и Дмитрий Иванович остановились перед крыльцом, хотя заметил их издали.

– Здравствуйте! – чуть поклонился Савин.

– А, это вы?! – притворно удивился Петухов, на секунду оторвавшись от бумаг. – Проходите. Я сейчас.

– Извините, но командир обычно впереди идёт...

– Шутить будете со своей женой, а здесь государственное учреждение! – Егор с видимым сожалением затолкал мятые бумаги в сумку, разобрал костыли и, легко поднявшись с лавки, пошёл в коридор. Следом за ним двинулись они. Все молча вошли в холодное по-зимнему помещение сельсовета.

– Попрошу ваш паспорт! – скомандовал Петухов Дмитрию Ивановичу, усевшись за обитый дерматином стол. – С какой целью прибыли в наш район? – рассматривая документ, спросил он.

— Где нужно, я уже заполнил анкету... А к вам, товарищ председатель сельского совета, мы пришли по другому вопросу — зарегистрировать брак. Так что потрудитесь исполнить свои обязанности и не задавайте лишних вопросов! — с лёгкой дрожью в голосе сказал Дмитрий Иванович.

— Значит, инженером работаете? Интеллигент?! — продолжал расспрашивать Петухов.

— Выполняйте, пожалуйста, свои обязанности! — твёрдо и почти по слогам напомнил Савин.

— А вы не учите меня! С регламентом я знаком хорошо, а посему должен знать, с кем имею дело. К примеру, где вы будете проживать, на территории какого сельсовета? Если в Пронске, то касательно вашей личности у меня нет вопросов, а если у гражданки Савиной, то тут мимо меня не пройти. Тут уж я хозяин!

Савин, в душе желая сказать Петухову всё, что думал о нём, всё же молчал, и не потому, что боялся, нет — связываться не хотел, сегодняшней день марафет. Петухов же воспринял молчание Савина по-своему и, довольный, засопел, вписывая имена новобрачных в замусоленную шнуровую книгу.

— Ну вот, — сказал он, отложив книгу в сторону. — Объявляю вас мужем и женой!

— Спасибо, — сухо поблагодарил Дмитрий Иванович, — но нам хотелось бы получить свидетельство о браке.

— Через недельку зайдите, а сейчас бланков нету... Да, а чего же вы не целуетесь, молодожёны?!

Савин даже не удостоил Петухова ответом и повёл Надёжку к выходу. Они молча прошли мимо нескольких домов, и, когда оказались у рва, выкопанного в 41-м году и успевшего обрости берёзовой порослью, Савин спросил:

— Теперь не стыдно слободой идти?

— Не-а, — озорно ответила она и впервые за сегодняшний день улыбнулась.

Эта улыбка не сходила с её лица и позже, дома, когда пришли Вера с Алексеем, единственные гости за свадебным столом. Но в этот день, пожалуй, самой счастливой казалась Акуля. Она без умолку тараторила, хвалила Дмитрия Ивановича, Веру, Алексея... Поначалу стеснявшийся Алексей мало-помалу разговорился, почти перестал заикаться, только однажды

смутился, назвав Дмитрия Ивановича Павлом. Но, кроме Надёжки, эту оговорку, кажется, никто не заметил, а сам Алексей быстро забыл о конфузе, пропустив очередную рюмочку за счастье новобрачных. Савин почти не пил, только пригублял, не изменяя всегдашней привычке довольствоваться одной рюмкой, независимо от важности или торжественности момента. Он не обиделся на Алексея, когда тот назвал его Павлом, хотя некоторая вспышка мелькнула в душе, но тут же была сглажена искренностью поведения Алексея, с которым отныне состоял в родственных отношениях. Свойка успел разузнать о делах в селе, колхозе, и новости для него оказались неутешительными: его место в кузне занял слободский мужик, и Алексей теперь жаловался Савину, одновременно прося у него совета:

— ...Д-дать, скажи на милость, Иваныч, как мне дальше жить? Мы ведь с той оба... д-дать, по механической части, с железом дело имеем, даже на войне похожая судьба выпала! И вот теперь ты на своём месте, а мне... д-дать, что делать?! В полеводы идти? Пахать да навоз на полях разбрасывать?! Не для меня эта работа.

— Приходи к нам на завод.

— ...Д-дать, у вас по чертежу заставят корпеть... Я так не привык.

— Тебе, милоч, надо Зубареву поклониться, — посоветовала Акуля. — Вон наш сосед Михаил Фокин до войны с вилами ходил, а ныне в колхозе счетоводом работает, четырёста пятьдесят рубликов огребаёт, да ещё двух помощников имеет!

Но Алексей и слушать старуху не стал: обречённо махнул рукой, посмурнел лицом, задумался о чём-то. Разговор замялся, а тут ещё прибежали с улицы Нина с Бориской, к столу прибились — всё внимание им. А когда они торопливо поели и вернулись на улицу, то говорить совсем стало не о чем. И Вера, за всё время застолья не проронившая ни слова, шепнула Алексею:

— Отец, домой надо идти...

Он послушно поднялся из-за стола и уходил печальным, видимо, так и не решив для себя главного вопроса: как дальше жить, как найти замену работе, какую всегда любил и какой теперь не оказалось.

Проводы гостей оказались недолгими. Вскоре Акуля прибрала со стола, устало села на лавку и протяжно, со вздохом, сказала:

– Теперь и помирать можно...

– Мамань, ты что на себя наговариваешь-то?! – удивлённо посмотрела на свекровь Надёжка.

– Не наговариваю, а говорю что есть... Теперь моя душа спокойна и за тебя, и за ребят – не пропадёте с Дмитрием Ивановичем. А меня старик заждался, каково ему там одному лежать! Уж сколько лет дожидается...

– Праздники на носу, а у тебя бог знает что на уме? – попробовала пошутить Надёжка, но Акуля ответила вполне серьёзно:

– Что мне ваши праздники! Навыдумывали, каких сроду не знали, сатану только тешите ими!

– Почему же... – не сдержался Дмитрий Иванович. – Первомай – известный пролетарский праздник. В этот день сознательные рабочие всего мира заявляют о своей классовой солидарности!

На Акулю эти слова не произвели никакого впечатления, она не стала спорить, убеждать в своей правоте, а молчком ушла в спальню и до ночи не показывалась оттуда.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ВСТРЕЧА

В оставшиеся дни до первомайского праздника Надёжка с мужем начала копать за двором землю под картошку, где она уже поспела и зеленела кустиками повилики. Копали вечерами, когда оба возвращались с работы, и чем более расширялся клин чернеющей земли, тем сильнее Надёжка удивлялась:

– Это надо: какую страсть набузовали! А если всё это картошкой засадим?! Богачами станем! Даже и не верится.

– Если с погодой повезёт, – не спешил загадывать Дмитрий Иванович.

Неделю назад он купил три мешка семенной картошки и теперь, возвращаясь с работы, каждый день приносил по ведру, чтобы не идти пустому. Одно ведро они успели посадить на самом пригорке, чтобы пораньше поспела. На следующий день посадили ещё ведро и решили придерживаться этого порядка, пока позволяла погода.

В один из таких вечеров их окликнул младший Фокин, проходивший мимо.

– Бог в помощь, – поздоровался сосед и остановился, навалился грудью на городьбу. – Надежда Васильевна, подойди на минутку!

Надёжка посмотрела на мужа, будто спросила разрешения, неуверенно пошла к Фокину.

– Сегодня состоялось собрание правления... – сказал он, насмешливо разглядывая соседку. – Мне поручили передать тебе, чтобы сразу после праздника собиралась на торфоразработки!

– Как же это так! – испуганно ойкнула она и растерянно прихлопнула руками.

– Чего испугалась?! На две недели всего. Хорошо, что не в Шатуру угонят. В нашем районе будешь. – Фокин пошёл дальше, а Надёжка застыла, не в силах сдвинуться с места.

Подошёл Дмитрий Иванович.

– Что стряслось? – спросил он и обнял жену.

– На торф меня посылают. Фокин сказал – сразу после праздника. На правлении так решили.

– А почему именно тебя, мать троих детей?!

– Спроси у них...

– Спрошу, обязательно спрошу!

В этот же вечер Дмитрий Иванович пошёл к председателю колхоза Зубареву. Тот сидел у крыльца и курил. Савин представился и без раскачки:

– На каком основании посылаете мою жену на торфоразработки?

Зубарев поправил повязку на лице, долгим взглядом единственного глаза посмотрел на гостя, чуть наклонив голову, словно так было удобнее рассматривать, вздохнул:

– Во-первых, посылаю не я лично, а так постановило правление, посчитав, что у вашей жены лучшее семейное положение, чем у большинства колхозниц. Во-вторых, председатель сельсовета товарищ Петухов посчитал кандидатуру вашей жены самой подходящей, а мы поддержали товарища. А вообще-то, мы отправляем людей в командировку не по своей воле. Нам спускают указание сверху – мы исполняем.

– Хорошо, если возникла такая, с позволения сказать, производственная необходимость, но как же быть с личным хозяйством?

Вам хорошо известно, что сейчас на селе самое горячее время. Как говорится, что потопашь, то и полопашь.

— А вы на что? Неужели вам трудно самим огород вскопать? — Зубарев насмешливо посмотрел на Савина и с подковыркой в голосе добавил: — Я бы на вашем месте сейчас горы ворочал, а вы...

— Я пришёл к вам, чтобы говорить не о моей персоне. Мне хотелось бы знать, как вы, руководитель колхоза, намерены на деле оказать содействие одному из членов, если уж выпала такая необходимость в кавычках?

— Что мне вам ответить? Могу только сообщить, что на этот счёт есть решение правления. Оно таково: всем, кто желает, колхоз может произвести обработку приусадебного участка из расчета три рубля за сотку... Вспашка стоит полтора рубля, боронование пятьдесят копеек и посадка рубль. Пожалуйста, ждите окончания посевной в колхозе.

— Простите, почему моя жена, не получающая регулярного денежного вознаграждения за свой труд, должна расплачиваться с колхозом деньгами? Такой порядок, быть может, более подойдёт для ваших должностных работников, получающих твёрдый ежемесячный, подчеркиваю — ежемесячный, оклад, а не для рядовых членов колхоза, с коими вы рассчитываетесь раз в году натуральной оплатой! И ещё: морально обоснованно ли заботиться о них в последнюю очередь?!

— Товарищ Савин! — Зубарев напряжённо заёрзал на скамейке. — Не слишком ли вы много на себя берёте? Должен вам сказать, что все эти порядки, о которых вы высказались ругательски, устанавливались не мною. Они приняты на общих собраниях колхозников, и в них, кстати, принимала участие и голосовала ваша жена... Я понимаю, что вы человек в нашей местности новый, городской, и вам трудно сразу понять крестьянскую жизнь. Я только об одном вас прошу по-человечески, покамест как сельчанин, а не член партии: прежде чем что-то сказать — подумайте, не рубите сплеча — это убережёт вас от многих неприятностей. А насчёт огорода... Конечно, его надо вовремя обработать... Картошка-то есть семенная? — увидев утверждающий кивок Дмитрия Ивановича, Зубарев

продолжал: — Ну, если есть, то и тужить не о чем... Хочешь, я с огородом помогу? Вдвоём мы его за два вечера перевернём! — исподволь перейдя на «ты», предложил Зубарев.

Явное проявление панибратства удивило Савина и несколько смутило:

— За желание помочь — спасибо, но, по-моему, руководителю колхоза не следует все прорехи закрывать собственной грудью. Сил не хватит... Вы добрый человек и понимаете несправедливость, допущенную в отношении моей жены, но руководитель обязан организовывать дело, проявить такие качества, какие и делают его руководителем, а не кидаться на амбразуру по поводу и без.

— А я говорю не как председатель, а как односельчанин. Председателем я бываю в конторе.

Чем более Зубарев говорил, тем сильнее Дмитрий Иванович убеждался, что поспешил с визитом. Теперь, когда с обеих сошла взаимная горячка и разговор походил на беседу, в которой к Савину пришла неловкость, ему — странное дело — не хотелось обострять отношений с председателем, словно сегодняшний разговор мог действительно как-то повлиять на судьбу. И это был не страх за излишне вольные слова, сказанные сгоряча, а ответное уважение и желание понять собеседника и через него — ту жизнь, которая для него, Савина, только-только начиналась. Правда, когда он возвращался домой, к нему незаметно вернулось давешнее недовольство, ужившееся до утра, когда наступило время сборов на первомайскую демонстрацию.

В этот день демонстранты, как всегда в последние годы, собрались на площади перед базаром, откуда сводная колонна, возглавляемая духовым оркестром, направилась к центру Пронска, где рядом с городским собором стояла скульптура Ленина, а перед ней алела невысокая трибуна. Сводную колонну возглавляли представители механического завода — крупнейшего предприятия района. Впереди, прихрамывая и стараясь не отстать от оркестра, шёл директор — Ян Скубис, рядом с ним шагал парторг с портретом вождя, главный инженер Савин. Во второй шеренге выстроились начальники цехов и члены партбюро с портретами Маленкова, Молотова, Булганина, Воро-

шилова и других руководителей страны. В третьей и последующих шеренгах, размахивая в такт шагам, двигались рабочие и работницы с праздничными транспарантами. На площади Скубис и секретарь партбюро поднялись на трибуну, вместе с ними встали кое-кто из председателей передовых колхозов, внесённых в райкомовский список, заранее составленный и утверждённый. Савину в этом списке места не нашлось, но это его совсем не волновало.

За всё время митинга у него не выходил из головы завтрашний отъезд Надёжки. Он не сомневался, что поездку подстроил председатель сельсовета из-за тех нескольких слов, справедливо сказанных в его адрес. Но не сказать их было нельзя, потому что Савин увидел в Петухове представителя немногочисленной, но реальной категории людей, которым никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя оказывать малейшего доверия, ибо эти люди тотчас воспользуются им по-своему. Всегда отрицавший власть ради власти, Савин смутно догадывался и строил гипотезы относительно того, почему иной человек стремится быть выше другого, и не из благих намерений. «Такие люди, словно подчиняясь необъяснимым силам природы, наделившим их единственным желанием властвовать, не желают знать об уважении среди себе подобных, — думал он. — Они преклоняются только силе, не понимают тех, кого и калачом не заманишь на самый ничтожный пост, тех, кто хочет быть самим собой. Ведь любому школьнику известно, что государство есть аппарат насилия. И каким ни будь этот аппарат — хорошим или плохим — он им и остается. При любом строе, при любой форме правления...»

Мысли уносили так далеко, что Дмитрий Иванович совсем забыл о митинге, словно в тумане отмечал сознанием, что кто-то о чём-то говорит с трибуны; выступающие менялись, а туман в голове оставался, и не разобрать было, кто к чему призывает и чем клянётся. Ему даже показалось, что очень долго говорит один человек, давно ему знакомый, и поэтому душа не хотела слушать его, она давно заучила из года в год повторяемые слова и теперь никак не реагировала на них. Она, как понял Савин, оказалась настолько далека от какого-то ни было желания выделиться из числа

себе подобных, настолько непритязательна в своём отношении к жизни, что невозможно спокойно думать о человеке, с рождения своего не знавшего ничего, кроме борьбы за выживание и ожидания лучшей доли... Мысли роем заполнили Савина, пока он стоял перед трибуной, и пришёл в себя, только когда услышал слова председателя РИКа: «На этом праздничный митинг, посвящённый Международному дню солидарности трудящихся, объявляется закрытым...» Вдогонку словам оркестр заиграл гимн, люди на трибуне и вокруг неё напряжённо замерли, лица Савуровели и совсем не были похожи на праздничные. Только чуть оживились, когда музыка оборвалась. На трибуне зашевелились, и толпа сразу закопошилась. Заводские начали свертывать транспаранты, портреты членов Политбюро сложили по двое, лицом к лицу, а портрет Сталина несли по-прежнему отдельно.

Савина окликнули:

— Дмитрий Иванович, не желаете с нами пойти?

— Извините — домой спешу.

— Пропал парень, — засмеялся Ян Вильгельмович. — Погоди, молодожён, вот схлынет с тебя юношеская прыть — сам к нам, старикам, потянешься! — И добавил уже серьёзно: — Пойдём, Иваныч, посидим у меня, отметим праздник!

— С удовольствием бы, Ян Вильгельмович, да жену завтра на торф отправляют. Обещался не задерживаться. Как-нибудь в следующий раз.

— Что ж, причина уважительная, — опять заулыбался директор. — Кто это тебе подсуропил?

— На правлении решили... Так что извините... — едва заметно поклонился Дмитрий Иванович и оставил заводских товарищей.

Ему действительно не хотелось участвовать в пирушке, потому что главное, из-за чего собирались мужики, его не интересовало. Всегда, попадая в подобные компании, он выпивал не более одной рюмки, и этим угнетал и себя, и остальных. Ему бы чаю вволю попить. Вот в этом он силён — чайник за вечер усживал. Он и сейчас представил домашнее чаепитие, ощутил на губах терпкий вкус цейлонского чая. Мелькнула мысль зайти к себе, вскипятить чайник и посидеть одному, в удовольствие почаёвничать. Он и вправду зашёл, но на чай не

стал терять времени, насыпал ведро картошки, чтобы возвращаться в Князево не пустому.

Пройдя Пушкинскую, увидел идущего краем поля странного косматого человека, тащившего на спине грязный мешок. Из мешка что-то капало, человек часто останавливался и поправлял ношу. Переходя большак, он опустил мешок, помахал затекшими руками и хотел взвалить мешок на спину, но не смог поднять его... Чем ближе Савин подходил к мужчине, тем сильнее тот суеился, но ничего у него не получалось. Когда Дмитрий Иванович поравнялся с незнакомцем, тот отвернулся, то ли не желая, то ли стесняясь смотреть на прохожего. Савин взгляделся в остроплечую фигурку в безрукавке из грязно-бурого меха, в подобии ботинок без шнурков, и ему невольно стало жаль это существо.

— Разрешите вам помочь! — предложил Савин.

Мужчина покосился и замотал головой.

— Но вы один не справитесь!

— Как-нибудь сам, — невнятно пробормотал тот.

— И всё же я вам помогу! — настоял Дмитрий Иванович и нагнулся, чтобы ухватиться за мешок.

Прохожему ничего не оставалось, как принять помощь. Он повернулся, коротко взглянул на нежданного помощника и замер, удивлённо рассматривая. Чем дальше рассматривал, тем сильнее гримаса удивления меняла его заросшее лицо.

— Савин, это ты?! — спросил человек, наклонив голову, словно прислушивался к собственным словам.

— Да... А вы кто?!

— Степан я... Байдииков... Когда-то в академии учились. Не узнаёшь?!

Дмитрий Иванович, напряжённо всматриваясь в собеседника, не сразу вспомнил учёбу в Москве, аудитории академии, шоссе Энтузиастов, где жил тогда... Байдииков вспомнился не вдруг, потому что в группе ничем не выделялся, был человеком средним во всех отношениях. Впрочем, почти все тогдашние однокурсники мало чем запомнились. Некоторые фамилии, правда, позже встречались в газетах,

но перед войной они стали забываться, отдалились временем, он перестал следить за ними. Этому ещё способствовало и то, что многие оказались осуждёнными, но в газетах об этом почти не писалось — узнавал из слухов... И вот перед ним стоял живой и невредимый Байдииков, которого он только-только по-настоящему разглядел под кучей тряпья.

— Признаться, не сразу, но я вспомнил тебя, Степан! Как ты оказался в здешних местах? Что случилось? Ты разве не окончил академию?

— Знаешь, эта встреча похожа на сон. Если всё рассказать, то очень много времени надо... Прости, забыл, как зовут тебя?

— Дмитрий...

— Да, конечно... Так вот... — Байдииков хотел что-то сказать, но неожиданно согнулся, закрыл лицо грязными руками и затрясся в беззвучных рыданиях.

— Степан, ну что с тобой?! Успокойся, прошу тебя! — дотронулся Савин до плеча Байдиикова и ощутил грубый и сальный ворс меховой безрукавки, прилипавший к руке, и более не осмелился что-либо говорить. Байдииков, когда немного успокоился, заговорил сам. Но прежде вытер лицо обтрёпанным рукавом серой рубахи, поднял голову и вздохнул ужасающе устало, обречённо:

— Знаешь, иногда мне очень хочется умереть, и тогда я сразу дышу спокойнее, когда представляю себя мёртвым. Я давно устал жить, устал питаться гнилым картофелем, — он ненавистно, но несильно пнул мешок, — устал быть изгоем... Когда-то я учился, мечтал что-то строить, быть нужным обществу, революции, но трагические для меня события всё перечеркнули.

— Ты окончил учёбу?

— Окончил... Да только она из меня всё выжала. Сразу после госэкзаменов попал я в психиатрическую. Вот с неё всё и началось, а вернее — закончилось. Все мечты сразу лопнули, когда после клиники поставили на учёт. Я хотел было протестовать, но только усугубил дело. На работу меня никуда, естественно, не приняли — пришлось уехать в Пронск к дяде, а он возьми да преставься. Произошло всё нежданно, коротко — он даже прописать не успел. После его смерти меня, понятно, попросили... От отчаяния хотел что-нибудь сделать над собой, да духа

не хватило. В лесу стал жить, землянку выкопал. Участковый поначалу покоя не давал, а после отстал, махнул на меня рукой, когда предоставили комнату в Городище. Мол, что возьмёшь с помешанного... И, ты знаешь, до войны я успел полюбить отшельничество. Несколько лет жил как в прекрасном романтическом сне. Кое-кого из местных узнал, привык к ним, да и они ко мне. Ребятишки, правда, побаиваются до сих пор. Но в войну все забыли, не до меня стало. Но на людей не обижаюсь — у них свои болячки. Одно только обидно, что жизнь прошла впустую, — Степан Васильевич перестал ковырять суглинок разбитым ботинком, внимательно посмотрел на собеседника: — Ну а ты-то как? Что привело в здешние места?

— Его величество случай. Войну я встретил на Западной Украине, а закончил на подмосковном аэродроме. После демобилизации домой заглянул, а матушка — добрая душа — сразу решила женить меня. Невесту загодя подыскала... А я уж очень не люблю, когда что-то навязывают. Хотя мама плохого желать не станет, но в этом деле у меня и собственное мнение было... Короче, уехал я из дому, решил в Москве устроиться, да случайно повстречал на вокзале дружка по Гражданской... Он и затащил сюда. Полгода уж живу. Жениться успел!

— Кто она?

— Вдова из Князева. Фамилия — Савина.

— Слышал о такой... Брата её знал и мужа. Погибли оба.

— Завтра Надежду на торф посылают... Поэтому уж извини меня, но я обещал не задерживаться. Ты где живёшь, как найти тебя? Жена через две недели вернётся, тогда и встретиться можно, более обстоятельно поговорить. А вспомнить нам с тобой, думаю, есть что!

— Что ж, приходи — буду рад. А найти меня просто: в Городище — есть такой посёлок в лесу — тебе каждый укажет моё жилище.

— Кто же в лесу может указать?

— Укажут — авось не в тайге живу...

— Ну, тогда будем расставаться! Тебе помочь? Что у тебя в мешке?

— Да так... — застеснялся отшельник. — Картошка с поля. Осенью убрать не успели...

— Интересно, что это за картошка, если из мешка течёт!

— Так ведь гнилая наполовину, в поле зиму пролежала!

— А разве можно такую есть?

— Можно, когда нечего: протру — крахмала немного будет.

— Слушай, вываливай свою добычу! Вот тебе ведро настоящей картошки. Забирай!

— А как же ты?

— Обойдётся. У нас ещё есть — не последняя.

Степан Васильевич, не решаясь опорожнить мешок, стеснительно замер, а Савин решительно вывалил из мешка содержимое, пересыпал картошку из своего ведра и похлопал Байдикова по плечу:

— Ешь, Степан, питайся — иначе я не засну спокойно.

— Спасибо, друг, спасибо, что ты есть на свете! — Байдилов поднял мешок на плечо и низко поклонился.

Савин долго провожал его взглядом, ему хотелось, чтобы Степан оглянулся, хотелось помахать ему, разделить с ним одиночество, напомнить, что он не один в этом мире, что рано пришёл в уныние и поспешил принимать окончательное решение о смысле жизни. Его обязательно нужно вернуть к людям, не дать погибнуть душою... И следом за этими мыслями вспомнилось откровенное признание разувверившегося во всём человека. И оторопь взяла. И пришло смятение, заполнившее душу, и резанула мысль о нелепости происходящего на земле, о нелепости изломанной жизни, когда человек, пропадая ни за грош и неожиданно напоминая о себе, легко и благодарно довольствуется несколькими словами, обозначающими товарищество. И как будто не было многих лет неведения, хотя два человека, когда-то волею судеб сведённые вместе и объединённые желанием что-то познать, не ожидали подобного откровения судьбы, а столкнувшись с ним, — окончательно растерялись... Дмитрий Иванович дождался, когда Байдилов оглянулся, помахал ему. Савин махнул в ответ, подхватил пустое ведро и споро зашагал вдоль большака, радуясь молодой траве, зелёную обрамлявшей глубокие суглинистые колеи.

Надёжку он застал за стиркой.

— В праздники вроде бы не работают?! — сказал он чуть насмешливо.

— Это в божьи нельзя, а в новые можно. За это Петухов не ругает, потому что за это с него не спрашивают... Что же с пустым ведром пришёл? — спросила она, чуть помолчав. — Или не заходил к себе?

— Так уж получилось. Знакомого встретил, пришлось ему отдать.

— Кто он?

— В академии вместе учились... Пропадает человек.

— О ком ты, не пойму?

— О Байдикове... Он где-то в Городище живёт. Есть у вас такой посёлок?

— Есть... Лесничество там. А вот о ком ты говоришь — никак не соображу, хотя всех там знаю!

— Ну, как тебе объяснить... Он такой... Немного странный, в шкуре звериной ходит!

— Это же Степан Васильевич, отшельник, — удивлённо взглянула Надёжка на мужа. — Он барсуков в норах ловит! Ты его знаешь?

— Как не знать. Поэтому и картошку ему отдал, когда увидел, какое гнильё он с поля несёт!

— Он же, говорят, пенсию получает...

— Даже если и получает, много ли на гроши купишь в наше время... Как к нему относятся местные жители? Помогают ли чем?

— А что ему помогать, — нахмурилась Надёжка. — У него вся забота, что самого себя прокормить. Живёт в земле, и ни до кого дела нет... И говорить о нём не хочу.

Дмитрия Ивановича удивило отношение жены к несчастному человеку, и он на короткое время задумался, пытаясь найти в её словах что-то недосказанное, то, что, быть может, она не посчитала нужным разъяснить. Что, возможно, безразличное и даже враждебное отношение к этому обездоленному как раз и надо бы растолковать или рассказать о нём то, чего Савин не успел узнать.

— Надюша, извини, но если послушать тебя, то можно подумать о Степане Байдикове как о нехорошем человеке! Он, что же, кого-нибудь обидел?!

— Мить, ну что ты прицепился с этим отшельником! Нашли о ком говорить. Пошли обедать?! — сердито пригласила она.

В ГОСТЯХ У ОТШЕЛЬНИКА

Первые дни после отъезда жены Дмитрий Иванович чувствовал себя неуютно, не знал, как вести себя с ребятами, о чём говорить с Акулей. Он приходил с работы и, чтобы отвлечься, начинал заниматься хозяйственными делами. Ребят почти не видел, только ужинать собирались все вместе. После ужина Савин уходил в сарай и долго не мог заснуть. Он думал о Надёжке, и от этих дум делалось нестерпимо одиноко, неуютно и обидно. Савин только теперь по-настоящему понял, что она значила в его жизни. Начала значить. Была ли это любовь? Нет, конечно. Он боялся этого слова, оно для него звучало насмешливо. Устав в прежние годы от одиночества и смирившись с ним, он тогда не думал о нём, а чаще и некогда было думать, но теперь оно угнетало. И чтобы хоть как-то сгладить одиночество, он решил съездить к жене. В первый же выходной. А что раздумывать, если она работает в своём районе — пешком можно уйти. Вот только дорогу нужно узнать.

— Акулина Михайловна, вы, кажется, говорили, что Надюша работает где-то под Панкином? Это село или местность так называется? — спросил Дмитрий Иванович на следующий же день. — А то хочу съездить к ней, а дорогу не знаю.

Старуха хотя и не хотела обидеть зятя, но ответила не особенно почтительно:

— Это кто же тебя надоумил-то, голубь ты наш?! Хочешь, чтобы бабы на смех тебя подняли?! Ведь у них там мужиков-то не бывает, только начальники мужики.

— Вы что же, на торфе были?

— Я-то стара по торфам ходить... Люди сказывали... Надёжке ить повезло, а то, бывает, дальше гоняют — в Шатуру. Вот куда не приведи Господь попасть. На несколько месяцев туряют. А с мужиками и того хлеще бывает: тех каждую зиму отправляют на полгода в Архангельскую область дерева валять. Хочешь не хочешь, а двух человек с колхоза отдай не грехи. Вот где, сказывают, пропасть-то!

Так и не понял Савин, почему Акуля начала страшать. Она и от визита к Байдикову отговаривала с таким же напором. Но тут уж Дмитрий

Иванович заупрямился и всё же решил сходить к нему, раз уж не судьба побывать у жены. С того дня, когда встретил Степана Васильевича с мешком гнилой картошки, Савин так и не смог представить по Надёжкиным рассказам, как это можно жить в землянке, а питаться чем бог пошлёт. Хотя время и несладкое, но это всё равно казалось диким, даже необъяснимым. Чем больше Дмитрий Иванович думал о Байдикове, тем сильнее хотелось всерьёз посмотреть на него, чтобы попытаться понять, а если надо — помочь.

— Не ходи, Христом Богом умоляю, не ходи, голубь ты наш, — заголосила Акуля, вцепившись в рукав гимнастерки, когда узнала, что зять собрался в Городище, и неожиданно слезливо запричитала: — Вдруг помру без тебя, а ребята одни — перепугаются, глупыми какими сделаются.

Она долго не отпускала и отговаривала, и Савин нехотя подчинился, не стал обострять отношений, а чтобы скрыть досаду, — ушёл в сад и начал прочищать вишеник. Но через полчаса старуха неожиданно появилась и, встав осторожно в сторонке, жалобным голоском сказала:

— Ты уж, малый, прости меня — сходи куда тебе надо. Мы и так заездили тебя. Потравы на нас нету!

И злость разобрала Дмитрия Ивановича, и смех подкатил после её попятных слов.

— Ну что вы, что вы, — сказал Савин миролюбиво, нехотя подавляя раздражение. А когда старуха ушла — ещё некоторое время продолжал работать, успокаивая гордыню.

В выходной после обеда собрался в Городище. Побрился, почистил сапоги и захватил собранный Акулей узелок с хлебом и несколькими варёными картофелинами. Старуха не удержалась, вышла на крыльцо проводить и перекрестила зятя на дорожку. Он не пошёл порядком, а мимо пруда спустился в лощину. Здесь, на южных склонах, трава была уж по щиколотку, а в низине у ручья только-только пробивалась. Когда дошёл до опушки, в лицо ударил тёплый аромат лесной сладкой прели и ранних цветов. Тропинка под осинами была усеяна бордовыми серёжками, и Дмитрий Иванович долго вспоминал их местное название. До самой

шоссейки вспоминал... И вспомнил: кытюшки! Какое ласковое и необычное слово! «Кытюшки, кытюшки, кытюшки!» — повторял он, словно мягкую ягодку во рту перекачивал, и чувствовал, как душа наполняется необычно радостным настроением.

Жилище Степана Васильевича он узнал сразу, хотя и не видел никогда: вот оно — обочь дороги. Земляная, приплюснутая крыша, зеленющая молодой травой, и плетнёвый, обмазанный глиной вход с дощатой дверью... В землянке никого не оказалось, и Дмитрий Иванович сел за грубый стол недалеко от входа. Он не знал, сколько придётся ждать хозяина и дождётся ли, но не хотелось идти в близкий посёлок, откуда доносились петушиные крики, и что-либо узнать. Хотелось побыть одному, оглядеться, подумать. И пока Савин дождался Байдикова, то незаметно для себя проникся витающей вокруг настороженностью, даже таинственностью. А голоса посёлка, приглушённые лесом, только оттеняли эту таинственность, создавали особый, неповторимый фон, когда не хотелось делать лишнего движения... Шум в близких зарослях орешника отвлёк, и, приглядевшись, он увидел отшельника, что-то тащившего к своему жилищу.

Когда он подошёл ближе, Савин увидел у него на плече молодую липу, а за верёвочным поясом — топор. Заметив гостя, Байдиков внешне не удивился, аккуратно опустил около землянки лесину, вытер о меховую безрукавку заскорузлые руки и поздоровался с гостем, пристально рассматривая, словно впервые увидел:

— Давно ждёшь?

— Четверть часа, не более...

Оба замолчали, наступила неестественная, напряжённая пауза.

— Как поживаешь, Степан? — после, наверное, минутного молчания неуверенно спросил Дмитрий Иванович и от этой неуверенности почувствовал ненужность своего визита. Ему показалось, что Байдиков недоволен его появлением, хотя и ответил на приветствие, но уж слишком бодро и неестественно.

— Живём — лыко жуём, корой заедаем... — пнул Байдиков лесину. — Вот лыка с неё наде-ру, в котле наварю — кисель получится! Ни разу

такого не хлебал?! Сытым, конечно, от него не будешь, но и с голоду не помрёшь. Всё лучше, чем пустую воду лакать. Правда, живот пучит, но это дело поправимое. — Он присел на скамейку напротив гостя и неотрывно смотрел на стол, где лежал узелок с едой, забыв о всяком приличии, даже принюхивался, пытаясь уловить съестной запах.

Новая волна неловкости заставила обоих замолчать: одному было неудобно предложить угощение, а другому просить. Первым нашёлся хозяин.

— Может, нам чайку с травками сварганить? — предложил он. — А то, поди, уморился в дороге. День-то ныне какой жаркий!

— С удовольствием...

Степан Васильевич вынес из землянки закопчённый котелок с водой, поставил на таган и начал разводить костёр. Когда огонь затеплился — вернулся к столу и будто случайно посмотрел на Савина:

— Ну а ты как поживаешь?

— У нас всё нормально... На днях картошку посадили, и без жены управились. Ребята слушаются, да, признаться, я особо и не вижу их: свекровь с ними занимается.

— Это правильно. Они за зиму на печке насиделись — сейчас самая пора побегать по улице. Весна ведь! — Степан Васильевич опять покосился на узелок с едой, дёрнул кадыком, проглатывая слюну, и подошёл к костерку, подбросил дровишек. Потом нырнул в землянку, вынес пук травы, мелко поломал её и опустил в закипавшую воду.

Когда чай поспел, Байдилов разлил его по кружкам, котелок сбоку поставил. Дмитрий Иванович в это время развязал узелок... Степан ел жадно, вспотел и изредка стеснительно смотрел на гостя, словно просил у него извинения за свою несдержанность. Савину тоже захотелось перекусить, но, глядя на Байдикова, не мог есть много, лишь для вида чуть-чуть откусывал хлеб, не желая лишать радости голодного человека, на глазах от еды веселевшего. Дмитрий Иванович отчётливо заметил, как сквозившая до этого неприязнь вдруг уступила место доброжелательности. И что удивило: Байдилов не скрывал чувств.

— Вот ведь, Иваныч, как бывает: послал Бог

кусоч хлеба, а у меня уж благодать на душе и на мир сразу смотришь другими глазами.

— Одичал ты, Степан, одичал, — вздохнул Савин. — Живёшь здесь и ничего вокруг не замечаешь... Голодаешь вот... Извини, конечно, но я бы так не смог.

— Пенсии не хватает, — обиженно заблестел глазами отшельник. — Но я ко всему привычный: и упреки сносить, и голодать... А что делать прикажешь?

— На работу тебе надо. К нам на завод. Ведь у тебя высшее образование! Хотя бы думал когда-нибудь об этом, вспоминал?! Ведь тебя в любом месте с руками оторвут! А ты напустил на себя неизвестно чего и прозябаешь тут. Думаешь, кто-то придёт и скажет: «Будьте добры, уважаемый Степан Васильевич, займите вакантное место!» Так, что ли? Нет, брат, сначала в слесарях походи, руками металл познай — тогда можешь и о дипломе вспомнить. Тогда тебе цены не будет!

— Со стороны легко говорить, а я на учёте в психической.

— Перестань! Сам-то веришь в то, что мелешь?

— Так ведь бумага есть. Пенсию я получаю. Бо-ольшие деньги!

— Бумагу порви, от пенсии откажись, добейся нового освидетельствования!

— Думаешь, это легко...

— Не знаю... Может, тяжелее тяжкого, но если дрейфишь, то тогда, конечно, и браться не стоит. Продолжай гнить в своей конуре! — Савин неожиданно разгорячился, даже по столу пристукнул.

— А я и не думаю гнить, — поднял голову Байдилов. — У меня лазейка есть для души. Когда уж совсем становится невоготу — стихи пишу!

— Чего, чего?!

— Стихотворения... Уже почти тетрадку написал. Хочу редактору газеты показать. Конечно, не все, а лучшие. Подожди... — Степан Васильевич решительно поднялся, почти бегом направился к землянке и тотчас появился с общей серой тетрадью, листая её на ходу. — Послушай, пожалуйста...

Прочитав два стихотворения, Степан Васильевич вздохнул, покосился на Савина и сделал паузу, насторожённо, даже чуть испуганно,

словно открыл великую тайну, посмотрел на гостя, сидевшего с закрытыми глазами, и решительно захлопнул тетрадь.

— Не понравилось? Что молчишь? — жалобно спросил он.

— Думаю... Как хорошо, что ты не успел показать свои упаднические вирши редактору! Знаешь, у меня есть сестра, так она тоже стишки пописывала. В кружке литературном занималась. В тридцать шестом её арестовали, и до сего времени она в Казахстане отары пасёт.

— Чем же она провинилась?

— Не знаю... Поэтому мой совет: сейчас же, пока не погас костёр, сожги эту тетрадку. От греха подальше!

— А если я не хочу? И вообще не понимаю тебя: то агитируешь расстаться с «такой» жизнью, раскрепоститься как личности, то навязываешь субъективные убеждения.

— Это убеждения партии! И давай-ка не будем более углубляться в политику. Сам не люблю этого и тебе не советую увлекаться. Гораздо полезнее знать, что мы сможем сделать для страны, как сделать, и стремиться свои знания направить именно на это, а не заниматься демагогией. И, пожалуйста, не обижайся — не для того пришёл, чтобы чем-то обидеть. Мне хочется, чтобы ты зажил по-новому, и я помогу в этом, если, конечно, сам пожелаешь. Сейчас для этого самое время подошло. Завод наш намечено укрупнить — будем осваивать производство электромоторов, расширим ассортимент запчастей для нефтеаппаратуры... Да и вообще теперь, после войны, совсем другая жизнь открывается!

Байдиков вертел тетрадку и напряжённо слушал Савина. Сложное чувство не давало покоя отшельнику: он был рад гостю, но ему казалось, что тот посягает на его, Байдикова, независимость. Степан Васильевич не знал, что делать и как вести себя: сразу согласиться с Савиным или какое-то время подумать, повременить, чтобы потом не пришлось жалеть. Он и ответил так же робко и неуверенно, как мыслил:

— Иваныч, я рад, что есть хотя бы один человек на свете, которому я небезразличен, но пойми меня — не могу вот так, сразу, что-то решить. Да тебе, очевидно, и не хочется услышать скоропалительное решение. Я подумаю, обо всём подумаю.

— Подумай. Не тороплю, — сказал Савин, допил остывший чай и поднялся над столом: — Я, пожалуй, пойду...

— Счастья тебе! — подал руку Байдиков.

Савин стиснул узкую ладонь отшельника и, вспомнив что-то, улыбнулся:

— Степан, правду говорят, будто ты барсуков в норах ловишь?

Байдиков неожиданно покраснел:

— Бывает, и ловлю, петли ставлю...

Дмитрий Иванович оживился, хотел поподробнее расспросить о барсуках, но, заметив смущение Степана Васильевича, постарался смутить разговор. Уходил он, ругая себя за необдуманый вопрос, некстати сорвавшийся с языка. Он видел, с каким трудом далось Байдикову объяснение, как тот мучительно поправил, что не лазает по норам, что, мол, нельзя лазать человеку по норам, а только ставит петли. Поэтому, наверное, душевная неуютность томила Савина всю дорогу до Князева, а когда ступил на Бутырский порядок, то это чувство ещё более усилилось — видеть никого не хотелось. Ребят, к его радости, дома не оказалось, Акуля же сидела на крыльце и перебирала крапиву.

— Слава тебе, Господи, невредимым явился! — увидев зятя, перекрестилась Акуля.

Она тяжело поднялась со ступеньки, прошла в избу следом за ним и, пока он мыл руки, налила миску супу.

— Вот, родимец, поужинай — тебе оставили, — позвала зятя к столу.

Суп оказался холодным, жидким, с мелкими крапинками постного масла. Дмитрий Иванович поел без аппетита, хотя был голоден, и отправился в сарай. Думал, после дороги сразу заснёт, но сон не шёл, занудливые мысли, цепляясь одна за другую, бестолково толклись в голове, ещё более усиливали чувство одиночества, а он не знал, как от них отделаться.

Они и утром не исчезли, когда пришло время собираться на работу, и потом терзучили до конца недели, пока не приехала Надёжка. А как она появилась, то всё само собой забылось. Пришёл Савин в субботу с работы и, увидев перед домом выстиранное ребячье бельё, засвистел от радости, а в избу вошёл — чем-то вкусным пахнет, и Надёжка навстречу кину-

лась. Подбежала, хотела прижаться, но при Акуле постеснялась, только сильно-пресильно в руку вцепилась, так, что он улыбнулся:

— Как борец Бедило стала. У меня аж пальцы захрустели!

— Корзины с торфом целыми днями потаскаешь — сильнее любого борца сделаешься, — тоже улыбнулась она. — Иди ужинать.

— Ребята-то где? — спросил Савин и поймал себя на той нерадостной мысли, что впервые за её отсутствие по-настоящему вспомнил о них.

— Бегают — где же ещё! Их теперь до темноты не загонишь.

Ужинали жареной картошкой. Вроде бы ничего особенного, но Савину она показалась нынче необыкновенно вкусной, душистой. Откуда-то, словно на запах, появились Бориска с Нинушкой. Бориска стеснительно остановился у дверей, а девочка прильнула к матери, и та посадила её на колени.

— А ты почему же за стол не садишься, герой? — спросил Дмитрий Иванович у Бориски и по-манил его к себе.

— Сидите, ничего не знаете, а Галя горбатенькая от тёти Веры ушла и Фedyку своего забрала. Вот так-то! — сказал Бориска, никак не отреагировав на слова отчима.

— Кто это тебе сказал? — встрепенулась Надёжка, а Акуля испуганно перекрестилась.

— Сам видел, не маленький...

Надёжка отложила ложку, вопросительно посмотрела на мужа:

— Мить, ты уж не сердись... Побегу — узнаю, что там у них ещё!

— Сходи, конечно, сходи...

Галю Надёжка увидела издали: та гремела раскрываемыми ставнями и что-то говорила игравшему рядом сынишке. Подошла к ним и замерла за Галиной спиной. Галя в этот момент повернулась, первой поздоровалась, и Надёжку удивил её вдруг неожиданно сильно прозвучавший голос:

— Вы уж, тётка Надя, что хотите говорите, но я ушла от вашей сестры! — И добавила чуть помягче: — Только она не виновата ни в чём. Это её муж невзлюбил меня, а ещё больше Феденьку, как будто мы что-то плохое сделали. Каждым куском попрекает. А мне лучше побираться идти, чем слушать его упрёки. И лад-

но бы только это, а то ещё всякую грязь льёт.

— Тебе, девка, не позавидуешь, — огорчённо вздохнула Надёжка и прислонилась к берёзе. — Только одной-то тоже несладко будет.

— А я маму из госпиталя возьму. Втроём будем жить!

— Это неплохо, только мать-то твоя, сама же говорила, больная сильно. Тяжело с ней придётся.

— Работы я не боюсь, зато упрёки слушать не стану.

— Смотри, девка, как бы потом тужить не пришлось. У Веры неплохо было, она всегда жалела тебя.

— Это я знаю. Никогда не забуду её доброту... — говорившая до этого твёрдо, Галя вдруг согнулась, зажала лицо руками, беззвучно заплакала, затряслась острыми плечами.

— Перестань — мальчишка перепугается. Теперь тебе слёзы лить некогда — только успевай поворачиваться. — Надёжка подхватила Галю под руку и повела в избу. — Давай-ка будем порядок наводить... С чего начнём?

— Паутину сперва надо поснимать, потом полы помыть...

— Вот этим сейчас и займёмся, а со временем окончательный порядок наведём.

До сумерек пробыла Надёжка у Гали, а потом, уж в темноте, сбегала домой, принесла ей полбутылки керосину. За это время поняла, что чуток прошла у неё обида, улыбаться девка стала, и через слово: «Тётка Надя», «Тётка Надя» — как собачонка бездомная в глаза заглядывает. И не уходила бы от неё, да муж ждал, соскучился, поди. Хочешь не хочешь, а надо идти. Хотя за две недели она отвыкла от него, иногда казалось, что второй раз и не выходила замуж, а то недолгое время, когда они были с Митей вместе, — приснилось. И по-прежнему она не могла избавиться от знобкого ощущения, будто Павел всё знает, видит и терпит лишь до поры до времени. В прошедшие две недели ей было даже легче, дышалось глубже, казалось, что Павел простил ей всё, и теперь только бы жить и жить спокойно.

Пока дошла до дому, успела отругать себя за некстати подвернувшиеся мысли. О чём это она горюет, в чём сомневается?! Или Митя не накормил её детей, или слово обидное

сказал им?! Или она не видит, как мужик всё в дом несёт, как старается! Нет, за такого держаться надо, да покрепче... Ещё на пороге она поняла, что ребята спят. Сам, придвинувшись к лампе, читал газету — она впервые увидела его в очках, — а Акуля стояла на коленях и молилась.

— Вы что не спите? — тихо спросила Надёжка у мужа.

— Тебя ждём. Что у Веры случилось?

— Хорошего мало. Галя от неё ушла.

— Она прогнала?!

— Не она. Алексей. Вот недотыка! В кого такой бессердечный только! Ладно, что теперь поделаешь. Надо спать идти. — Надёжка собрала оставшуюся после ужина посуду и сказала свекрови: — Мамань, тоже укладывайся.

Продолжая молиться, Акуля ответила неприлично чужим и твёрдым голосом:

— Мне, милка, надо долго Богу молиться — пришёл черёд помирать... Была отсрочка, да вышла. Старик мой уж ругаться начал. Вы теперь и без меня обойдётесь. Вот сегодня помолюсь, завтра схожу причащусь, и всё — закончился мой земной путь!

— Куда пойдёшь-то, чего выдумываешь?! — вздохнула Надёжка. — Церковь-то опять закрытой стоит!

— А я к батюшке на дом пойду... Божье слово везде одинаковое.

— Сходи, сходи... Нарвёшься на попадю — такое от неё получишь причастие — до последнего вздоха помнить будешь!

Дмитрий Иванович взял жену под руку и приложил палец к губам: мол, пусть делает что хочет. Надёжка нехотя согласилась и пошла за мужем в сени. На крыльце они присели. Через некоторое время появилась Акуля, позвала сноху:

— Мне с тобой поговорить надо...

— Чего, мамань? — удивилась она и посмотрела на мужа, словно он мог ответить за Акулю.

— Пойдём, пойдём...

Она вывела Надёжку за двор, усадила на траву и сама присела, вздохнула, будто думала о чём-то важном, но пока, не решаясь сказать, обдумывала это важное.

— Ты вот о матушке отозвалась неуважительно, — укорила Акуля. — Разве можно так?!

— Что же мне — целоваться с ней. Разве я могу забыть, как она в войну измывалась надо мной! Нет, мамань, такое никогда не забудется, и любви она от меня никогда не дожётся!

Акуля вздохнула:

— Обиду-то помнить легче всего... Все мы живём и вины за собой не знаем. Нам уж исповедаться лишний раз зазорно и причастие принимать ни к чему. Мол, помирай без причастия, как собака. Мол, туда тебе и дорога... Вот поэтому, что Бога забыли, он и посылает на нас несчастье. Ждёт, когда мы вспомним о нём, а вспомнив, посмотрим на себя со стороны.

— Чем же это я провинилась-то перед ним?

— Сама ты, может, и не виновата, но страдаешь от общей вины. Вот церковь закрыли... Кому она мешала, чему плохому учила?

— Власти так решили.

— Вот и плохо, что они, безумные, за нас решают, а мы, как слепые, идём за ними, неведомо что творящими, а потом удивляемся, что горько живётся нам. А сами иной раз помолиться ленимся.

— Некогда, мамань, молиться. Работать надо, ребятишек растить.

— В старое время всё успевали... И работали дружно, и жили дружно, а теперь всяк за себя старается, боится, что другому что-нибудь достанется.

Разговор начинал тяготить Надёжку, и она не знала, как уйти от Акули и не обидеть её. Она в чём-то понимала свекровь, в душе была согласна с ней, что церковь закрывать действительно не надо бы, но всё-таки считала, что Бог должен быть прежде всего у каждого в душе. Должен быть всегда, чтобы всегда мог подсказать, одернуть, смилостивиться. А то все почему-то вспоминают о нём, когда сваливается несчастье. Тогда все хотят исповедаться, все сразу становятся такими уж богомольными... Эти мысли она относилась более к себе, потому что в церкви бывала редко, считала себя чужой в ней, огорчалась от этого, но поправить ничего не могла.

Поэтому, наверное, и жила как живётся.

ОСИРОТЕЛА НАДЁЖКА

Акуля умерла через неделю.

Умерла тихо, в тот момент, когда все привыкли к её каждодневным молениям и разговорам о смерти и всерьёз не воспринимали последние приготовления. Поэтому Надёжка почти ничего не помнила, что наказывала свекровь, или память сразу отшибло, когда однажды утром увидела её недвижимо лежащую на постели; отшатнулась, попятилась из избы за помощью и защитой к мужу. Слова не могла произнести от неожиданной.

— Надюша, что с тобой? — приподнялся он над подушкой. — Что случилось?

— Там, в избе... Маманька померла, — удушливо прошептала она, вдруг почувствовав себя осиротевшей второй раз в жизни.

Похоронили её на следующий день рядом с Григорием, по правую руку. Хоронили без священника, поэтому старух почти не было. Немного поплакали Акулины племянницы, прощаясь, пришедшие из Высокого и со Студенца, Надёжка зашлась в плаче, а когда гурьбой возвращались с кладбища — неожиданно разрыдалась Галя. Бабы начали успокаивать её, но та слушать никого не хотела — голосить стала с причитаниями, словно настоящая плакальщица.

— Ну что ты разревелась?! — обняла её Надёжка. — Мне ведь тоже маманьку жалко. Мы с ней всю войну вместе были, друг за дружку цеплялись!

— Ничего вы не понимаете! Я мать свою вспомнила, вот по кому моя душа рыдает... И не лезьте со своей жалостью. Не нужна она!

Надёжка начала что-то ласково шептать, но Галя только озлобилась, даже ногой топнула. А успокоилась неожиданно от слов Алексея, когда тот тоже приотстал и, стеснительно остановившись рядом, сказал:

— ...Д-дать, девка, не сердчай, прости меня. ...Д-дать, погорячился я. Возвращайся к нам, чего одной куковать!

Галя удивлённо и недоверчиво посмотрела на Алексея, вытерла слёзы, перестала всхлипывать и жалобно сказала:

— Спасибо, дядя Алексей, только мне стыдно бегать из дома в дом. Люди смеяться будут!

— ...Д-дать, как хочешь. Зла не держи — мне и

самому тошно, — понурился Алексей и пошёл догонять народ.

Гале не хотелось сейчас ни о чём говорить, и она отстала от Надёжки. Когда подошла к избе Савиных — старики и старухи мыли руки, а Вера звала всех за стол. Галя начала помогать сёстрам, хотя не столько помогала, сколько мешалась. Она раз за разом вспоминала слова Алексея, и волна радости пробегала в груди. Галя вдруг вспомнила, что сегодня впервые за последнее время посмотрела в глаза свёкру, словно до этого действительно в чём-то была виновата, а теперь не осталось никакой вины — только гордость за себя, что не побоялась уйти из чужой семьи, не стала упрямиться и разжигать скандалы. Теперь Галя окончательно поняла, что поступила правильно, ибо теперь она оказалась вольной в своём отношении к матери и сама могла решать: брать её из госпиталя или нет.

Вернувшись с поминок, начала уборку, держа в мыслях заветную мечту, что очень скоро она привезёт мать в родной дом, и уже сегодня, сейчас надо готовиться к встрече. Единственное, чего Галя не знала, — как довезти?! Одной ехать — сил не хватит. На лошади бы надо, да где её возьмёшь, если в колхозе каждая кляча на учёте. В какой-то момент Галя хотела идти к председателю сельсовета и попросить у него помощи, но, подумав, отказалась от этой мысли. Потому что Петухову самому негде взять лошадь, нет их у него, да и вообще ничего нет, кроме печати. Надо Зубареву кланяться. Тот как скажет — так и будет. И ещё несколько дней мучилась она, не зная, как подступить к председателю колхоза, а когда всё-таки решилась, как-то подкараулив его у правления, то сперва и пожалела.

— Ты в своём уме?! — досадливо поморщился Зубарев, когда Галя заикнулась о повозке. — Это надо додуматься: лошадь гнать в такую даль! Ты хоть знаешь, где находится этот Луховицкий район-то?! До него на поезде-то едешь — всю сиделку отсидишь, а ты на лошади... Да ещё с больной матерью. Так что это не годится, а сделаем так: пошлём с тобой двух мужиков, они помогут довезти мать до Хрущёва, а уж на станции не грех и на лошадке встретить.

— Где их, мужиков-то, возьмёшь ныне... Кто калеки, кто на должностях сидят — никого не допросишься.

— А мы просить не будем. На правлении решим — и баста!

— Так-то хорошо бы... — Галя обрадованно посмотрела на Зубарева, а тот от её пристального взгляда застеснялся, поправил на глазу повязку. — А когда правление-то соберётся?

— Ты, девка, не торопи меня, а терпеливо жди. Не волнуйся — долго ждать не будешь, обещаю.

Галя хотела расцеловать Зубарева — так всё легко и просто разрешилось. И теперь уж ругала себя, что не подошла к председателю раньше, стеснялась чего-то, а чего именно — сама не знала.

Ехать собрались лишь через две недели, хотя правление Зубарев собрал не откладывая. Первоначально хотели направить с Галей счетовода Михаила Фокина и заведующего хатой-лабораторией Гребнева, но тот и другой наотрез отказались. У одного — квартальный отчёт, а у другого — межколхозный семинар по обмену опытом. К Фокину на правлении не цеплялись, а вот Гребневу досталось. Особенно усердствовала Густя Воронина, недавно выбранная в правление:

— И не стыдно вам, товарищ Гребнев, тушить в себе классовую сознательность?! Екатерина Пономарёва пострадала за Родину, за всех нас, можно сказать, а у вас, видите ли, — семинар, дружки на бражку приедут!

Гребнев — рыжеватый, с оспинами на лице мужик — молчал, молчал, по-бычьей уставившись в пол, да как гаркнет:

— Прошу обозначить в протоколе, как эта не-сознательная векоуха посягает на утверждённый районным сельхозотделом план мероприятий по обмену опытом! То есть напрямую занимается вредительством и оскорблением законной личности!

— Я правду говорю, — не отступала Густя, для уверенности размахивая плоской и широкой, как доска, ладонью. — Весной у вас тоже семинар был — два дня из лаборатории не выползали, опытом обменивались...

Густя ещё долго препиралась с Гребневым под шуточные реплики членов правления, но так ничего и не добилась.

— Вот что, — сердито сказал Зубарев, когда они уж совсем распались. — План есть план, и срывать его не годится... А ты, Воронина, почём зря языком не трепли. Здесь правление за-

седает, а не посиделки! Я предлагаю послать Пахома Баркова. Пусть прокатится.

— Так он три дня как демобилизовался. Жену не успел толком вспомнить! — раздался чей-то насмешливый голос.

— В этом деле тоже передых нужен, — улыбнулся Зубарев. — Вернётся — сильнее любить будет.

Второго помощника Гале, как ни спорили, так и не подобрали, но через два дня неожиданно он нашёлся сам. Алексей Виноградов разыскал председателя на дому и напросился:

— ...Д-дать, слышал я, что за Катей Пономарёвой собираются ехать?! Возьмите меня, очень прошу!

— Так ты, Алексей, вроде в лесничестве уже работаешь?! Не имеем права тебя отвлекать!

— ...Д-дать, отпрошусь...

— Хорошо. Раз у тебя такое желание наклонилось — езжай, только, говорят, у вас с Галей нелады были.

— ...Д-дать, болтает народ. ...Д-дать, я с Галей говорил. Она согласная.

— Тогда нам и калякать не о чем! — повеселел Зубарев. — Как соберётесь, так сразу и езжайте. Чего время тянуть? Барков предупреждён.

Зубарев пожал Алексею руку, словно тот уже отъезжал, и заторопился в дом на зов жены. Виноградов же остался у крыльца один и почувствовал себя неудобно. Он хотел поговорить с Зубаревым, сказать, что давно не обижается, что тот не взял в колхоз кузнецом, да и что обижаться, когда место оказалось занятым. Нет сейчас ни на кого обиды. Это сперва она выиграла, когда выходило всё не так, как думал и мечтал в долгие военные годы. Это в мечтах всё складно получалось, будто за эти годы в жизни ничего не изменилось, а когда вернулся в Князево — руки опустились, ни к чему душа не лежала. Тогда Алексею показалось, что какой-то очень нехороший человек специально всё подстроил, назло, а раз так, то всё у него в душе кипело. Из-за этого и на жену обиду затаил, и на Зубарева, и на самозваную сноху. Видеть её не хотел и не мог в своём доме, и первое время, когда она ушла, — даже радовался. Это потом, через несколько дней одумался, когда жена стала ночами ходить копать заросший бурьяном пономарёвский огород. Хоть поздно, хоть нем-

ного, но хотелось Вере помочь снохе, внучонку-сиротиночке помочь. Вместе с Верой и Надёжка копала. За три вечера одолели, наверное, сотки четыре, ночью при луне посадили и радовались, что у Гали теперь своё хозяйство есть, осенью будет что в рот положить. Алексей ночь терпел, а во вторую попросился копать с бабами, но неожиданно получил от Веры отпор.

— Ты, басурманская твоя душа, и думать теперь о Гале не смей! И к Федыке тоже близко не подходи, — начала она чехвости́ть мужа. — А то — приехал, вояка, свои законы начал устанавливать! Раньше бы о снохе да о внучке своём подумал, а то за всю войну ни единым словом не обмолвился, словно и не существовало нас. У-у — так бы и треснула по харе!

Хотя и обидно было Алексею выслушивать женины упрёки, но сдержался, не стал перечить, тем более что тогда она сразу начнёт передразнивать да косоротиться. Так и носил в себе обиду за недоверие и нежелание понять его, в чём-то посоветоваться. Но вслух об этом не мог сказать, потому что сам был виноват, чувствовал это и даже удивлялся умению людей не укорять, а молчаливо выказывать своё осуждение. И Алексей догадался, что люди ждут от него такого поступка, который позволил бы забыть всё недоброе. И тогда он, как-то подкараулив Галю у колодца, решил сказать ей что-нибудь такое, что поможет снохе поверить ему, забыть случившееся. Он много собирался наговорить, но выдал из себя лишь два слова, но их, как потом понял, хватило, чтобы сноха отмякла, стала при встречах смотреть по-иному. И он тоже теперь смотрел по-новому и повторял про себя те заветные слова: «Прости меня». А потом, когда несколько дней спустя возвращались с похорон Акули, увидев Галю плачущей, он окончательно понял, что Галя со своим сынишкой — продолжение его погибшего сына. И как ни верти, а жить им надо сообща, пусть и в разных избах. Надо помогать, надо вместе терпеть — только так можно окончательно не потерять себя.

От всего этого, а более всего от разговора с Зубаревым, Алексей пребывал в добром настроении, впервые по-настоящему посетившим его в последнее время, которое он был готов раздавать направо и налево. Хотя как-то встре-

тил у пруда по пути на работу старшего Фокина и сразу забыл о благостном состоянии.

— Доброго здоровья, Алексей! — снял картуз Фокин. — Куда это чешешь?!

— ...Д-дать, известно куда — на работу, Кузьмич...

— Тебе позавидуешь, а мне и деться некуда. Бабка заставила утят от коршуна стеречь, пропади они пропадом. Ты ведь знаешь — сноха-то наша порченная, Бог ей детишек не дает, поэтому мне, старому, приходится вдоль берега носиться... Эх, жизнь... Слушай, Алёха, а правда, что ваша сноха скоро за матерью поедет? Говорят, Зубарев делегацию снарядил!

— ...Д-дать, у него и спроси, — не очень-то любезно откликнулся Виноградов. — ...Д-дать, чего прицепился?!

— Поговорить с тобой хотел, а ты вон как! — обиженно махнул Фокин, но Алексей уже не смотрел на него; закинув руки за спину, пошёл вдоль ручья, не желая портить в себе душевную радость.

Фокин ругнулся ему вслед, недовольный уселся на берегу, в который раз за последние дни достал из кармана замусоленную бумажку с адресом дантиста. Адрес этот Тимофей Кузьмич узнал в Пронске ещё весной, когда окончательно решил вставить зубы. Надо бы тогда и ехать, да страшно было одному отправляться в Рязань с большими деньгами. Шпаны много везде: можно и деньги, и голову потерять... А тут недавно сын пришёл с правления радостный, ещё с порога заулыбался:

— Вот, отец, и дождался ты попутчиков! Сегодня на правлении решили послать людей за Катей Пономарёвой. С ними и езжай — без хлопот доберёшься.

— Это неплохо, — обнадеживающе вздохнул старик, — да только по городу-то со мной никто таскаться не будет.

— По городу — полбеда. Главное, чтобы на железной дороге не распотрошили. Там теперь, говорят, белым днём грабят!

Вспомнив этот разговор после встречи с Алексеем, Фокин перестал тешить себя прежними радостными мечтами. Подумаешь — зубы! Все старики без них живут, и ничего. Теперь он даже видел в сыновьей заботе что-то подозрительное, словно сын хотел побыстрее

отделаться, а чтобы молчал старик — подачку ему. Вот, мол, возьми и не приставай более! А ведь если по-настоящему разобраться, то это он, Тимоха, всю войну денежки-то по рублику терпеливо копил, ведь не прогулял у Затеихи, не пропил с кем попало. Какой азарт, помнится, был. Только с возвращением сына с войны азарта поубавилось, потому что понял Тимофей Кузьмич: деньги не его. Это сразу подтвердилось, как только сын пересчитал их, сложил по-своему и перепрятал, а место утаил. Тимофей Кузьмич даже обиделся тогда.

— Ведь случись что — улетят денежки, — укорил он сына. — Ты хоть думаешь об этом?!

— А ты не каркай! Я войну прошёл без единой царапины, а уж тут как-нибудь.

— Не говори, малый, «гоп», пока не перепрыгнешь.

Они долго поругивались по этому поводу, но Михаил и слушать ничего не хотел. Выделил денег отцу на зубы, и всё. Точка. Никаких больше разговоров о деньгах, словно в руках никогда не держал их. Ходит, посапывает, себе на уме. Да только Тимофей Кузьмич не дурак, видит, что мало у сына радости в жизни, чуть что — зло на жене срывает. Уж на что старик не любил баб — это змеиное племя, — но и ему жалко было Василису, когда Михаил чуть ли не каждый день выводил её во двор и бил там, пока не прибежала Елизавета, не отнимала сноху. Сам Тимофей не вмешивался, не хотел ругаться с сыном из-за какой-то паршивой бабёнки, только говорил ему, не раз втолковывал, чтобы на другой женился: и сам бы зажил, и мать с отцом успокоил. Михаил всё это время отмалчивался, а как-то на Троицу, когда был под хмельком, разоткровенничался:

— Я ведь, отец, сначала в партию вступлю, а потом только жену поменяю! А сейчас с Василисой разойдись, скажут — аморальный, а партии такие не нужны!

Тимофей и сейчас помнил, как удивился тогда, какое-то время слова вымолвить не мог, а потом, правда, прорвало:

— Дурак, — начал ругаться он. — Ведь партийные всегда на виду, все образование имеют. У них чуть не так шагнул — ответ держи, всякими собраниями да конференциями замучат! Жил бы и жил спокойно. Деньги у тебя есть, поставь

избу новую, жену молодую приведи — и ты кум королю... Нет, тебя куда-то в партию несёт, людьми командовать захотелось. Вон Егорка Петухов, тоже, как сельсоветчиком стал, в партию заявление написал... Ну и что?! Вроде власть, а гол как сокол, народ-то смеется над ним, за человека не считают. И ты таким же хочешь стать?! Это для того я всю жизнь старался, чтобы ты с портфелем бродил, позорил меня?!

Михаил, хотя был выпивши, ответил твёрдо и чуть насмешливо:

— Ничего, отец, ты не понимаешь! Что мне твой Егорка — это дерьмо, а не человек! У меня всё по-другому будет. Я ведь не буду по селу зря скакать — ко мне сами станут приходить, если нужно — прыгать будут: кто на одной ноге, а кто сразу на двух. И не думай, что мне учёности не хватит. Нужно будет — на курсы пойду или на какое совещание, а уж коли я что задумал — меня ничто не остановит. Так и знай. Так и запомни. И больше мне ничего такого не говори. Ты своё получил? Получил! А раз так, то и не суйся в мои дела, не мешай!

— Кабы по-твоему вышло, это дай бы сюда, а вдруг промашка выйдет или ещё какой конфуз! Что тогда?

Михаил не ответил на приставания отца, отмахнулся, и старшему Фокину это не понравилось, в душе осталась обида. Так и ходили, посапывая: отец не лез с разговорами от обиды, а сын не хотел терять своего лица от чувства превосходства.

Когда стало известно о поездке за Пономарёвой, Михаил всё-таки предупредил отца.

— Завтра в Рязань собирайся, — сказал он, однажды вернувшись из правления. — Подвода пойдёт рано утром — не проспай смотри!

— Учи... — недовольно отозвался Тимофей Кузьмич, но в душе колыхнулась неожиданная волнительная радость.

Считай, с самой коллективизации не бывал он в Рязани, и теперь как никогда хотелось пройтись по большому городу. Собираясь старик начал с вечера: зашил в пиджак деньги, оставив под рукой немного на дорогу и мелкие расходы, заставил Елизавету напечь пышек, наварить яиц и завернуть в холстину ломоть ветчины. Продукты Фокин хотел сложить в заплечный мешок, но после некоторого раз-

думья достал из чулана мягкий чемоданчик с латунными застёжками и уголками, сам протёр от пыли. Фокин знал, что с такими чемоданчиками ходят доктора, достался он в сорок первом, когда через Князево шли войска, и назывался чемоданчик чудно: саквояж. С тех пор он лежал без надобности, а сейчас Фокин не утерпел, решил воспользоваться случаем. Если бы в Пронск сходить или в Скопин смотаться, то и вещмешком можно обойтись, а то в саму Рязань да к зубному доктору! Приди к нему с мешком, так сразу поймёт, что за птица явилась, а с чемоданчиком — совсем другое дело. Совсем другой разговор.

Наутро, как и собирались, выехали рано, ещё до выгона скотины. К удивлению Фокина, за вожжами сидел сам Петухов, ночевавший, как потом выяснилось, в правлении на сдвинутых лавках. Обидное неведение Фокин терпел недолго: вспомнил, как, вернувшись с фронта без ноги, Егор гулял с Катей, вспомнил, как всё село тогда говорило об этом, но позже, когда Пономарёва ушла на фронт, а Егор сделался председателем сельсовета, о тех гулянках забыли. Не до того было, чтобы языки чесать... А теперь Фокин всё это вспомнил и, желая убедиться в правильности своих мыслей, попытался вызвать на разговор.

— Это кто же ныне такие указания даёт, что самим председателям приходится за вожжами сидеть?! — с притворным сочувствием, почти насмешливо спросил он.

Петухов ответил не сразу. Сначала оглядел Фокина, а потом недовольно и брезгливо поморщился:

— Вроде бы ты, Тимофей Кузьмич, умный мужик, а таких простых вещей не понимаешь! По-твоему, если я в начальстве состою, то мне и за вожжами зазорно быть?! Так, что ли? А ведь того не знаешь, что партийному человеку не гробостно любую работу исполнять!

— Кто же это тебе приказал? Сам, поди, напорсился?!

— Моё партийное сознание, какого у тебя нет и никогда не будет!

Такой ответ Фокину не понравился, он обиженно хмыкнул и отвернулся, даже отодвинулся, прижавшись плечом к Баркову.

— Кузьмич, ты чего это жмёшься-то? Я не ба-

ба! — Молодым гусаком загоготал хмельной Барков. — Или Егорку испугался?!

— Товарищ Барков! — строго сказал Петухов. — Не давайте послабления своему языку!

— Егор, ты что такой важный сегодня? Забыл, как вместе к мотовским девкам бегали да подсматривали за ними в банях!

Петухов вместо ответа злобно стегнул лошадей и промолчал. Зато заговорил Алексей:

— ...Д-дать, что вы при девчонке языки-то распустили. ...Д-дать, противно слушать!

Слова Алексея подействовали только на Баркова. Он сразу, словно по команде, повалился на бок и захрапел. Остальные же сделали вид, что не хотят его тревожить. Так и доехали до Хрущёва в полусонном молчании. Когда въехали в станционный посёлок, Петухов повернулся к Гале:

— Пономарёва, с матерью обращайся поаккуратней, а этим, — кивнул на Баркова, — волю не давай, при себе держи, а то по шалманам разбегутся.

— Чего ты обо мне плетёшь-то?! — зашевелился проснувшийся Барков и харкнул спросонья, да неудачно — из-за ветра чуть в Петухова не попал.

Тот будто ничего не заметил.

— Буду вас ждать до завтрашнего вечера, — продолжал он сухо говорить Гале. — Но это на всякий неожиданный случай. Поезда сейчас ходят регулярно, так что, глядишь, к сегодняшнему вечеру вернётесь. День-то большой.

— Не загадывай, Егор Кирьянович, — засомневался Фокин. — Дороги ныне опасные. Как Бог даст.

— Ты что-то не особенно на Бога надеешься?! — ухмыльнулся Егор. — К рязанским врачам едешь!

— Так ведь болезнь у меня заковыристая, только в области могут распознать, — заволновался Фокин, не зная, как бы половчей сменить разговор, но к его радости, Петухов сам замолчал, презрительно покосившись. Фокин стерпел этот взгляд, никак внешне не отреагировал и подумал с неожиданно пришедшей радостью: «Вот подожди... Мишка партейным станет — скovyрнёт тебя, бродягу. Будешь в свою портфель куски собирать, на коленях подаяние просить!»

ПРОПАЛИ ДЕНЬГИ И ДУША

Фокин жалел, что поехал с этой компанией. Был бы один, глядишь, и поел бы вовремя, а то с зари во рту крошки не валялось. Он ещё в Сохе, когда поили лошадь, хотел что-нибудь пожевать, да не стал при всех раскрывать саквояж. Ведь только покажи — враз опустошат! А ему что потом делать? Лапу сосать?! Ищите дурня в другом месте... Поэтому, когда взяли билеты, Фокин вроде по нужде ушёл от станции в придорожные кусты акации и там спокойно и не торопясь поел; до поезда целых полтора часа и спешить было некуда. «Вот теперь, сытому, хоть в Рязань можно ехать, хоть в Казань или ещё куда-нибудь подальше! А вы пустой чай в буфете гоняйте да Петухова слушайте!» — ехидно подумал о попутчиках Тимофей Кузьмич, но возвратился на станцию, не дожидаясь подхода поезда: что ни говори, а в компании надёжнее. Когда же поезд прибыл, Фокин хотел уйти от земляков в другой вагон, но мысль о деньгах опять заставила держаться кучнее; правда, до самой Рязани ни с кем не разговаривал, мучаясь от духоты.

Только перед самым вокзалом Фокин всё же заставил себя попрощаться с попутчиками и пробрался в тамбур. Когда, чертыхаясь и распахивая потных баб, Фокин чуть ли не сполз по ступенькам на перрон, то почувствовал прилипшую к спине рубашку. Сразу захотелось скинуть пиджак, но из-за спрятанных денег пришлось терпеть неудобство. Крутнувшись на перроне и утерев рукавом лоб, Тимофей Кузьмич заметил прыщавого малого, пылившего метлой.

— Эй, земляк, — окликнул его Фокин, — подскажи, где тут у вас улица Борки находится?

— А кто её знает... Я сам приезжий.

Пока Фокин стоял около дворника, откуда-то появилась цыганка, ухватила старика за рукав:

— Позолоти ручку — всю судьбу расскажу!

От её прикосновения Фокина как жаром осыпало.

— Какого... руки распускаешь?! — попятился он от цыганки, невольно прижимая защитные

деньги. — Ишь, грязнозадая, глазищами-то сверкаешь. Тьфу, собака!

Фокин поспешил уйти с перрона, но цыганка не отставала и начала ругаться ему вслед. Когда он свернул за угол вокзала, то натолкнулся ещё на одну, прижавшую к стене долговязого кретина, озлобленно скалившего гнилые зубы. У кретина, быть может, и копейки за душой не имелось, но он знал, что с цыганкой связываться опасно — обманет, и поэтому, желая отпугнуть её, по-гусиному свирепо шипел и прятал за спину руки. «Вот этого бельмеса и охмурайте, — весело подумал Фокин, — а я уж как-нибудь без вашего гадания обойдусь!»

Цыганка действительно отстала. После привокзальной площади Фокин, наверное, лишь через километр осмелился спросить у прохожего о Борках. На этот раз ему подсказали, и оказалось, что это и не улица вовсе, а слобода, и идёт он правильно. Продолжая шагать в указанном направлении, вскоре он очутился на задворках, спустился переулком под уклон и неожиданно увидел впереди широкую луговину с блестящей вдаль рекой, а справа — высокий обрывистый холм и полдюжины церковей на нём. От неожиданности Фокин перекрестился, почему-то вспомнил, что когда-то в Пронске стояло не меньше, но почти все поломали, оставили лишь городской собор, да и на тот замок накинули... Вспоминать да глазеть — дело, конечно, неплохое, но Фокину сейчас было не до любования: надо доктора искать. побыстрее бы найти, сговориться и по рукам вдарить, а то уж надоело с деньгами таскаться... У низенького бревенчатого домика он увидел бездельничавшего вихрастого парнишку, грызшего яблоко-зелепуку, спросил у него о докторе.

— Да, живёт такой... — ответил белобрысый парнишка и внимательно осмотрел Фокина с ног до головы. — А ты, дед, по какой надобности к нему?

— Надо... По-родственному я...

— Фиксы, поди, идёшь вставлять?!

— Не твоего ума дело.

Мальчишка показался подозрительным, и Фокин пожалел, что ввязался в разговор. Он пошёл вдоль замусоренной улицы, а мальчишка настойчиво окликнул его:

— Дядя, погоди... Сейчас дорогу тебе покажем... — и, заложив пальцы в рот, свистнул, словно позвал кого-то.

После этого Фокин окончательно понял, что мальчишка болтается здесь неспроста, а сторожит всякого человека, идущего к зубному доктору, потому что с пустыми руками к нему не ходят... Старик вроде бы неторопливо пошёл мимо серых приземистых домов, перед поворотом улицы не удержался — оглянулся и увидел сзади двух молодых мужиков и мальчишку. Тимофей Кузьмич нырнул за какой-то забор и побежал вдоль него с другой стороны. Он уже догадывался, что те двое сейчас погонятся, отнимут деньги, и тогда всё пропало. На бегу Фокин снял пиджак и лихорадочно присматривал место, чтобы спрятать его. Когда оказался меж кособоких сараев и курятников, то заметил укромное место в поленнице и сунул туда пиджак. Хотел запомнить место, но тут откуда-то выскочила пёстрая собака, вцепилась в штанину, и Фокин услышал треск разрываемой фланели. Ладно. От собаки кое-как отбилась и, вспомнив о преследователях, побежал дальше. Неприметной стёжкой выбежал к речушке, остановился, чтобы отдышаться, но сбоку, из узкого прохода меж сараев, показались преследователи, и у старика похолодело сердце. Он побежал берегом, чувствуя, что задыхается, хотел пуститься вплавь, но хриплый голос остановил:

— Куда? А ну стой!

Фокин послушно замер, покосился на подошедших.

— Нехорошо, отец, бегать, — можно надорваться в твоём возрасте. Зачем саквояж спёр? Мальчишка признал его. Вернуть надо саквояжик-то!

От такой наглости у Фокина перехватило дыхание.

— Ты чего выдумываешь-то, малый, — хотел он осадить нахала, в упор рассматривавшего холодными зелёными глазами. — Этот чемоданчик у меня с войны живёт, знакомый человек подарил.

— А ну покажи!

Мужик подступил к Фокину и прижал к самой воде. Пятиться стало некуда, и Тимофей Кузьмич швырнул саквояж в реку: вот, мол,

вам, окаянным! Зеленоглазый, оглянувшись, кивнул мальчишке, и тот послушно скинул штаны и рубашку, голышом поплыл за саквояжем. Фокин было рванулся, чтобы убежать, но второй мужик, приземистый и тяжелый, задержал его: «Не егозись!» Мальчишка вскоре вышел на берег и отдал саквояж зеленоглазому. Тот раскрыл его, вывалил еду и, не обнаружив то, что, видимо, искал, внимательно посмотрел на старика.

— На нём пинжак был! — прыгая на одной ноге и вытряхивая из уха воду, вспомнил мальчишка.

— Где пинжак?! — схватил старика за грудки зеленоглазый.

— Не помню... Потерял... — запрокинув голову, прохрипел Фокин.

— Не помнишь?! — весело спросил тот и, почти без замаха, правой ширнул Фокина под ложечку.

От удара Тимофей Кузьмич моментально обмяк, завалился на бок... Пока его размеренно били ногами, мальчишка подобрал валявшиеся в траве продукты. На бандюг кричали полоскавшие бельё бабы, но на крики те не обращали внимания, а возвращались от реки спокойно и аппетитно уминали душистые пышки на свином сале.

Пришёл Фокин в себя лишь под вечер. Долго пытался понять, где находится, что с ним и почему так болит всё тело. Ему вдруг показалось, что лежит на берегу Прони, что город, раскинувшийся на возвышении, — родной Пронск, но множество церковных куполов, раскрашенных заходящим солнцем, всё-таки заставило усомниться. Но всё равно это походило на сказку: вид церковей рождал в душе благодать, от этого необычного вида захотелось плакать, и он не заметил, как заплакал. И слёзы принесли облегчение, старику теперь казалось, что ничего с ним не случилось, а остановился он здесь лишь отдохнуть после утомительной дороги. Вот полежит, наберётся сил и пойдёт дальше. Но чем дольше лежал, тем отчётливее понимал, что с ним случилось. Теперь ему никуда нельзя уходить отсюда, пока не отыщет пиджак с деньгами. Теперь ему не хотелось ни к какому доктору, хотелось побыстрее найти деньги и вернуться в

Князево. Умывшись и застирав окровавленную рубашку, он до сумерек просидел в зарослях ивняка, а как по-настоящему стемнело — выбрался из убежища.

Фокин осторожно подходил к редким огонькам притихшей перед сном улицы, и невольно по телу пробежала дневная дрожь. Совсем не по-городскому вдоль улицы тянулась вереница сараев, курятников, кое-где в катухах хрюкали свиньи. Почти у каждого сарая стояла поленница, и в какой-то из них лежали спрятанные деньги. Но на беду, он не помнил не только где они лежали, но даже не знал, с какой стороны попал в эту слободу. Проверив на ощупь несколько поленниц, он услышал рядом злобное рычание, и почти сразу раздался звонкий лай. Фокин невольно попятился, хотел спрятаться за сараем, но собака, почти невидимая в темноте, не отставала. Вскоре к ней присоединилась вторая, и, осмелев, они чуть ли не цапали за пятки. И старик не выдержал, прихрамывая и матерясь, побежал прочь от этого проклятого места.

Чем дальше бежал, тем большая горечь разливалась по душе, глаза застилала слёзы, и не хватало сил сдерживать их... Собаки вскоре отстали, а Фокин всё бежал и бежал, если можно назвать бегом его хромоногое ковыляние. В одном месте он вдруг увидел в свете уличного фонаря давешних обидчиков и даже заметил, что они несли его пиджак. «Ага, попались, — радостно подумал Фокин. — Теперь уж я от вас не отстану!» Как молодой, он теперь побежал за ними, даже забыл о хромо́й ноге; казалось, ещё чуть-чуть — и он догонит бандюг, отнимет пиджак, но, добежав до перекрёстка, те пропали, а когда Фокин огляделся и увидел их, то повернул за ними, мелькавшими далеко впереди... В конце концов, он их вовсе потерял из виду, но продолжал настойчиво бежать, не понимая, что они всего лишь привиделись... От него шарахались редкие прохожие, а он не обращал ни на кого внимания и остановился только тогда, когда кто-то резко и властно схватил его: «Стойте, гражданин! Ваши документы!»

Не сразу подчинившись, Фокин долго не понимал, куда и зачем ведут, что нужно от него милиционерам. Ведь он не просил их ни о

чём, не жаловался ни на кого, а всё происшедшее скрыл, хотя, когда они остановили, сперва обрадовался, хотел попросить поймать бандюг, за которыми долго и безуспешно гнался. Только в последний момент, окончательно придя в себя от горячки, понял, что о деньгах надо молчать, иначе затаскают, допросами замучат. А главное — сын не простит такой разеватости. Поэтому на все вопросы в милиции Фокин отвечал как заученное: «Ничего не знаю!»

— Как вы оказались в Рязани? — спросил у него скуластый дежурный по отделению. — Зачем приехали?

Фокин к этому времени окончательно пришёл в себя и, не моргнув глазом, пожаловался: — Дык, не по своей воле... В госпиталь с земляками послали — больную забрать, а я возьми да от поезда отстань, заблудился тут у вас, на шпану нарвался — синяков навешали да пинжак отняли. А в пинжаке справка из сельсовета о том, что Фокин Тимофей Кузьмич, я то есть, не какой-нибудь проходимец, а законный житель села Князево Пронского района.

— Раз так, законный житель села Князево, — ухмыльнулся лейтенант, — вместо вокзала вам придётся у нас переночевать. А мы пока выясним, кто вы и откуда!

Тимофей Кузьмич поначалу вроде бы обрадовался, но после слов лейтенанта окончательно растерялся.

— Не уговаривайте — не останусь! — твёрдо сказал Фокин.

— А мы тебя, дед, и спрашивать не будем! — ещё твёрже предупредил лейтенант и кивнул стоявшему рядом сержанту. Тот, не церемонясь, подхватил Фокина под руку, отвёл в подвал и толкнул в камеру.

В камере, едва освещавшейся через маленькое оконце из коридора, Фокин не сразу разглядел двух мужиков, спавших на нарах, хотел подсесть к ним, но получил чёрной пяткой под зад и причепурился у двери. Попытался заснуть, но заснуть не смог, приходилось часто вставать, чтобы размять затёкшие ноги, но в конце концов не выдержал и прилёг на полу, заснул, но вскоре проснулся, когда почувствовал, как по рукам поползли вши. Они казались такими крупными, что, когда он ощупкой ло-

вил их, — лопались как жареные семечки. Чем-чем, а вшами Фокина не удивишь, но сейчас, в этой затхлой камере, рядом с беззаботно храпящими мужиками, вши показались до озноба скверными, и, раздавив очередную, Фокин брезгливо вытирал пальцы о шершавые стены. Плевал на пальцы и вытирал. Еле-еле дождался утра, когда у двери камеры зашебуршали ключами.

На удивление — отпустили сразу же. Не зная, что делать, Фокин расспросил на улице прохожих, узнал у них дорогу на вокзал, но на вокзал не пошёл, решив, что в Князево пока возвращаться нельзя: перед сыном надо будет держать ответ за деньги, да и соседям стыдно показаться побитому. К тому же на вокзале мог встретиться с земляками, а этого ему совсем не хотелось.

Если бы он знал, что Галя с помощниками ещё вчера вернулась в Хрущёво, то, верно, отправился бы на вокзал безо всякой опаски, но он и предположить не мог, что вся затея с возвращением Кати Пономарёвой пошла насмарку.

Галя добралась до госпиталя без приключений, если не считать, что в Луховицах, пока ждали попутку, Барков успел набраться... В госпитале Галя сразу направилась к знакомому корпусу, назвалась сонной дежурной медсестре: кто она, откуда приехала и за кем.

— А какая у вашей мамы фамилия? — прежде чем взять регистрационную книгу, спросила медсестра — совсем ещё юная, с печальным взглядом девушка, с синими кругами под глазами, словно от недосыпания.

— Пономарёва... Екатерина Алексеевна Пономарёва.

Медсестра полистала книгу и сказала:

— К сожалению, должна вас огорчить: ваша мама шесть дней назад умерла и похоронена на сельском кладбище неподалеку от госпиталя.

От услышанных слов Галя сдавленно ойкнула, откинулась на стуле и повисла на руках подоспевшего Алексея... Медсестра открыла пузырёк с нашатырём, который будто специально держала наготове, сунула под нос Гале намоченную ватку, а Алексей, что-то непонятно и сбивчиво бормоча, вывел сноху на улицу,

усадил на скамейку рядом со спящим Барковым и рукавом гимнастёрки стал вытирать Галины слёзы. Минут через десять к ним вышла давешняя медсестра, отдала документы, медаль «За отвагу» и справку о смерти. Объяснила, как пройти на кладбище, и молча постояла рядом, не решаясь сразу оставить их.

Когда медсестра ушла, Алексей толкнул Баркова, но проснулся тот не сразу, во сне начал на кого-то материться, и Алексей не сдержался, вlepил ему затрещину, отчего он тотчас очнулся, вытер слюнявый рот и огляделся вокруг шалыми красными глазами.

— ...Д-дать, вставай, пошли! — твёрдо сказал Алексей, и Барков не посмел послушаться, испуганно вскочил на ноги и удивлённо посмотрел на заплаканную Галю.

Куда и зачем его ведут, Барков спросил только за территорией госпиталя, когда вдалеке показались кладбищенские кресты.

— Вы чего это?! Куда привели?! — заупрямился он и остановился.

— ...Д-дать... — хотел что-то сказать Алексей, но только раздражённо отмахнулся и поспешил за снохой, боясь оставить её одну.

На самом кладбище новых захоронений почти не оказалось, зато сбоку от ограды разместилась колония свежих песчаных холмиков, и на каждом стояла деревянная табличка с фамилией и датой захоронения. Надписи были сделаны химическим карандашом и расплылись от дождей, размазались в одно чернильное пятно. Могила Кати Пономарёвой оказалась совсем свежей, а надпись на табличке ясно различимой. Галя как вкопанная остановилась около неё, закусил губу. Алексей обнял сноху, начал успокаивать, но она будто окаменела, неестественно сжалась и безотрывно смотрела на могилу, словно видела что-то такое, чего не видели остальные... Сколько так простояли — никто не знал: время будто замерло или вовсе перестало существовать.

Первым пришёл в себя Алексей.

— ...Д-дать, дочка, тужи не тужи, а мать не вернёшь, — тихо сказал он, словно просил извинения. — Пойдём нарвём ей цветов, могилку приберём — она довольна будет, что не забыли её, горемычную.

— Надо бы крест поставить... — сказал незаметно подошедший Барков, наконец, кажется, пришедший в себя.

— ...Д-дать, хорошего нету, а на скорую руку делать не годится... В следующий раз как-нибудь...

Говорить ещё что-то ни у кого не хватило сил. Они нарвали на ближней луговине цветов, убрали могилку и молчаливо пошли с кладбища. Галя невольно отстала, часто оглядывалась, пытаясь запомнить место. Ей хотелось вернуться, упасть на холмик и навсегда остаться с матерью... И только перед самой станцией, куда их подвезла машина из госпиталя, она вспомнила о сынишке, подумала, как он там, слушается ли бабушку. И теперь, подумав так, она рвалась в Князево, рвалась с такой силой, с какой ехала в эту незнакомую и чужую местность.

В Хрущёво прибыли в сумерках. Натаскавшись за нескончаемый июльский день по жаре и затомившись в поезде, всем хотелось напиться, хотя бы из станционного прогорклого бачка, но он оказался пуст. Пришлось идти к ближайшему колодцу. Только напившись, отправились искать Петухова и нашли его не у пакгауза, где обычно ночевали возницы, а в другом месте, почти у самого выхода на перрон. Егор спал на телеге, подложив под голову хомут, а лошадь стояла рядом и напряжённо стригла ушами. Знакомую повозку первым заметил Барков. Он толкнул председателя и насмешливо окликнул:

— Пожар, горишь!

Петухов моментально очнулся, а в душе отругал себя... Весь день он терпеливо ждал, настроившись на ожидание до завтрашнего вечера, и не спешил укладываться спать, решив, что выспаться успеет. Да и мысли отгоняли сон. Эта поездка взбудоражила его, забытая было Катя ожила в памяти такой, какой была в августе сорок первого, когда он успел вернуться с фронта без ноги; она сумела тогда приманить своей неунывающей отчаянностью, непохожестью на убитых горем баб. Она была намного старше Егора, и он, неожиданно для себя, пусть и ненадолго, прикипел к ней душой и телом, потому что она оказалась единственной, для кого тогда будто и не суще-

ствовало войны. И сейчас, когда, как в тумане, он услышал голос Пахома Баркова, то ощутил заколотившееся сердце, поспешно прыгнул с телеги и разобрал костыли. Ещё не видя в темноте Галю с Алексеем, он спросил о Пономарёвой, спросил с замирающей поспешностью, словно готовился встретить мать родную.

— Где она?! — выдохнул Петухов, пытаясь разглядеть лицо Баркова.

— Нету, померла... Зря проездили...

— Как это нету?! — переспросил Петухов у подошедшей Гали. — Я такие разговоры не принимаю! — сердито сказал он, будто его разыгрывали.

— ...Д-дать, нету — и всё тут! — За Галю ответил Алексей. — Давай-ка, Кирьянович, хомут — надо запрягать и ехать, пока, ...д-дать, холодок держится.

— Нет уж, — не отставал Петухов от Гали, — ты, девка, доложи мне серьёзно, почему мать не привезла? — спросил он с такой обвиняющей интонацией, будто поездка сорвалась по её вине.

— Так сказали же тебе, хрен ты моржовый, — не сдержался Барков. — Или непонятно?!

Понял, конечно, Петухов всё сразу понял, но уж всё казалось неправдоподобным, обманчивым, словно Галя сговорила с мужиками и они что-то скрывают. Сознание того, что Кати более нет, что он никогда не увидит её, — вдруг озлобило Егора. Теперь ни Галя, ни Виноградов с Барковым — никто из них ни единым словом не могли заглушить в нём неожиданное чувство злобы. И чем дольше он смотрел на мелькавшие около повозки фигуры, тем сильнее ненавидел попутчиков, даже пожалел, что столько времени напрасно дожидался их.

— ...Д-дать, можно ехать, Кирьянович... — понуро сказал Алексей, когда запряг лошадь.

Петухов ничего не ответил, молча бросил на телегу костыли, уселся. Ему ни с кем не хотелось говорить, даже лошадь он тронул без понукания, молча хлестнув её вожжами, словно и для неё жалел слов. Петухов своим поведением давал понять, что не желает никого видеть, хотя в собеседники ему никто не набивался. Когда повозка выехала за станционный посёлок и покатила по белеющему в

ночи большаку, почувствовав свою ненужность, Алексей с Барковым захрапели, а с Галей Петухову говорить было не о чем. Только когда подъезжали к Большому Селу, Егор окликнул её:

— Не спишь, что ли?.. Возьми мой пинжак, накройся...

Галя ничего не ответила и пиджак не взяла, продолжала сидеть безмолвно, отрешившись от всего земного. До самого Князева никто более не обронил ни единого словечка. И разошлись все молчком, как после неудачного, постыдного дела.

Егор отогнал лошадь в конюшню, сдал сторожу и часа, наверное, два просидел с ним, неожиданно разговорившись, как будто несколько лет не видел живого человека. Уходил он с конюшни, хотя идти ему было не к кому, когда над Князевом утихли выстрелы пастушьего кнута, а хрипловатый голос Мать-Груньки едва долетал из лощины за селом.

МАНЯЩИЙ СВЕТ

Дмитрий Иванович подходил к Пушкарской, оставив далеко позади прыгавшего на костылях Петухова, когда увидел сидевшего у телеграфного столба Байдикова и не сразу узнал его, одетого не в барсучью безрукавку, а в вылинявшую рубашку из саржи, и с коротко постриженной бородой. Когда Савин подошёл ближе, Степан Васильевич поднялся навстречу, первым подал руку. Савин ответил рукопожатием и на секунду приостановился:

— Доброе утро, Степан! Как жизнь?

— Жизнь моя заново началась после нашей весенней встречи, — поспешая за ходко шагавшим Савиным, улыбочиво и заметно волнуясь, ответил Байдиков. — За это время окончательно решил к тебе на завод устраиваться. На днях в райсобесе дали направление в психиатрическую. Говорят, пройдёшь комиссию — с радостью в пенсии откажем... А я что-то боюсь один ехать в Рязань — отвык от городов, совсем одичал.

— А что же не поехал с нашим Петуховым? Он вчера ездил в госпиталь за Пономарёвой.

Они, правда, зря проездили, да и не в самую Рязань, а куда-то в сторону, но зато мой сосед Фокин с ними к рязанским врачам увязался. Вот бы с ним заодно и махнул.

— Если бы знать... Да и, признаться, униЗИтельно искать у людей сочувствия. Ведь после разговора с тобой я не одну неделю сомневался. Только не подумай, что не верил тебе, нет — верил, но боялся, что за твоими словами ничего не стоит; согласись, что говорить проще, чем делать что-то конкретное.

— Не пойму тебя, — удивлённо посмотрел на Байдикова Дмитрий Иванович. — Ты что, дитя малое? Так, что ли? Я обещал помочь по-мужски — делом. А уж всякие там «сю-сю» разводить не умею!

— Обиделся? — Байдиков остановился, испуганно посмотрел на Савина.

— Нет. Ты мне — прямо, и я тебе так же... Когда думаешь ехать в Рязань?

— Хоть сегодня... Документы при мне.

— Вот и хорошо. Сейчас с завода отправится машина до станции — с ней и поедешь!

Почти всю Пушкарскую они прошли молча, а перед проходной Дмитрий Иванович остановился, попросил:

— Подожди меня здесь.

Ждать пришлось недолго. Через полчаса Степан Васильевич сидел на брезенте в кузове полуторки и подставлял лицо струе по-утреннему свежего ветра. От радостного возбуждения Байдикову хотелось петь, ощущать встречные лучи солнца. Всем своим существом Степан Васильевич впитывал несшиеся навстречу события. В этот день все они казались ему приятными, значительными, ни на что не похожими. Это ощущение теперь являлось самым радостным, помогало преодолеть возникавшие трудности, не обращать на них внимания. А начались они с того момента, когда он спросил на вокзале, где находится психиатрическая больница. Курносовая и темноглазая дежурная долго смотрела на него, что-то соображая, и боязливо переспросила, на всякий случай отступив чуток назад:

— Это Галенчино, что ли?

— Вот уж не знаю, как эта больница у вас называется... — неожиданно покраснел Степан Васильевич.

— А ты, сердечный, по какому делу-то туда нацелился?! — по вседневной привычке любопытничать спросила дежурная, намётанным глазом распознавшая в Байдикове неопасного человека.

Тот немного оправился от смущения и захотел ответить какой-нибудь дерзостью, но промолчал, решив спросить дорогу у молодого железнодорожника в замасленной спецовке, шедшего из буфета. Когда спросил, то заметил, что и он тоже смотрит как-то необычно, будто у Байдикова на лбу стояло особое клеймо. Наконец железнодорожник всё-таки понял, чего от него хотят, и сочувственно ответил:

— Это надо через весь город добираться. Так что... — Парень развёл руками и отправился по своим делам.

Не сразу добравшись до больницы, терпеливо и стойко сносил последующие мытарства в стационаре, на приеме у врача, в ожидании врачебной комиссии, словно специально приехал подурочить врачей, поиздеваться над медсёстрами и подразнить своим послушанием санитаров, терпеливо ожидавших буйных жертв. И это было лишь началом.

Всё превозмог Байдиков, коротая ночи на вокзале. И вот пришёл тот день и час, когда он получил в больничной канцелярии справку, в которой, как казалось, обтекаемо говорилось, что гражданин такой-то освидетельствован медицинской комиссией и признан здоровым! Получив справку, он хотел пуститься в пляс, закричать от радости, но вместо этого спокойно и с достоинством вышел за ворота больницы, неторопливо отправился по дороге, хотя очень хотелось бежать.

Недалеко от вокзала Байдиков зашёл в закусочную, съел бутерброд с селёдкой, выпил два стакана чаю, и от этой небогатой еды, а более от обстановки, у него ещё более поднялось настроение. Поднялось настолько, что он не удержался и бросил двугривенный нищему старику в лежащую у его ног фуражку. Старик благодарно поклонился, пожелал доброго здоровья, а Байдикову показалось в его облике что-то знакомое. Через несколько шагов Степан Васильевич остановился, будто невзначай оглянулся... Лицо действительно показалось

знакомым. Он задумался, вспоминая, где видел этого старика, и чем дольше вспоминал, тем яснее осознавал, что неоднократно видел этого нищего, даже, показалось, разговаривал с ним. Старик, заметив на себе чьё-то внимание, тоже взглянул на Байдикова и тотчас отвернулся... И Степан Васильевич узнал его. Конечно же, это лесник из Князева! Фокин! Удивление быстро сменилось любопытством, и Байдиков подошёл к старику, решив окончательно убедиться. Неожиданно это ввергло нищего в замешательство. Страшно ощерившись, он плюнул в Байдикова и зашипел:

— Что здесь делаешь, барсучий враг?! Уходи, пока голову не проломил!

— Тимофей Кузьмич, что с вами?! — спросил Байдиков и на какое-то время растерялся от неожиданности.

— Уходи, зверь, милиционера кликну! — Фокин смотрел безумными глазами, скалил розовые голые дёсны, и Байдикову вспомнилась психиатрическая больница, где он видел именно такие безумные лица, и сразу расхотелось говорить с Фокиным, особенно после того, когда он закричал на всю улицу: — Смотрите, люди, этот чокнутый отшельник у меня пинжак с деньгами украл, всё до копейки подчистил... — Попрошайка чуть не задохнулся от ярости, но почти сразу же плаксиво заскулил: — Подайте Христа ради, подайте горемычному на пропитание...

Байдиков поспешил уйти прочь, но и за углом вокзала долго слышалась ругань Фокина, его истеричные крики. В какой-то момент Байдиков подумал о Фокине как о больном человеке, и сделалось нестерпимо жалко старика. Теперь Степан Васильевич ругал себя за поспешность, за отсутствие сострадания, хотя... Странно вёл себя Фокин, как человек, уличённый в чём-то постыдном, а не как попавший в беду.

Смешанные чувства овладели Байдиковым, пока он дожидался поезда на ближайшей к вокзалу тихой улице. Встреча с Фокиным подавила радостное чувство освобождения. Степан Васильевич не мог изжить в себе чувство вины перед лесником за то, что бросил земляка в незнакомом городе. И как ни заставлял убедить себя в обратном, как ни пытался не

думать о нём, нет — сумрачные мысли преследовали до подхода поезда, грызли до самого Хрущёва, и только перед Князевым, куда Байдилов добрался на попутке в сумерках, подзабылись.

Подходя к дому Дмитрия Ивановича, он вспомнил о самом себе, о своих предстоящих хлопотах. И сердце заныло от радости, захотелось побыстрее увидеть Савина, поделиться с ним.

— Ну вот... — не сказал, а выдохнул Байдилов, едва увидев вышедшего из избы Дмитрия Ивановича. — Полноправный гражданин Советского Союза прибыл в ваше распоряжение!

— Перестань трещать! — нахмурился Савин. — Расскажи по-человечески.

— А что говорить, если ты и не рад моему счастью?!

— Извини... Не хотел обидеть. Вижу, у тебя всё в порядке, если сердиться... Что теперь намерен предпринять?

— На завод устраиваться... Ты же обещал.

— Обещал, помню. Помню и то, что говорил тебе о необходимости поработать на первых порах обыкновенным слесарем, а уж после будем думать, как применить твоё образование.

— А на большее я и не рассчитывал. Да и не должность мне нужна, а общение, коллектив. Среди людей я быстрее поверю в самого себя.

— Уже поверил, если сделал первый шаг, самый трудный. Ведь любая самая дальняя дорога начинается с первого шага. А сейчас иди домой и отдыхай. Приходи как-нибудь на днях на завод.

— Можно завтра?

— Приходи, если не терпится.

Степан Васильевич растаял в темноте, а утром ждал у проходной завода. Коротко поздоровались. Ничего не расспрашивая, Савин сразу послал его в поликлинику:

— Зайди к врачу и получи справку о состоянии здоровья. Потом приходи в отдел кадров.

— У меня же есть заключение областной больницы! — с обидой в голосе и во взгляде возразил Байдилов.

Савин поморщился:

— При поступлении необходима справка установленного образца.

— Так бы и сказал, — по-детски шмыгнул но-

сом Степан Васильевич и направился в поликлинику, благо она находилась рядом с заводом.

В регистратуре быстро отыскивали карточку Байдилова, вклеили в неё заключение из областной больницы и направили к врачу. Дежурный терапевт послушал мосластого пациента, измерил кровяное давление, проверил зрение и слух. Изучив вклеенное заключение, попросил медсестру выписать справку о состоянии здоровья. Быстрота, с какой Байдилов получил необходимую справку, удивила, но сейчас некогда было радоваться везению, и быстрее, быстрее на завод. В отделе кадров культяпый хмурый мужик в выгоревшей гимнастерке долго изучал его документы и нехотя предложил написать заявление о приёме.

Когда Степан Васильевич закончил писать, начальник успел оформить ему пропуск, забрал заявление, промокнув чернилами пресс-папье, вложил его в папку с надписью «Личное дело». Потом поднялся из-за стола, подошёл к сейфу и извлёк оттуда несколько листов бумаги.

— Вот вам карточки на хлеб и продукты... Отовариваться будете в нашем заводском магазине, правда, лишь со следующего месяца. — Посчитав дело сделанным, культяпый вернулся к столу, взял какие-то бумаги, а Байдилов, радостно и крепко зажав в кулаке карточки, вышел из тесной комнаты отдела кадров, предъявил охраннику пропуск и оказался на территории завода.

Оставшееся время до обеда, который провёл с Дмитрием Ивановичем, и после, до самого окончания рабочего дня, Байдилов находился в сладком полусне. Его определили на литейный участок, вручили зубило, молоток и рукавицы с фартуком и показали, как обрубить неровности литья. Выполняя эту малоквалифицированную работу, Степан Васильевич был тем не менее счастлив. Он принохивался к задымлённому воздуху, приглядывался к окружающим людям — и во всём находил радость, ему уж казалось, что заводским воздухом он дышит всю жизнь, всю жизнь знает этих не особо разговорчивых хмуроватых людей.

В раздевалке Байдилов не задержался, хотя почувствовал здесь более дружеское отношение, но сам не мог шутить с малознакомыми

людьми. Да, он не хотел спешить, догадываясь, что со временем всё это произойдёт естественно... Он ещё в областной больнице решил: поступит на работу – перестанет ловить барсуков. Это занятие не может продолжаться бесконечно, он будет жить как все люди. Ему надо было снять петли в двух норах, в которых не успел снять до отъезда в больницу, и тогда он мог считать себя абсолютно безвредным, рабочим человеком, а не жалким отшельником!

В одной норе снял петлю этим же вечером. В неё попался молодой лисёнок, успевший превратиться в зловонный сгусток прелой плоти. Не притрагиваясь к нему, Степан Васильевич вытащил лисёнка из норы сухой рогатенькой, ею же выковырял углубление и закопал его вместе с петлёй. Бессмысленная гибель зверька придала решительности, и уж в сумерках он решил отправиться ко второй, дальней норе. Но когда совсем стемнело, всё-таки вернулся, отложив поход до следующего дня, а после шагал лунным лесом в приподнятом настроении, шёл шумно, чего с ним никогда не бывало, словно доказывал себе, что теперь он обычный человек и ему незачем красться... Завтра в дальнем лесу он снимет оставшуюся петлю и тогда сможет сказать, что да, действительно с прошлым покончено навсегда.

Отшельника нашли через две недели ходившие по грибы князевские ребятишки: случайно забрели к норам и, наткнувшись на торчавшие из земли сине-фиолетовые распухшие ноги, наполовину изъеденные червями, – побежали в село, не помня себя от испуга... Рассказали взрослым, те – Петухову. Недолго думая, Егор Кирьянович в первой же избе взял лопату, топор и, прихватив без дела шатающегося похмельного Баркова, поспешил в лес, наказав Зубареву сообщить участковому.

Когда выехали за Князево, то норы нашли сразу. Барков остановился около торчавших из земли ног, зажал нос:

– Здесь стоять невозможно – через минуту вырвет...

– Никто не вырвет, если сам не отдашь... Берись за лопату, нечего языком молоть!

Барков вздохнул, поплевал на руки и начал

копать, стараясь не смотреть на распухшие ноги. Песчаный грунт поддавался легко, и вскоре Барков заметил барсучью шкуру. Потянул за неё – одежда...

– Иди посмотри, – позвал он Петухова, сидевшего в стороне. – Это, кажись, Степан Васильевич. Он всю жизнь в такой одежке ходил!

– Да, действительно отшельник, – удивился Петухов. – Сколько веревочке не виться.

– Ну, чо, дальше, что ли, копать? – нехотя спросил Барков.

– Погоди... С ним тогда хлопот не оберёшься: гроб заказывай, могилу копай, то да сё... Здесь и похороним. Ему барсуки заранее жильё выкопали. Ты пока возьми топор и, чтобы не сидеть без дела, сработай крест подходящий. Сейчас участковый подъедет, и разделаемся.

Участковый прибыл к вечеру. Он неслышно появился перед Петуховым и хмуро спросил:

– Что у вас тут?

– Отшельника в норе задавило...

– Кто это вам сказал?

– Дак шкура на нём!

– Шкуру, Егор, можно и на тебя надеть: хочешь барсучью, хочешь козлиную... Откапывать надо полностью, чтобы провести опознание по всей форме. Ясно?! – твёрдо сказал плотный и крепкий мужик с погонами лейтенанта и в мятой фуражке, совсем не похожий на милиционера.

– Пахом, – позвал Петухов Баркова, валявшегося на подстилке из листьев, – иди докапывай.

– Мать вашу – начальства развелось! – заворчал Барков и нехотя поднялся, взял лопату.

– Чего раньше-то думал?!

– Поговори у меня...

Сутуловатый Барков ещё больше согнулся, начал швырять землю, а когда труп освободился до пояса, набрал листьев и, обернув ими ногу, вытянул его из земли.

– Иди опознавай, – позвал он участкового, курившего в сторонке на пару с Петуховым.

Тот поднялся, подошёл и носком сапога повернул непослушную голову Степана Васильевича, всмотрелся в лицо.

– Он, он – я сразу его признал, бедолагу, – вздохнул Барков.

— Надо всё тело осмотреть, — будто сам с собой говорил участковый. — Может, есть следы насильственной смерти... А ну-ка, поверни его.

— Вам надо не меня, а Мишку Фокина сюда бы притащить... Тот в похоронной команде служил — опыт есть, а мне за мертвяка греботно браться, да и не нанимался я вам. Что хотите, то и делайте, а меня в эту заваруху не втягивайте... У меня жена в передовиках ходит, а то, коснись, и себя ославлю, и её!

— Слушай, чего его осматривать, — осторожно сказал Петухов участковому, уловив его нежелание заниматься хлопотным делом. — Всем известно, что отшельник по норам шастал... Вот шею-то и свернул себе.

— Что предлагаешь? — спросил участковый, явно желая увидеть в Петухове единомышленника.

— Предлагаю произвести захоронение... Факт смерти установлен. Смерть наступила в результате несчастного случая. Сейчас вернёмся и каждый оформит документы: ты — свой, я — свой. Что тут голову ломать...

— Такие дела следователь закрывает... — замылся участковый.

— Ну и закроет... Аось, вместе работаете... Пахом уже и крест успел выстругать... Всё по-христиански... Закапывай, Пахом, нечего время терять, а то уж скоро стемнеет.

— Да что я за дурака, что ли, состою, — швырнул Барков лопату. — Весь день не жрамши, а они командуют: то откапывай, то закапывай! Командиры. На фронт бы таких командиров! Вас бы так, когда окочуритесь! — Барков в сердцах плюнул и пошёл прочь.

В Князево он вернулся в сумерках. Около избы Савиных заметил сидевшего на крыльце Дмитрия Ивановича. Тот окликнул:

— Пахом Николаевич, это вы?

В Баркове ещё жила злость, и он не хотел откликаться, но когда Савин спросил повторно, то нехотя отозвался:

— Ну, я, а вам-то какое дело?!

Савин подошёл, спросил по-дружески:

— Пахом, объясни, пожалуйста... А то кого ни спросишь — никто ничего не знает... По селу ходит слух, что ты сегодня в лес ездил... Там будто кого-то в норе придавило?!

— Зря говорить не будут... Вы отшельника

всем заводом в Городище ищите, а он от вас в норе схоронился...

— Его что же, в морг отвезли? — спросил Савин у Пахома, никак не отреагировав на насмешливые слова, а про себя отметив, что у всех здешних людей к Байдикову — даже мёртвому — ироническое отношение, словно он был шутом гороховым.

— Зачем в морг?! — раздражённо притопнул Барков, будто Савин знал, что Байдикова закопали в норе, а сейчас притворялся, что не ведаёт этого. — Там же, в лесу, и похоронили. Хотя я раньше ушёл, и они, наверное, всё без меня сделали.

— Постой, постой, — не понял Савин. — Кто это «они»?

— Разве непонятно? Петухов с участковым. Петухову не захотелось возиться с отшельником и хоронить по-человечески, вот он и подговорил милицейского, чтобы без лишних для себя хлопот обстрипать это дельце.

— Ты знаешь, чем это пахнет?! Это, друг мой, пахнет дискредитацией, и это серьёзно... Где сейчас Петухов?

— Откуда мне знать, чем пахнет этот Петухов и где он... Должно быть, к себе в слободу отправился... Ну, ладно, — виновато замылся Барков, — я пойду...

Он растворился в темноте, а Савин стоял перед крыльцом как оглушённый. Еле дождался Савин утра, а как рассвело, — скорее в Пронск. Сразу на квартиру Скубиса. Директор спал, а когда проснулся и, заспанный, появился в двери, то удивлённо и насторожённо спросил:

— Что случилось?!

Ян Вильгельмович долго не мог понять сбивчивый рассказ, а как понял, то по-дружески похлопал его по плечу:

— Не переживай. Не всякое страдание оправданно. Похороним слесаря как полагается, так что совесть твоя останется чистой, а заодно и наша просветлится.

— Но ведь варварство должно быть наказуемо! Я не понимаю, как такой бездушный человек, как Петухов, может руководить людьми?! Он же своими действиями дискредитирует Советскую власть!

— Ну, допустим, не твой Петухов руководит людьми, а партия. А насчёт дискредитации ты

правильно говоришь. Этот вопрос мы не оставим без внимания — поставим райком в известность. Есть ещё вопросы?

— Главный решён... Остальные решаются в процессе, — с облегчением в голосе ответил Савин.

Все вопросы, связанные с Байдиковым, решились по пути на завод. А когда пришли, Скубис распорядился послать рабочих рыть могилу, сколотить гроб и привезти Байдикова из леса. Нашли и сопровождающего, когда Скубис позвонил начальнику милиции, объяснил ситуацию и посоветовал:

— Я, будь на твоём месте, приказал бы участковому на себе притащить мертвеца в Пронск!

Поговорив с главным районным милиционером, Скубис дал Савину лист бумаги и твёрдо сказал:

— Пиши!

— Что? — не понял Дмитрий Иванович.

— Тебе, как вновь избранному секретарю заводской парторганизации, лучше знать! Твоя личная причастность к Байдикову обязывает проинформировать райком партии о поведении Петухова!

— Это же донос!

— Считаю как хочешь, но в принципиальных делах необходимо сохранять твёрдость и не поддаваться уступничеству. Иначе нам, как партийцам, грош цена!

— Можно изложить своими словами? — после неловкой паузы чуть насмешливо спросил Савин, не ожидавший от директора такой резкости.

— Своими, своими... Я пока по цехам пройду, чтобы не мешать...

Савин тем не менее не стал писать на него в райком, решил поступить достойнее: самому пойти и всё рассказать секретарю по идеологии с глазу на глаз.

В райкоме, не сразу отыскав нужного секретаря, Савин объяснил суть визита, постарался, чтобы сообщение не стало наушничеством, а было понято с правильных партийных позиций. Впрочем, как показалось Дмитрию Ивановичу, районный идеолог слушал невнимательно, с гримасой раздражения на лице, постоянно доставал из нагрудного кармана кителя роговую расчёску и, вроде бы незаметно

для посетителя, расчёсывал волнистые чёрные волосы, кое-где побитые ранней сединой. Правда, ни разу не перебил. Только когда Савин замолчал, он мрачно сказал:

— Ваши слова к делу не пришьёшь. Попрошу вышесказанное изложить в письменной форме.

— Я не хотел бы, чтобы мой визит был официальным... — попытался возразить Дмитрий Иванович, но тот, сильно картавя, повторил:

— Попрошу изложить в письменной форме! Бумагу возьмите у моего секретаря!

Вернувшись на завод, Савин увидел у проходной заводскую лошадь и нескольких хмурых мужиков около телеги. На ней что-то лежало, накрытое брезентом. Дмитрий Иванович приподнял брезент и увидел до несуразности распухшее лицо Степана Васильевича. Сделалось нечем дышать...

Похоронили Байдикова без речей, без бабьих причитаний. Савину показалось, что всем сделалось стыдно и каждый, кто участвовал в похоронах, нёс часть общей вины, и поэтому было не до разговоров и обсуждений причины гибели — все всё знали. Поминок, конечно, никаких не организовывалось. После похорон все разошлись по рабочим местам, а Скубис, увидев возвращающегося Савина, позвал его к себе.

— Ты чего там намудрил-то? — спросил он, захлопнув дверь кабинета.

— Где «там»?! — не понял Дмитрий Иванович.

— В райкоме... Где же ещё! Сейчас звонил Несвицкий — тобой интересовался... Что ты ему наговорил?

— Ничего особенного... Заявление оставил...

— Мне, значит, не доверяешь?! К идеологу побежал! погоди, этот Несвицкий намажет тебе скипидаром кое-какие места. Пожалеешь, что побывал у него!

На Савина вдруг навалилось упрямство:

— Жалей не жалей, а дело сделано. Я поступил по совести и раскаиваться ни в чём не желаю и слова свои назад не возьму, а уж кто и как воспримет их — это меня совершенно не интересует.

— А зря! Если бы всё так легко и просто получилось, тогда и заботы никакой. А то ведь не-

которые люди могут из ничего такое раздуть... Тем более Несвицкий! Ты его плохо знаешь, а я хорошо помню, как он стал идеологом. Ведь до этой должности он в райфо сидел, на счётах стучал, потом его на курсы послали... Вернулся — стал уполномоченным, потом инструктором, потом секретарём по идеологии! И всё за один год. Не каждый так сумеет. А его словно кто-то за руку тянет. Такого человека остерегаться надо, а ты с плеча рубишь... Всё это тебе по-дружески говорю.

НОЧНОЙ ПОБЕГ САВИНА

Смотр художественной самодеятельности намечали провести накануне 29-й годовщины Октября. В запасе был месяц — срок достаточный, чтобы цеховые коллективы смогли отрепетировать свои программы. Для Савина не составляло особенного труда контролировать их подготовку, тем более что в деле проверки большую рьяность проявлял уполномоченный районного отдела культуры — молодой прыщавый мальчик, недавно окончивший училище. Наверное, чтобы казаться старше, он, обращаясь к Дмитрию Ивановичу, называл его строго по фамилии.

— В программе некоторых цехов, товарищ Савин, совсем нет материала о текущем моменте! — важно и официально сказал он как-то, побывав на репетиции в заводском клубе. — Это непростительное упущение необходимо исправить в двухдневный срок!

Дмитрий Иванович сделал вид, что тотчас готов исполнить замечание, а сам в душе посмеялся над рьяным работником. Правда, раздавая на следующий день предложенные уполномоченным тексты по цехам, он всякий раз напоминал, что это не его собственная прихоть, а указание из райотдела.

Плохо ли, хорошо ли, а месяц подготовки пролетел незаметно, и в конце его, когда Савин подробно знал программы всех цехов, ему уже стало безразлично, как пройдёт смотр, как выступит сводный хор, выступлением которого откроется и закроется важное мероприятие. За время общения с самодеятельными плясунами и певцами Дмитрий Иванович

привык к ним, многое знал о них, многие ему были симпатичны, и многим самодеятельность помогала забыть житейские невзгоды.

Районные власти уделяли заводскому смотру особенное значение, потому что завод являлся единственной промышленной организацией района и, естественно, было важно знать, как там обстоят дела. Особенно интересовался Несвицкий. Он зачастил на репетиции, с Савиным был сух, вежлив, будто и не было месяц назад обострений в их недолгом общении. Вместе с ним приходил Скубис. У того на крупном белоглазом лице было написано, что он не имеет глубокого интереса к самодеятельности, да и зачем она, когда в министерстве отчёта о ней не требуют, план не спускают, и вообще смешно, как считал Ян Вильгельмович, веселиться с полупустыми желудками.

Повышенное внимание районного руководства к смотру было приятно Дмитрию Ивановичу. Поначалу казавшаяся пустой, эта затея позволила ему почувствовать себя на особом счету. Хотя никогда прежде он тщеславию не страдал, но теперь оказанное доверие сладко льстило самолюбию, и поэтому хотелось подготовить и провести этот смотр как можно эффективнее. Думая так, он невольно начинал мучить себя вопросами. Эффектнее для кого: для самого себя, для руководства? И когда пытался ответить, то отчётливо понимал, что всем этот смотр виделся по-разному. Будь его воля, он бы вообще не проводил его, потому что смотр выглядел фальшиво, проведением его старались угодить всем.

Выходило, что и Савин старался угодить. И как не мучай себя, не переживай — ничего теперь не изменить. Поэтому он смирился со своей ролью, резонно рассудив, что для него, человека в районе нового, совсем неплохо зарекомендовать себя с наилучшей стороны, а дальше будет видно. В любом случае это не помешает. И он остановил сомнения, правда, поймав себя на противной мыслишке, из которой получалось, что впервые в жизни задумал извлечь для себя какую-то пользу из создавшегося положения, пусть пока и неопределённую.

В день смотра участников самодеятельности

освободили от работы, с утра провели ещё одну репетицию и бесплатно накормили в заводском буфете. Время для выступлений отвели в пересменку, приказом директора укоротив на час первую смену и отодвинув начало второй с таким расчётом, чтобы времени хватило и на доклад Несвицкого.

Несвицкий уложился в полчаса. Закончив читать, он сошёл с трибуны, вернулся на первый ряд, где расположилось городское и заводское начальство, и кивнул Скубису: мол, давай команду. Ян Вильгельмович подал знак Савину, а тот в свою очередь махнул белобрысому пареньку, сидевшему около бечёвки, с помощью которой открывался бархатный тёмно-вишнёвый занавес. Занавес судорожно задёргался, собрался в одну сторону, спрятав в складках паренька. Небольшой, густо набитый зрителями зал неистово зааплодировал хору, пирамидой возвышавшемуся на сцене и состоявшему из двадцати девяти человек; количественный состав соответствовал числу лет Советской власти. Вот перед хором появилась ведущая — школьная учительница пения, — и зал замер, ожидая, что она произнесёт.

— Песня о Сталине! — торжественно объявила учительница и, по-военному — через левое плечо — повернувшись к хору, взмахнула дирижёрской палочкой.

Дмитрий Иванович стоял позади выглядевшего из бархата паренька и ликовал от неожиданного приступа радостного возбуждения, нахлынувшего с первыми аккордами баяна и усилившегося, когда двадцать девять человек на удивление слаженно пропели первую строку. У него аж мурашки побежали по спине. Возвышенное состояние продолжалось до тех пор, когда, вздохнув последний раз, баян замолк, а зал загремел аплодисментами.

— Закрывай! — приказал Дмитрий Иванович пареньку.

Как только занавес закрылся, участники хора заулыбались, зашевелились, мужчины принялись вытирать рукавами рубах вспотевшие лбы. Аплодисменты не утихали, и Савин подал знак хористам, а пареньку скомандовал:

— Открывай!

Хор напряжённо замер, а ведущая, заметно покраснев, неловко поклонилась залу, потом

ещё раз... Мало-помалу аплодисменты утихли, и учительница объявила следующий номер:

— Песня о партии!

Вторую песню исполнили так же дружно, как и первую, но аплодисментов заработали меньше, и учительнице-дирижёру более не пришлось краснеть перед зрителями. После хора, выступление которого Дмитрий Иванович расценил как удачное, готовились выступить чтецы. Когда со сцены унесли скамейки и учительница объявила фамилию чтеца — слесаря ремонтного участка — и он вышел на сцену, стеснительно поёживаясь, то Савин насторожился от неестественной тишины в зале. Ему показалось, что все почему-то перестали дышать. Он покосился в зал и увидел карабкающегося по ступенькам на сцену Скубиса.

— Занавес закройте, идиоты! — зарычал он.

Ничего не понимая, Савин толкнул паренька, и тот торопливо начал перебирать бечёвку, испуганно посмотрев на директора. В это время Скубис дрожащей рукой схватил Дмитрия Ивановича за плечо и отчаянно зашептал, кивнув на портрет Сталина в глубине сцены:

— Вы что делаете?.. Что делаете?

Дмитрий Иванович посмотрел на репродукцию вождя и почувствовал, как ужас парализует тело. Савин не верил своим глазам: портрет висел усатой головой почти вниз... Вот почему несколько секунд назад у всех в зале перехватило дыхание, когда хор ушёл со сцены и перестал загораживать собой поруганный портрет вождя... Скубис в это время захромал к портрету и быстро, но аккуратно снял его со стены.

— Кто вешал портрет?! — злобным шёпотом спросил он у Савина.

— Я вешал... — не сразу ответил тот, будто собственными словами подписывал себе приговор.

— Сейчас же повесь как надо!.. Помоги! — приказал директор слесарю-чтецу, застывшему рядом.

Пока пристраивали портрет, Савин лихорадочно соображал, почему он оказался перекошенным. Ведь портрет вешал собственными руками, вешал правильно — и вдруг такое! Сейчас с портретом управились быстро, Ску-

бис заковылял к выходу со сцены, угрюмо приказав:

— Продолжайте!

Опять раскрыли занавес, чтец замер на краю сцены и начал что-то декламировать, но его никто не слушал. Шокированный несколько минут назад ошеломляющим зрелищем, зал пришёл в себя, и теперь все обсуждали неправдоподобный эпизод, говорили шёпотом, но и от шёпота в зале стоял гул.

Савин в шёлку наблюдал за начальством, стараясь понять их реакцию, но почти все сидели невозмутимо, только Несвицкий о чём-то перешёптывался с начальником милиции. Это перешёптывание не предвещало ничего хорошего. Наблюдая за ними, Дмитрий Иванович был уверен, что после смотра ему придётся объясняться. Если объяснение будет в райотделе, то на него тотчас заведут дело, вызовут и опросят свидетелей — и под суд... От такой перспективы ему сделалось дурно, и он еле успел укрыться в маленькой гримёрной, где по стене сполз на пол. Выступали солисты и танцоры, объявляла номера учительница, парнишка дёргал занавес, а Савин ни на что не реагировал. Причудливые образы заполнили его сознание, он попал в общество людей-призраков и вдруг понял, что весь сегодняшний день — не настоящий день, всё, что сейчас произошло и происходит, — это сон, потому что никто и никогда на его памяти не осмелился наяву надругаться над портретом вождя.

Дмитрий Иванович просветлел головой только к тому моменту, когда Скубис начал вручать грамоты. Он стоял на сцене около накрытого кумачом стола и долго тряс руки подходившим победителям. Савин пытался помочь директору, но тот не обращал на него внимания. Не обратил и тогда, когда объявил смотр закрытым. Дмитрию Ивановичу показалось, что директор вовсе забыл о нём, с необычной поспешностью отправившись провожать районное начальство. Следом за ними и зрители покинули зал, даже мальчишка, закрывавший занавес, и Савин остался один. Он спустился в пустой зал, сел среди голых скамеек, и взгляд его, против воли, вперился в глаза вождю, смотревшие на Савина из глубины затемнённой сцены. Они показались необычно-

венно хитрыми и насмешливыми, они словно говорили: «Теперь я всё знаю о вас, товарищ Савин! Вы скрытый враг народа и ответите за это по всей строгости!»

Голос торопливо заглянувшего в зал заведующего клубом отвлёк Савина от мыслей, заставил вздрогнуть.

— Скубис велел вам явиться к нему! — крикнул заведующий от двери.

Дмитрий Иванович молча поднялся, молча протиснулся мимо гладко причёсанного заведующего, глядевшего испуганно и выжидающе. В этот момент Савину стало уже безразлично, что с ним будет дальше, на него навалилась апатия, и поэтому, наверное, он не постучал, входя к Скубису, и ничего не сказал — застыл как изваяние. Директор сидел за широким столом, нервно копался в стопке бумаг и, казалось, не обращал на него внимания. Наконец нашёл нужную бумагу и взглянул на Савина, вздохнул:

— Не хотел я тебя отпускать, и не отпустил бы, но ты сам во всём виноват... Вот тебе командировочное предписание, держи. Командирую тебя в распоряжение министерства. Завтра же поезжай!

— Завтра праздник! — вырвалось у Савина.

Скубис минуту или две иронически и жалостливо разглядывал его и покачал головой:

— А ты, оказывается, наивный как ребёнок...

— И резко продолжал: — Мне что, доказывать тебе надо, уговаривать, чтобы завтра твоего духа не было в Пронске! Впрочем, — он на мгновение задумался, — если хочешь спастись, надо сегодня, сейчас уехать, не дожидаясь глубокой ночи. Я бы на твоём месте так и сделал. А то, боюсь, что рассвет будешь встречать не в постели, а в месте менее приятном... Думаешь, они простят тебе сегодняшний фокус?!

Савин поначалу слушал директора с раздражением, но чем дольше тот говорил, тем смысл его слов становился всё отчетливее. Ему вспомнились недавние переживания на сцене, взгляд вождя, вспомнилось, с каким подобострастием провожал Скубис начальство... Почему-то некстати вспомнились предвоенные эпизоды, когда его сослуживцы неожиданно не являлись на работу, а работал он тогда в УШОСДОРе по Московской облас-

ти, — организации солидной, государственной важности, где дисциплина была на первом месте. Потом, правда, через какое-то время просачивались слухи о тех сослуживцах, что они, оказывается, вредители и враги народа, и арестованы... Теперь, после слов Яна Вильгельмовича, Савин по-настоящему понял своё незавидное положение. Он тяжело посмотрел на Скубиса и глухо спросил:

— Что я должен делать?

— Немедленно уехать!

Савин помолчал, соглашаясь, а после долгой и мучительной паузы извинительно взглянул на директора:

— Как с семьёй быть? Кому дела сдать?

— Семья не пропадёт... В войну без тебя жили, а сейчас мы поможем. Да и не совсем ведь уезжаешь. Вот съездишь, обоснуешься на моей родине, оглядишься, а потом, если понравится, и семью сможешь забрать. Платят там сейчас хорошо. Думаю, не пропадёшь... А с делами твоими мы тут сами разберёмся!

— Почему вы решили, что меня пошлют в Прибалтику? — спросил Савин, обратившись на «вы», хотя прежде, когда оставался наедине, обращался по-простому на «ты».

— А потому, что сейчас укрепляют и развивают западные районы. Разве непонятно? Так что ты время не трати. Благодарю... — Скубис указал пальцем в потолок и стал говорить тише, — что у меня разрядка под рукой и я тебя законно командую в распоряжение министерства, а так и не знаю, что бы было, хотя можно предвидеть: ничего хорошего... Так что съезди пока к матери, погости у неё, а объективку и прочие документы на тебя перешлём в министерство. Завтра, не дай бог, наши ребята хватятся, а тебя нет в нашем районе. Сразу ко мне: «Где Савин?» А я им в ответ: «Так, мол, и так, согласно разрядке, Савин срочно откомандирован в Москву!» Поскулят они, поскулят и затихнут. Им ведь тоже спокойнее, когда ты не будешь народу глаза мозолить. Нет тебя и нет... Так что желаю удачи! — Скубис поднялся из-за стола, подал руку и шумно вздохнул, словно дал понять, что сил для разговора более не осталось. Прощаясь, Савин хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой и молча вышел из директорского кабинета.

Шагая Пушкинской слободой, Дмитрий Иванович пытался понять, что всё-таки произошло, произошло так непоследовательно, быстро, что у него не хватило времени разобраться в ситуации и обдумать свои действия. Что он сейчас сообщит жене, как объяснит поспешный отъезд, скорее похожий на бегство?! Ведь не скажешь, что всему виной явился неправильно установленный портрет Сталина. Она ведь не поверит, что из-за этого нужно срочно их бросать. Она и ребяташки ждут его возвращения с работы, а он, появившись, тотчас расстанется с ними, толком ничего не объяснив.

В конце концов он решил сказать жене, что посылают его в командировку на месяц-полтора. К Новому году вернётся. «А вдруг в этой Прибалтике действительно понравится, — думал Савин, подходя к дому. — Тогда и семью можно перевезти. Глядишь, и жить станет легче, о куске хлеба голова не будет болеть...»

Встретили его по-праздничному: необыкновенной чистотой в избе, приодетыми ребяташками, да и сама Надёжка улыбалась по-особенному.

— Как смотр прошёл? — спросила она, помогая мужу раздеться.

— Хорошо прошёл — от начальства получил благодарность, — бодро соврал Савин.

— А у нас только что Густя была — в гости приглашала. Она завтра складчину собирает. Пойдём?

Дмитрий Иванович облокотился о стол, тяжело сел, а сказал ещё тяжелее:

— Я бы с удовольствием, да срочно посылают в командировку.

Тревога пробежала по её лицу, но она пока не воспринимала всерьёз слова мужа и поэтому сказала не так, как надо бы сказать, а чуть наигранно:

— Так завтра же всё равно выходной...

— Завтра мне необходимо быть в Москве... Скубис дал час на сборы. Так что пора в Хрущёво собираться...

— Врёшь ведь, — не поверила она. — По тебе вижу, что врёшь!

Он не стал спорить и доказывать, только твёрдо попросил:

— Собери что-нибудь в дорогу... — Чуть по-

думав, добавил: — Что-нибудь из тёплых вещей надо взять — зима на носу.

Его тон сразу подействовал на Надёжку. Радостное выражение исчезло с её лица, она послушно засуежилась, но остановилась, взглядела на мужа, подошла к нему и, обняв, жалобно спросила:

— Бросаете нас?!

— Зачем говоришь чепуху? Разве могу вас бросить, если полгода назад сам пришёл. Разве забыла?

— То было полгода назад... А теперь мы надоели... Скажи правду!

— Ничего не скажу, повторю только, что меня направляют в Прибалтику. Я говорил, что Прибалтика перед войной вновь стала нашей, и теперь там развивают промышленность, в специализациях большая потребность — вот и посылают меня. Немного обживусь и вас к себе возьму.

— Всех возьмёшь?

— Нет. Тебя одну в Князеве оставляю...

Надёжка отпрянула от мужа, отступила на шаг, ещё раз пристально посмотрела в глаза, всё ещё до конца не веря.

— А как же будешь до станции добираться в такую грязь и темень? — испытующе спросила она, проверяя его в надежде, что он проговорится о своём розыгрыше.

— Дойду как-нибудь — невелико расстояние.

После этого ответа она поняла, что муж не шутит, и сразу навалилась забота:

— Ой, подожди, я к Вере сбегаяю. Алексей в последние дни стал приезжать из лесничества на лошади — он тебя отвезёт.

Накинув полушалок, она выскочила из избы, а Дмитрий Иванович устало прикрыл глаза и незаметно наблюдал за ребятами, за таившимися на печке и осторожно выглядывавшими из-за занавески.

— Что прячетесь как мышки? — спросил Савин у ребят. — Идите ко мне.

Бориска с Ниной будто ждали приглашения: тотчас сползли с печки, забрались к отчиму на колени и начали стеснительно переглядываться. Сашка с печки не показывался.

— Слыхали, о чём с мамой говорил? — спросил Савин у младших. — Начальство посылает меня на новую работу в далёкую страну на берегу моря. Народ там говорит не по-нашему.

Там много сосен, песка, а в песке люди находят янтарь.

— Он вкусный? — спросила Нинушка.

— Янтарь не едят, а делают из него украшения. Например, бусы. Вот ты вырастешь большой, станешь невестой, и мы тебе купим бусы. Будешь их носить и радоваться.

— А мне? — скуксился Бориска.

— Ты — мальчик, а мальчики бусы не носят. Все тогда будут над тобой смеяться!

— Не будут...

Дмитрий Иванович улыбнулся:

— Хорошо. Вырастешь большим, и тебе купим бусы. А для того, чтобы побыстрее вырасти, надо слушаться маму и вообще хорошо вести себя. А ты ведь непослушный.

— Я буду слушаться, — поспешно сказал Бориска. Он хотел ещё что-то добавить, но в этот момент, тяжело дыша, вернулась Надёжка.

— Мам, ты слышала, что Бориска обещал слушаться?! — спросил повеселевшим голосом Дмитрий Иванович у жены, а та на его вопрос не обратила внимания.

— А ну-ка, быстро на печку, — турнула она Бориску с Нинушкой. — Не мешайтесь под ногами... А ты, — обратилась она к мужу, — садись за стол — поешь на дорогу, а то Алексей сейчас подъедет. Лошадь только запряжёт.

Надёжка загремела в кухне заслонкой, громыхнула чепельником и достала из печи сковородку тушёной картошки, поставила на стол. Ребята хотели вернуться к столу, но она не пустила их. Дмитрий Иванович взял вилку, чуток поковырялся в сковородке и позвал:

— Садитесь все. Вместе поужинаем.

Младшие быстренько спустились с печки, следом за ними нехотя подошёл к столу Сашка. На отчима он не смотрел, а когда Бориска начал вертеться — дал ему подзатыльник. Бориска сразу успокоился, почувствовав силу, и от сковороды более не отвлекался.

Вскоре и Алексей ввалился в избу. Он был закутан в военную плащ-палатку, палатка была волглая, с тёмными пятнами от дождя.

— ...Д-дать, я готов, — натужно выдохнул Алексей. — Здрати, кого не видел.

— Очень хорошо, Алексей Семёнович, — протягивая руку для пожатия, сказал Савин. — Сейчас выезжаем.

Ребята сразу застыли, не зная, что делать, а у Надёжки мелькнули слёзы.

— Успокойся, Надюша, всё будет прекрасно. Как прибуду на место — обязательно напишу... Собрала чемодан? Вот и хорошо, вот и хорошо, — немного растерянно говорил Савин, надевая пальто, и не мог заставить себя взглянуть на жену. Только перед дверью обнял её, поцеловал и заботливо сказал: — Береги себя!

В сени вышли гуськом. На крыльце Дмитрий Иванович задержался, поцеловал жену ещё раз и, чтобы не терзать душу, поспешил к повозке. Надёжка сразу слилась с темнотой, только контуры избы немного выделялись в народившемся за последний час тумане, а когда Алексей понукал лошадей и повозка глухо покатила по сырой луговине, то и сарай пропал в тумане, и изба пропала, и вся усадьба.

За селом туман сгустился, Алексей молчал, всматриваясь в дорогу, а Савин от одиночества и тоскливых мыслей задремал, и ему начало казаться, что кто-то преследует их. Когда Дмитрий Иванович открывал глаза — преследователь пропадал, но едва начинал дремать, преследователь опять появлялся; Савину даже казалось, что он слышит, как чавкает грязь под его грузными ногами. От пугающего видения на душе делалось беспокойно, жутко. Савин косился на молчашего Алексея, закутавшегося от сырости в плащ-палатку, на едва выделяющуюся дугу над лошадиными ушами и на малое время отвлекался, забывал о видении и пытался угадать, что ждёт в ближайшие дни, выстраивал план действий, хотя и понимал, что, как думает, никогда не сбудется, а жизнь всё устроит по-своему.

В Больших Полянах, свернув налево, они изменили маршрут, потому что к этому времени Савин окончательно всё просчитал и всерьёз предполагал, что в Хрущёве его могут ждать. Чтобы сбить с толку возможных встречающих и не даваться им в руки, он на всякий случай решил ехать до села Старожилово.

Алексею объяснил просто:

— Там поезда чаще останавливаются.

Поверил тот или нет — Савина не волновало, а заботило теперь лишь одно: незаметно сесть в поезд! Миновав Старожилово и добравшись до станции, они остановились в отдалении.

Дмитрий Иванович попросился с Алексеем, пожал ему холодную руку, а через пять минут осторожно заглянул в помещение станции, купил в кассе билет на ближайший поезд, но в зале ожидания не остался, а ушёл в самый конец безлюдного чёрного перрона.

НЕВОЛЬНЫЙ ПЕРЕЕЗД

Первое письмо Надёжка получила через месяц.

Второе — спустя полтора года: увидела под дверью, когда вечером возвращалась с огорода.

Она докопала землю под картошку — это радовало — и спешила в избу, где дочь укачивала младшего братишку, плохо засыпавшего в последнее время. Увидев письмо — вздрогнула и не сразу поняла, кто такой Савин Д. И.? Но, вскрыв конверт и вчитавшись в строчки, то ропливо написанные размашистым почерком, вспомнила второго мужа, Митю, и само собой заколотилось сердце. От радости строчки прыгали перед глазами, она вчитывалась в крупные буквы и ничего не понимала, только последние слова, оказавшиеся почему-то мельче остальных, резанули сознание: «От сына не отказываюсь, а, как и полагается по закону, обязуюсь регулярно высылать на его содержание алименты...» Когда читала письмо во второй раз, то строчки слились от неожиданно набежавших слёз. «Грамотный... — подумала Надёжка. — Как пишет-то складно: «Считаю своим долгом сообщить, что я встретил и полюбил другую женщину и ты вправе считать себя свободной». Конечно, зачем ему малограмотная деревенская баба с четырьмя детьми. Разве я пара?!»

Надёжку не очень-то обидело, что муж сошёлся с другой. Бог с ним. Убивало другое: зачем столько времени обманывал, почему не мог сразу всё объяснить? Уж как-нибудь поняла. А то деньжонок на сына пришлёт, а десяток слов написать не соизволит — рука, наверное, отсохнет. Ещё, правда, две посылки присылал: манку и песок. Нет бы по отдельности положить, нет — нарочно перемешивал, чтобы чужие дети сахар не потаскали... Надёжка отв-

леклась от мыслей, когда заворочался Володька. Она подошла к нему, у спящего поменяла подгузник, переложила на другой бок, тихо сказала:

— Спи, мой хороший, спи... Отец-то письмо прислал. Пишет, что никогда не забудет тебя, а ты посапываешь и знать ничего не знаешь.

Вскоре вернулись Сашка с Бориской. Они тихо прошмыгнули в избу — и сразу в кухню: начали греть посуду; позже прибежала Нинушка.

— Мойте руки и за стол садитесь. Сейчас вам супу налью! — Она окликнула сыновей и убрала письмо, чтобы они не видели. — Без забелки сегодня обойдётесь. Вам было некогда в тётке Вере за молоком сбежать, а я огород копала. Так что впредь выбирайте: или суп с молоком хлебать, или до темноты в лапту играть!

Бориску упрашивать не пришлось, да и Сашка только для виду покривился, а миску опорожнил даже быстрее брата. Надёжка тоже села за стол, но есть совсем не хотелось. Она по-прежнему думала о письме, о муже, пыталась представить, какая она, та женщина, оказавшаяся для него слаще... Немного перекусив и убрав посуду, она легла спать и, закрывшись подушкой, вволю нарвелась; останавливать себя не хотела, потому что вместе со слезами выходила обида, на душе делалось легче. Когда проснулась, показалось, что совсем не спала. Нехотя и тяжело поднялась, оделась и опять прилегла. Лежала с закрытыми глазами до тех пор, пока не услышала рёв выгоняемой на пастбище скотины. Пошла выгонять овцу. Едва открыла двор, овца, как ужаленная, выскочила из катуха, а следом за ней, торопливо переступая прямыми ножками, засеменили, подпрыгивая, два ягнёнка.

— Кре, кре, — замахнулась Надёжка на овцу, жадно смотревшую на хозяйку в ожидании подачки. — Потравы на тебя нету.

Овца испуганно шархнула и смешалась с соседской скотиной, подгоняемой к выгону. Надёжка дальше не пошла, вернулась и закрыла ворота. Около дома приостановилась, надеясь увидеть сестру, но Веру не дождалась — скотину выгонял Алексей — и решила, что это и к лучшему. Потому что скажи сестре о Дмитрии Ивановиче, как она сразу встанет в дыбки:

мошенник — и всё тут! И разговора никакого.

Решила сходить к Густе — с ней поделиться новостями и посоветоваться, а прежде зашла в дом, проверила ребят: спят ли? А как убедилась, то быстрее на Большой порядок, пока Густя на пасеку не ушла, где стала работать после войны, когда в колхозе завели пчёл. Оказалось, Густя нежилась в постели. «Вот копуша!» — раздосадовалась Надёжка от нетерпения; ей хотелось скорее поделиться неожиданным пришедшей мыслью, а Густя, как назло, долго не открывала. Мысль была такой захватывающей, что Надёжка пока сама в неё не верила, даже пугалась. Поэтому, наверное, не сумев скрыть чувств, испугала и Густю, когда сказала ей в сенях, полусонной:

— Сестричка моя дорогая, уезжаю я нынче. Письмо от муженька пришло!

— Что случилось-то?! — заморгала широкая, приземистая двоюродная сестра.

— Говорю же — письмо пришло...

Густя с ещё большим удивлением и испугом посмотрела на Надёжку:

— Что случилось-то, спрашиваю?!

— Письмо пришло от Мити, разве непонятно? Вот собралась съездить к нему — Володьку показать, — растолковывала Надёжка, готовая заплакать от Густиней недогадливости. — Поэтому и прибежала попросить приглядеть за ребятами. Веру уж не стала тормозить, сама знаешь, как она относится к Дмитрию Ивановичу, — не отпустит к нему. Пришла тебе поклониться...

— Что случилось-то?

Надёжка горько рассмеялась:

— Бросил он меня — вот что... Пишет, чтобы не ждала — разводилась... Поэтому и решила съездить к нему с Володькой.

— А вдруг он с другой живёт? — осторожно спросила Густя.

— Ну и пусть... Я ему тогда сына отдам — пускай вдвоём воспитывают. Ему был нужен ребёнок, а не мне. Все уши прожужжал, когда расписались, а потом в кусты. Мне и троих хватит куда с добром!

Надёжка старалась говорить бодро, независимо, будто ничего и не произошло, но всё-таки не сдержалась: заморгала и уткнулась в рукав.

— Ну, хватит, хватит реветь! Езжай, раз уж собралась, а за ребятами посмотрю — не переживай! Они уж большие у тебя!

В то же утро, собрав Володьку, она на попутке добралась до станции Хрущёво. В поезд Надежка попала через два часа, к вечеру добралась до Любы, переночевала у ней, а утром Николай проводил Надежку до Белорусского вокзала.

Вильнюс показался небольшим — с Москвой никакого сравнения, хотя она особенно и не смотрела по сторонам. По-настоящему запомнились только памятник Сталину на привокзальной площади и большая цветочная клумба... В поезде Надежка познакомилась с попутчиками — офицером с женой, и они подвезли Надежку до места.

— Вот вы, Надежда, кажется, и добрались! — подсказал военный и указал на приземистый длинный дом, похожий на барак, и помог выбрать сумку. Надежка поблагодарила и сразу забыла обо всём на свете. Только приземистый дом перед глазами и бьющееся — не унять — сердце в груди. На ослабевших вдруг ногах она подошла к дому поближе и увидела женщину, вытрясавшую покрывало: красные узоры по белому полю... Узоры показались такими знакомыми, что, вместо того чтобы узнать что-нибудь о муже, Надежка спросила у женщины:

— Где же вы такое покрывало взяли?

Курносая невысокая женщина удивлённо посмотрела на Надежку и немного грубовато отчеканила:

— С родины привезла. Из Скопина! Наверное, такого города сроду не слышали!

— Милка моя, родная, — запричитала задрожавшим от радости голосом Надежка, — как же я не знаю Скопина, если сама я из-под Пронска!

— Правда, что ли?! — недоверчиво улыбнулась женщина.

— Вот те крест.

— Два года здесь живу, а землячку впервые встретила! Как же зовут тебя?

— Надеждой.

— А я — Ангелина... Какая нужда пригнала сюда? Неужели в наших краях совсем плохо стало?!

— К мужу я приехала... Проведать...

— К му-жу?! Кто это тут у нас такой ловкий выискался? Как фамилия?

— Савин.

— Иваныч, что ли?! — удивлённо заморгала Ангелина, и весёлое удивление пропало на её курносом лице: — Ты, видно, знать ничего не знаешь...

— Знаю — письмо недавно прислал... Где он живёт-то?

— Вот здесь, — кивнула Ангелина на дом. — Пойти, что ли, позвать?

— Я сама...

— Не ходи — он не один, — опять повеселела Ангелина и всё-таки пошла в дом, приговаривая на ходу: — Вот так Иваныч, вот так старый большевик!

От неожиданной встречи Надежке стало не по себе: сделалось обидно, стыдно — не знала, куда деться, и была готова провалиться на месте, особенно когда услышала задорный и насмешливый голос землячки, долетевший из коридора:

— Иваныч, вставай! Хватит нежиться — к тебе гости!

Ангелина вернулась, для вида встряхнула покрывало и собралась назад, да осталась:

— А чей же это такой красивенький мальчик? — и хотела потрепать Володьку за руку.

— Наш... — гордо отстранилась Надежка и пожалела, ругая себя, что связалась с этой Ангелиной.

Володька заплакал, и, успокаивая его, она не заметила, как появился Дмитрий Иванович, только почувствовала его взгляд... А когда посмотрела на него, то дух перехватило и все слова пропали. Ангелина, подхватив покрывало, ушла, а они стояли и смотрели один на другого, и было заметно, что Дмитрий Иванович внимательнее смотрит на Володьку, чем на жену.

Эта короткая сцена продолжалась, казалось, вечность, прежде чем он коротко и сухо сказал:

— Пойдёмте в комнату.

— Пусть сначала она уйдёт... — еле слышно сказала Надежка, не глядя на мужа, готовая разрыдаться.

Он задумался и согласился:

— Хорошо, подожди здесь.

Дмитрий Иванович скрылся за дверью, а Надёжка присела на скамейку, чтобы не мозолить людям глаза, и потихоньку наблюдала, что происходит вокруг; ей казалось, что ещё немножко — и вся улица соберётся поглазеть на неё, подивиться... Правда, те люди, какие выходили из дома, на неё мало обращали внимания, но как только из дверей вышла она — в Надёжке всё заклокотало... Еле-еле сдержалась, чтобы не броситься на соперницу и не выдрать её растрёпанные рыжие волосы. В том, что она действительно увидела ненавистную соперницу, — Надёжка не сомневалась, потому что только она одна из всех прошедших мимо людей задержалась, задержалась ровно настолько, чтобы открыто усмехнуться и успеть показать своё презрение. «Ползи, змея, — ни дна тебе, ни покрывки!» — подумала Надёжка и отвернулась, сделала вид, что ничего не заметила и не поняла.

Как только ненавистная рыжуха скрылась за домом, из дверей выглянул Дмитрий Иванович.

— Заходи, Надюша! — пригласил он и немного отступил в сторону.

Она заметила, что муж очень хотел взять на руки насупленного Володьку, но сделать это не осмелился и лишь помог нести сумку. По длинному коридору шли молча. Молча же Савин пропустил жену в комнату, усадил на стул и, взяв латунный закопчённый чайник и попросив извинения, отправился за водой. Пока ходил, она успела оглядеть комнату и заметила в ней только кровать, щелястый стол и несколько стульев с наваленной на них одеждой... Дмитрий Иванович, как показалось, не появлялся очень долго — она успела переодеть сына, — а когда пришёл с парящим чайником, то заговорил не сразу, а сначала поставил на стол чашки, сахарницу, хлеб. Из кастрюльки с водой, стоявшей на полу, выловил кусок масла и положил на тарелку. Перед тем как всем сесть за стол, сказал:

— Пойдём, покажу, где можно руки помыть.

Она молча послушалась, взяла с собой Володьку, а когда вернулась — чашки уж были с чаем, а на тарелке лежали бутерброды.

— Садитесь — будем завтракать, — пригласил Дмитрий Иванович.

За это непродолжительное время Надёжка успела заметить, как муж часто поглядывал на Володьку, и, когда сели за стол, она сказала чуть насмешливо:

— Чего же сына-то на руки не возьмёшь?!

Он пугливо посмотрел на неё, словно не верил словам, а она подала сына, сказав Володьке как большому:

— Иди, мой хороший, к папке.

Дмитрий Иванович взял сына осторожно, как стеклянную игрушку, долго, улыбаясь, рассматривал его, прыгавшего на коленях. Сын на удивление спокойно отнёсся к незнакомому человеку, даже не испугался, когда тот неожиданно прижал его к себе и, почти без слёз, глухо затрясся в плаче, хотя со стороны могло показаться, что он смеётся.

— Мить, успокойся, не пугай ребёнка.

Савин ничего не ответил, только сильнее согнулся и тяжело-тяжело вздохнул.

— Как вы, отчаянные головы, сумели найти-то меня?! — спросил он, чуть успокоившись, и впервые долго и пристально посмотрел на жену.

— Долго ли нам?! — улыбнулась Надёжка. — В одном месте спросили, в другом. Потом Люба с Николаем помогли... Ты-то как тут?

— Работаю, фабрику расширяем — ничего особенного... — Дмитрий Иванович умоляюще посмотрел на жену, словно заранее просил, чтобы она не сердилась. — Надюша, извини, но мне надо показаться на работе и отпроситься, — ты ведь знаешь, как сейчас строго с дисциплиной, особенно здесь, в Литве!

Не хотела она отпускать его, пусть и на работу. Ей казалось, что он намеренно придумал отговорку, чтобы увидеть свою рыжую, переговорить с ней, а потом оставить её, Надёжку, в дураках... Вслух же, пересилив себя, ничем не выдала ревности:

— Иди, раз надо... За опоздание начальство по головке не погладит.

Савин действительно спешил на работу, чтобы написать заявление на выходной, а самое сейчас главное, — прийти в себя от неожиданного приезда жены, обдумать собственное поведение и попытаться объяснить Виктории, чтобы она правильно поняла его и ни в чём

потом не упрекала. Виктория вышла не сразу, а только после того, как он сам заглянул в бухгалтерию. В коридоре она, раскрасневшаяся, показалась ещё рыжей, а глаза из зелёных превратились в чёрные. Эти перемены ей очень шли, и сейчас Савин лишней раз убедился, что она необыкновенно красивая. За последний год, с тех пор как они познакомились, Виктория всё хорошела, всё смелее возвращалась к жизни, забывая военные годы, отобравшие у неё мужа и сына: муж погиб под Белгородом в сорок третьем, а малолетний сын умер от скарлатины в эвакуации. После войны в свои тридцать два года она считала себя потерянной для жизни, не жила, а существовала, не видя ни в чём смысла. Поэтому, наверное, и в Литву приехала, чтобы хоть как-то растормошить душу, попробовать жить по-новому. Правда, оказалось, что одного желания мало. Кое-кто, конечно, ухаживал за ней, но к ухажёрам, которые спешили тянуть в постель, в ней сразу рождалось отвращение. Так прошёл год, пока среди пёстрога фабричного люда она не выделила Дмитрия Ивановича. Присмотрела его сразу, как только он появился, и почему-то сразу родилось к нему материнское чувство жалости, хотя по возрасту он вполне годился бы ей в отцы. Первое время над ними посмеивались, учитывая большую разницу в возрасте, а потом привыкли и не представляли, чтобы Иваныч из конструкторского бюро и Виктория из бухгалтерии шли порознь.

И вот она опять рядом, а он не знает, как избавить её от унижения, в которое невольно вверг. Ведь если бы ещё недавно кто-нибудь сказал, что его жена-колхозница отважится приехать за тысячу километров из своего Князева, то он не поверил бы, что она способна на такое. Но теперь, после первых минут растерянности, нужно было изменить ситуацию, попытаться как-то объяснить Виктории приезд жены, хотя прежде он ничего не скрывал, она знала, что он женат, знала даже о его крохотном сыне. (Сам он узнал о Володьке из письма Веры, которая проклинала его и велела забыть сестру.)

— Вика, мне тяжело говорить, — вздохнул он после неуютного молчания, — но ты должна понять без лишних слов.

— Иваныч, понимаю, — чуть насмешливо, но с внутренней обидой в голосе сказала Виктория, сделав ударение на слове «Иваныч». — У меня нет к тебе претензий, потому что этого приезда следовало ожидать. Это не твоя вина, а моя беда. И не оправдывайся. На месте твоей жены я поступила бы так же. Иди к ним — ты ведь так мечтал увидеть сына. Теперь дождался — ты счастливый человек. И я не стану вам мешать. Прощай!

Три дня Надёжка прожила у мужа, и три дня не могла наговориться. Всё вроде бы решило, обо всём договорились, а она нет-нет да спросит о чём-нибудь, уточнит, хотя не раз и не два говорил Савин жене, что раньше осени в Пронск ему не выбраться, а если и приедет, то на немного: зачем напоминать о себе тамошнему начальству и испытывать судьбу?! Она, правда, сказала, что до осени далеко и могла бы ещё разок приехать, но он и слушать не захотел.

— Разве мы можем рисковать нашим Вовуськой, — вздохнул, пестая на руках сынишку, и рассказал, как две недели назад лесные «братья» повесили на пионерском галстуке русского мальчика.

Переночевав на обратном пути у Любы, на следующий день она добралась до Князева и начала жить ожиданием.

...Она шелушила орехи, когда — словно кто кольнул — подняла глаза и увидела шагнувшего вдоль порядка Дмитрия Ивановича в неизменной гимнастёрке и чёрных галифе... И сразу в краску бросило, и руки отнялись от неожиданности. А он подходил всё ближе и улыбался, улыбался... Она сразу всё простила, позабыла все огорчения и, не помня себя от радости, кинулась к нему. Он остановился перед ней, опустил сумку и обнял, туго прижал к себе, и какое-то время оба стояли, не в силах вымолвить ни единого слова. Он первым пришёл в себя и, освободив её, необыкновенно ласково, как ей показалось, сказал:

— Пошли, Надюша!

Дома всё объяснил:

— Так уж получилось, что без предупреждения приехал... — Немного подумав, добавил: — Я ведь из Вильнюса сначала поехал в Подмосковье, потом у мамы побывал. Зато опреде-

лился с работой, договорился о жилье, да и с матушкой увиделся. Она ведь совсем старенькая у меня, я же говорил... Так что и с ней по-видался, и на работе меня ждут.

— Одного?! — вздохнув, испуганно спросила она.

— Почему же одного?! Вместе поедем, со всеми вещами. За нами машину пришлют!

— И ребята с нами?!

— Конечно... Куда же мы без них.

Надёжка хотела ещё что-то спросить, но не смогла — язык будто отнялся. Она взглянула на притихших Нинушку и Бориску, спросила:

— Слышали, что отец сказал? Скоро в Москву жить поедем!

Дмитрий Иванович улыбнулся, поправил:

— В Подмоскowie... На станцию Белые Столбы... Всё лучше, чем Князево. К тому же, — втолковывал Савин, более обращаясь к жене, — там можно найти работу за деньги.

Несколько дней Дмитрий Иванович пробыл в Князево, а потом вызвал телеграммой машину, они заколотили дом и за полдня доехали до Белых Столбов.

На новом месте Надёжка устроилась на работу, хотя и непривычную. В Князево знала всю колхозную работу, а здесь — лампочки, электричество, которого она пугалась, даже закрывала глаза, шёлкая комнатным включателем. Поэтому вся испереживалась, когда утром, оставив Володьку под присмотр соседки, пошла с мужем устраиваться на работу. Дмитрий Иванович написал за неё заявление, познакомил с бригадиром электриков, а потом сам долго и терпеливо рассказывал, как включается электромотор, как вода бежит по трубам из-под земли, как она заполняет водонапорную башню, а из башни, опять же по трубам, бежит в цеха завода и на поселковые колонки.

— Поняла? — спросил Дмитрий Иванович после объяснений.

— Не-а, — потупила она взгляд.

— Ну ладно, — вздохнул Дмитрий Иванович.

— Тебе это и знать особенно не надо.

Он показал, на какую кнопку надо нажимать, когда загорится лампочка, а на какую — когда вода побежит из тоненькой трубки наверху башни.

— Вот, смотри и запоминай, — нажал он на красную кнопку, когда лампочка загорелась. — Нажала и отпусти, жди, когда лампочка погаснет, а из компенсационной трубки побежит вода.

— Долго ждать?

— Сейчас посмотрим... — Дмитрий Иванович глянул на карманные часы и убрал их. Ждать действительно пришлось недолго. Как только вода побежала с крыши башни, Дмитрий Иванович скомандовал: — Жми на чёрную кнопку!

Надёжка нажала на шёлкнувшую кнопку и сразу вспотела от волнения, а Дмитрий Иванович улыбнулся:

— Видишь — ничего страшного... Вот и вся работа. Сейчас иди домой и посматривай в окошко. Как лампочка загорится — сделай то, чему научил. Поняла?

— Вроде понятно...

— Вот и прекрасно. Со временем сама всё поймёшь окончательно, а сегодня тебя подстрахую.

На работу она устроилась в середине декабря, а в начале января получила первую получку. Пусть и за неполный месяц. Пошла получать зарплату вместе с Дмитрием Ивановичем. Когда он проводил к окошку кассы и посмотрел, как она старательно, прикусив язык, расписывается, то невольно улыбнулся, но ничего, правда, не сказал. А что ей до его улыбки, когда она получила из рук кассирши сто шестьдесят семь рублей и две облигации займа по десять рублей, хотя и растерялась, не зная, что дальше делать. Так и шла, зажав деньги и облигации в руке, до конца коридора заводоуправления, а на улице неожиданно расплакалась, и Дмитрий Иванович не понял её слёз.

— Что случилось, Надюш? — удивился он.

— Ничего не случилось... Просто это мои первые деньги! Ведь никогда и нигде прежде живой копейки не получала!

— А ведь действительно! — вздохнул и улыбнулся Дмитрий Иванович. — Даже не верится! Первую получку надо обмывать!

Они зашли в магазин, закупили конфет, пряников, печенья и после ужина устроили большое чаепитие. Дети, конечно, ничего не понимали, а Надёжке в этот вечер впервые по-настоящему стало радостно в своей четырёх-

надцатиметровой комнате, в обычном станционном посёлке с запоминающимся названием.

Здесь в самом начале февраля она родила своего пятого ребёнка, мальчика. Родила дома, днём, едва соседки успели разобрать ребят по комнатам. Вечером Дмитрий Иванович вернулся с работы, а у него уж второй сын кричит! Через несколько дней при получении метрического свидетельства новорождённого назвали Дмитрием, Димой, но отец называл сына по-старинному — Митей, как когда-то его самого называла мать, вкладывавшая в это слово всю свою любовь и особую трогательную интонацию, по которой в последние годы Савин скучал всё сильнее и сильнее.

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

До осени 1954 года Савины жили на подмосковной станции Белые Столбы Павелецкого направления. Дмитрий Иванович работал старшим механиком на кирпичном заводе, а Надёжка дежурной водокачки. Годы станционной жизни окончательно отдалили прошлое, и давнишняя жизнь вспоминалась Надёжке сплошным пугливым сном, но снилось почему-то только хорошее, хотя его так мало было в прежней жизни. Не хватало и сейчас, особенно последние полгода, когда муж вышел на пенсию. Он хотя и считался персональным пенсионером местного значения, но с его шестьюстами рублями не особенно разгуляешься, если сама она зарабатывала едва четыреста. Как хочешь, так и корми семью на тысячу. А ведь ещё надо обуться и одеться.

Эти полгода Дмитрий Иванович корпел над чертежами будущего собственного дома и часто советовался с женой, спрашивая, в каком бы она хотела жить: с мансардой или без? Надёжку пустые мечтания только злили, хотя она всякий раз отшучивалась, а когда он уж совсем допекал несбыточными проектами, то, не сдерживаясь, резко напоминала о заброшенном доме. Ей казалось, что теперь, когда не стало Сталина, можно безбоязненно вернуться в Пронск, а не ютиться в казённом бараке.

Но она думала так, а муж по-иному.

Он давно мечтал переехать в родной Алек-

син, чтобы быть вместе с матерью. Ведь за девяносто перевалило старушке, письма такие жалобные пишет! Была и ещё одна забота: Володьку надо к сентябрю в школу определять. А через год-другой и младший подрастёт. Очень хотелось Дмитрию Ивановичу, чтобы его дети учились в Алексине, а не в шпанистых Белых Столбах и не в Князеве, где на всю школу две учительницы, а с пятого класса надо ходить в Пронскую школу за пять километров.

Как ни сопротивлялась Надёжка, как ни приводила разные доводы в свою пользу — ничто не помогло. Она всё-таки сдалась, и более из-за женского самолюбия. Теперь из-за него хотелось без сожаления бросить более или менее обжитое место и уехать куда глаза глядят. А виной всему была Жанна Моисеевна, работавшая поваром в какой-то московской столовой. Когда и где Митя с ней познакомился — Надёжка не знала. Зато знала, что он постоянно похаживает к ней, жившей за линией в собственном доме, и сколько ни пыталась выследить его — ни разу не удавалось. Первое время злилась, выходила из себя от обиды, а когда муж отравился у полюбовницы, наевшись чего-то на дармовшинку, то она даже радовалась: «Покарал Господь!» Правда, в михневскую больницу исправно ездила каждый день. А после выписки у него совесть заговорила — перестал навещать за линией, а Надёжка теперь подтрунивала, когда он стал есть за двоих, оставшись без подкормки: «Вот как в больнице отощал — никак не отъешься!» Он, конечно, понимал её намёки, но не обижался и не отказывался — посмеивался только, не желая обострять отношений накануне отъезда. И когда окончательно решили перебраться в Алексин, она, помня обиду, подсолённую непроходящей ревностью, всё-таки не сдержалась, уколола:

— На кого же свою толстозадую Моисеевну оставишь?!

— Найдётся какой-нибудь Абрам, — рассмеялся Дмитрий Иванович, несколько не обидевшись на жену, хотя и удивился её злопамятству, никогда прежде не замечаемому.

После этого разговора об отъезде говорили как о решённом деле. Надёжке осталось уволиться с работы, ему перевести пенсию да за-

казать грузовик. Когда всё подготовили и собрались, то за неделю до начала учебного года тронулись в путь.

Алексин показался неожиданно, когда дорога вывела из леса. Впереди возникли церковный купол без креста и приземистые дома окраины, с яблонями в палисадниках. Пологая центральная улица привела к мосту через заросший порыжевшей бузиной овраг, за которым начиналась другая улица, проехав по ней немного и свернув направо, машина по приказу Дмитрия Ивановича, подсказывавшего шофёру путь, остановилась.

— Вот и приехали! — громко и радостно сказал Савин и, как молодой, легко скользнув из кузова, стал помогать детям. Выбрались из кабины и Надёжка с Димкой, нерешительно замерли у машины.

— А где бабушка? — спросил Димка у отца.

— Пойдёмте! — сказал тот и первым шагнул к дому, потому что тоже спешил увидеть мать. А когда столкнулся с ней на крыльце — худенькой и седоволосой, — то нежно поцеловал и вздохнул: — Вот, мам, мы и приехали!

— Вижу, вижу — проходите, — испытующе разглядывая через очки Надёжку, пригласила она и обратилась к снохе: — Меня зовут Глафира Петровна, а как вас, уважаемая?

— Надёжкой...

Глафира Петровна удивлённо посмотрела на сноху и переспросила:

— Надей, наверное?! Так, по крайней мере, Митя в письме писал. Или я ошибаюсь?

— Мама, всё правильно: и так можно, и так... Кому как нравится, — попытался разъяснить Савин.

Пока он разбирался с вещами, а Надёжка умывала младших, старшие дети изучали дом, из любопытства заглядывая во все углы, постепенно осваиваясь. Невольно Дмитрий Иванович пустился в объяснения, рассказывая Нинушке и Бориске, что этот дом построил его отец перед Первой мировой войной из списанной баржи. Состоял дом из двух половин, но в последнюю войну немецкой бомбой повредило одну половину и пришлось его переделать, немного уменьшив.

Заранее предупреждённая письмом, Глафира Петровна наварила большую кастрюлю

шей, нажарила картошки. Сама она ела мало, а лишь рассматривала через двое очков, постоянно их поправляя, внуков, сноху и сына. Когда зашёл разговор о Володьке, то стали думать, в какую школу его определять: в первую, которая ближе к дому, или во вторую, где работала знакомая учительница Глафиры Петровны.

— Мне не придётся потом краснеть за тебя? — спросила бабушка у стеснительно уставившегося в тарелку Володьки.

— А что ему краснеть, если он всю азбуку знает и считает до ста! — гордо ответила Надёжка за сына, а Володька поправил её, не поднимая по-прежнему глаз:

— До тысячи.

— А ещё он стихи знает! — осмелела Нина, глядя на мать.

— Какой же стишок ты нам расскажешь? — спросила Глафира Петровна у внука.

Вовка покосился на мать, словно спрашивал у неё разрешения, но задумался, не зная, на каком остановиться.

— Про петуха расскажи... — шепнул сидевший рядом Бориска.

Вовка немного подумал, глубоко вздохнул и затараторил:

Я иду по улице —

Петух сидит на курице...

«Что ты делаешь, пралик?» —

«Пришиваю воротник!»

Вовка гордо оглядел притихшую мать, потупившуюся сестру, улыбающихся Бориску и отца... На бабушку посмотреть у него уж не хватило сил, потому что понял, что зря послушался Бориску и рассказал совсем не то, что хотел.

После долгой-предолгой паузы, такой долгой, что даже Бориска перестал ухмыляться, Глафира Петровна из-за двух очков посмотрела на съёжившегося Вовку, потом на его отца и испуганно прихлопнула руками:

— Митя, Митя-я — это не твой ребёнок! Не могу поверить, что ты мог так воспитать его!

— Мам, и сам не знаю, где он этому научился.

— Плохо, если не знаешь! Обязан знать! И, пожалуйста, не улыбайся. Ничего смешного не вижу!

— Он так более не будет! Правда, сын? — спросил Савин у Вовки, не очень-то сердясь на него.

А тот сидел красный от смущения, хотя совсем не понимал, почему бабушка ругается, но догадывался, что сделал что-то не так, иначе бы Бориска не стал закатываться от смеха... В конце концов, разговор замяли, Вовка немного успокоился, и только красные уши выдавали недавнее волнение.

В последующие дни жизнь всё-таки приобрела некую осмысленность, выработался новый распорядок, в котором не последнюю роль играла Глафира Петровна. Именно она следила, чтобы её большая теперь семья вовремя просыпалась, завтракала, обедала и ужинала. Старшие дети ходили на занятия, Надёжка, устроившаяся на работу техничкой в ту же школу, где учились они, уходила вместе с ними, а Дмитрию Ивановичу хватало работы по дому, запущенному без мужских рук, и на приусадебном участке.

Занимаясь хозяйством, Савин невольно вспоминал давно минувшую жизнь: детство, юность, тогдашних приятелей и огорчался, что почти никого не осталось в живых. Да и немудрено было растерять их — столько событий выпало на их поколение, столько тягот и мучений оно перенесло. В те часы, когда старшие дети садились за уроки, а он с младшим отправлялся гулять, то его преследовало странное и не особенно приятное чувство. Ему казалось, что идёт он не по родному Алексину, а по чужому городу, среди чужих людей, и от этого ощущения становилось не по себе. Из всех прежних знакомых он отыскивал только одного — Андрея Бондаря, с которым вместе призывался на службу в Первую мировую. Правда, Дмитрий Иванович не считал Бондаря другом, но и прежнего малого знакомства оказалось достаточно, чтобы теперь заинтересоваться им. В первую встречу и во вторую хватало рассказов и воспоминаний. Дважды по инициативе Андрея Игнатьевича выпивали, что не особенно радовало Савина, и оба раза, захмелев, Бондарь показывал на ногах «жилы» — непомерно утолщённые и раздутые узлами вены.

— Это я под Царицыном с казаком схлест-

нулся, — горделиво рассказывал кучерявый и полный Андрей Игнатьевич, раскрасневшийся и вспотевший от выпитого. — Он на коне, и я на коне! Нос к носу сошлись, как Пересвет с татаринцом на Куликовом поле... Только у нас неожиданное получилось: он, вижу, шашку уж из ножен тянет, а у меня в тот момент только винтовка за спиной... В одно мгновение я в глаза смерти заглянул, но раздумывать тогда было некогда... Рванул винтовку с такой звериной силой, что ремень оборвал, и со всего размаха казака винтовкой по кумполу... Он, бедняжка, и замахнуться не успел — как горшок с печи — с коня свалился! В тот момент я жилы-то на ногах и порвал от напряжения, но зато жизнь себе спас.

Дмитрий Иванович рад бы пообщаться с кем-нибудь другим, более трезвым и рассудительным, но за две недели жизни в Алексине он никого не нашёл. Даже все соседи поменялись за долгие годы: с одного бока жили переселенцы из деревни, а с другого — фотограф-инвалид, появившийся, по словам матери, перед последней войной. Савин его почти не знал и сейчас не искал с ним знакомства, хотя Евсей — так, кажется, его звали, — возвращаясь с работы и загоня «Победу» в гараж, всякий раз притормаживал, когда замечал Дмитрия Ивановича, слишком громко здоровался, пытаясь обратить на себя внимание. Как-то даже в гости пригласил, угостил коньяком и долго восхищался, когда узнал, что Вовка и Димок — собственные дети соседа.

— А я думал, это ваши внуки! — удивлённо и сыто причмокнул крутолобый Евсей, удивлённо посматривая на Савина.

— Есть ещё порох! — пошутил Дмитрий Иванович. — Да и вы тоже не робкого десятка. Немного помоложе, а ведь наши младшие — ровесники!

— Олечка — вся моя надежда! — горделиво отозвался Евсей о своём сыне и погрустнел, словно чего-то недоговаривал.

Было понятно, что он помнил о больной дочери, которую Савин пока не видел, но знал, что она существует и содержится в интернате. Только на каникулы Евсей привозил её домой и редко когда выпускал на улицу.

С Евсеем дружбы у Савина не получилось,

потому что после первой же беседы он понял, что они с ним разные люди. И позже в этом убедился, когда всякая встреча заканчивалась разговором о ценах да деньгах. Савин попытался как-то намекнуть, что деньги — не главное в жизни, хотя, разумеется, и без них тяжело, но и хорошего мало, когда они всё затмевают. Зато жена Евсея, Инесса Феокистовна, показалась Савину совершенно иной по характеру и по отношению к жизни. И Надёжка сошлась с ней быстро и душевно, найдя в соседке человека, который может выслушать, посочувствовать, а главное — подсказать, как дальше жить. А познакомилась Надёжка с ней и разговорилась, когда копала грядки под чеснок. Она в тот момент так увлеклась работой, с таким азартом соскучившегося по земле человека махала лопатой, вспомнив жизнь в Князеве, что не заметила остановившуюся за оградой соседку, только почувствовала её взгляд. А разогнулась и увидела женщину за забором: высокую, светловолосую и, как показалось, по-особенному чистую и оттого особенно милую.

— Как у вас изящно получается! — восхитилась женщина, будто никогда не видела человека с лопатой.

— Ничего особенного — не хитра наука, — внешне не оценив похвалы, но в душе все-таки порадовавшись ей, сдержанно ответила Надёжка и остановилась, невольно любуясь женщиной.

— Вы теперь наша соседка?

— Нешто не видно...

— Очень приятно... Меня зовут Инесса Феокистовна, а вас?

— Всю жизнь Надёжкой была, а у вас тут Надеждой Васильевной стала... Только вы меня не зовите лишний раз по отчеству — не привыкла. Человек я простой, если не считать последних лет, всю жизнь в колхозе работала.

— Как неожиданно красиво звучит ваше обычное имя! — удивилась Инесса Феокистовна и по слогам произнесла: — На-дѣ-ж-ка! Чудо какое-то!

Однажды увидев Савину печальной, Инесса спросила:

— Что, Надёжка, случилось?

— Не знаю, что со старшим делать?! То очки

не хочет носить, то чтобы я в школе техничкой не работала! Стыдится, наверное.

— Стыдится — уволься, хотя это и ложный стыд, но подростки очень ранимые!

— Если не работать, разве мы проживём на одну пенсию и крохотное пособие на ребят?!

— Нет, конечно... Поэтому я предлагаю работать у меня.

Надёжка непонимающе посмотрела на соседку, словно та разыгрывала, а Инесса продолжала как ни в чём не бывало:

— У меня, точнее, у нас... Мы с мужем давно хотели нанять домработницу, да подходящих не было.

— А что я должна буду делать?

— Ничего сложного, не сложнее, чем в школе... Ко мне ведь больные на дом ходят и, понятное дело, грязнят... А скоро наступят самые слякотные дни, и помощница мне просто будет необходима.

— Если это правда, что вы сказали, — сразу перешла Надёжка на уважительное «вы», — то я рада бы работать у вас, да только неудобно так быстро из школы увольняться... Надо хотя бы до конца месяца отработать.

— Хорошо, тем более что осталось несколько дней... Хотя сразу не отпустят и заставят отработать положенное время со дня подачи заявления об увольнении. Так что не теряй времени — завтра же напиши заявление и попроси директора уволить в конце месяца без отработки. Договорились?!

— Я-то согласна, но надо ещё с мужем поговорить, посоветоваться...

— Конечно, посоветуйся, но, думаю, он не будет против.

Обо всём этом передумав, страдая от неумения складно изложить волнующие мысли, она с безысходным отчаянием попросила мужа:

— Ты только не ругайся на меня... Я ведь что натворила-то?!

Дмитрий Иванович, в этот момент паявший на веранде примус, отложил паяльник и сел на табуретку, удивлённо и испуганно посмотрел на жену, видимо, ожидая услышать от неё что-то необычное.

— Слушаю тебя... — постаравшись выглядеть спокойным, сказал он и снял очки.

— Я такое натворила! — опять вздохнула На-

212 *Владимир Пронский*

дѣжка. — Я ведь к соседям на работу нанялась! А теперь тужу, места себе не нахожу: вдруг их раскулачат из-за меня?!

Савин рассмеялся:

— Ты же в школе работаешь!

— Уволюсь... Я уж с Инессой обо всём договорилась!

— И правильно сделала... А насчёт раскулачивания не переживай: сейчас время изменилось.

— Изменилось?! А что же твою сестру продолжают в лагере неволить? Значит, не очень-то изменилось!

— Ну ладно... Не будем говорить на эту тему.

Хотя она и заручилась согласием мужа, но чувствовала, что её новое место работы ему не по душе, и не понимала, отчего это. Что за причина быть недовольным, если всё законно?! Ведь не против же он, в конце концов, чтобы его жена меньше работала, а получала больше! Даже и не в деньгах дело: будет меньше работать, значит, больше времени останется для дома. Чего же в этом плохого? Неопределенность Дмитрия Ивановича открылась через несколько дней, когда она, доработав месяц, уволилась из школы и стала убираться у Инессы Феоктистовны. Узнав об этом, его мать спросила с такой откровенной брезгливостью, будто спрашивала о чём-то непристойном:

— Вы что же, милочка, продались мелкобуржуазным отпрыскам? Или мне сын что-то неправильно объяснил?!

— Никому я не продавалась! А работа всякая почётна, особенно в наше время! — зло ответила Надѣжка свекрови, рассердившись более не на сам вопрос, а на упоминание о Дмитрие Ивановиче.

— Работа работе рознь... Вы, милочка, своей неразборчивой услужливостью сомнительным людям подмочили добрую репутацию нашей семьи.

— Вы её сами подмочили, ещё до войны...

— Что ты имеешь в виду?

— Дочь вашу арестантку...

Старуха посмотрела на сноху уничтожающе, и её глаза за двумя очками показались Надѣжке двумя большими ржавыми тазами.

— Какое имеешь ты право лезть в жизнь на-

шей семьи?! — возмущённо засипела Глафира Петровна. — И что ты вообще можешь знать о моей дочери, о которой, дрянь ты этакая, никакого понятия не имеешь?!

Обида и недоумение захлестнули в этот миг Надѣжку. Она не понимала, чем прогневила свекровь. Неужели только тем, что пошла работать к соседке? Но более всего терзало то, что свекровь несправедливо обвинила бог знает в чём. Обзывалась-то зачем? В своей жизни Надѣжка слыхала и не такое, но звучала та брань из уст тёмных и злых людей и поэту воспринималась без особенного внимания.

После разговора со свекровью сразу постылел дом, к которому она начала привыкать. Ни к чему душа не лежала, словно приехала сюда на короткое время, чтобы, чуток передохнув, отбыть в какое-то другое место, более надёжное и уютное. Поэтому, наверное, отправляясь теперь к Инессе, она не спешила уходить из её дома, а, помимо своих прямых обязанностей по уборке, задерживалась на час-другой, чтобы напечь пирогов, которые у Надѣжки всегда получались отменно, и вместе попить чаю.

— Надюша, у меня такое ощущение, что между мамой и тобой пробежала чёрная кошка. В чём дело? — спросил однажды Дмитрий Иванович, будто ничего не знал.

— Какая уж там кошка... Огромный чёрный кобель, наверное... — сердито ответила она, прекрасно понимая, что мужу всё известно.

— Ты всё-таки не сердись на неё... Она — старый человек, и у неё своё представление о жизни, — попытался смягчить разговор Дмитрий Иванович, по интонации жены догадавшись о её состоянии.

— А я и не сержусь, — неожиданно для себя мягко сказала Надѣжка и вдруг почувствовала, что действительно перестала сердиться на свекровь. Вернее, чувство обиды отступило вглубь души, нечаянно оттаявшей от ласковой интонации мужа.

Когда на следующее утро сказала свекрови: «Доброе утро, Глафира Петровна!» — то старуха закашлялась от неожиданности, но по привычке всё же ответила недружелюбно, не успев сменить гнев на милость:

— Доброе, милочка, доброе...

Перемену в настроении Надёжки заметила и Инесса. Теперь она каждый раз посылала гостинцы её детям (пыталась это делать и ранее, но не так настойчиво), а когда случайно узнала, что у Дмитрия Ивановича разболелся зуб, попросила немедленно привести мужа и вылечила, не взяв денег. Об этом узнала Глафира Петровна, и теперь сама первой желала снохе доброго утра, словно та собственноручно избавила её Митю от боли. К возвращению снохи от Инессы даже что-нибудь стряпала, и тогда они всей семьёй садились за ужин, который Глафира Петровна на смех Надёжке называла почему-то обедом.

Тёплые и шумные вечера ещё более сблизили Надёжку с Глафирой Петровной. И нельзя было не удивляться, как настроение матери передаётся детям. Когда наладились отношения со свекровью, Надёжка стала замечать, как сразу изменилось поведение ребят. Они стали прежними шалунами и совсем забывали о житейских невзгодах, из которых родители едва-едва выкручивались. Что им до того, что семья часто оставалась без денег! Они будто наперёд знали, что родители всегда накормят, а где и как они добывают пропитание — это ведь не так уж и важно. И зачем думать об этом, когда хватает других занятий. Главное, что мать с отцом и бабушка рядом, часто улыбаются. А если улыбаются, значит, всё в порядке. Можно даже немного набедокурить — никто не будет ругаться по-настоящему... Только поздним вечером, когда бабушка ложилась отдыхать, в доме наступало относительное спокойствие; младшие мало-помалу успокаивались, затихали в своих постелях и засыпали следом за бабушкой. Даже Митя засыпал и никого не беспокоил. Через час-другой укладывались и старшие дети, и сам Дмитрий Иванович. Надёжка ложилась последней — перемыв посуду, приготовив одежду детей и проверив портфели. Зато просыпалась первой, чтобы проводить детей в школу и сделать утреннюю уборку. После этого шла к соседке на работу, а когда возвращалась, то шумная вечерняя кутерьма начиналась заново.

ЯВЛЕНИЕ ЗОЛОВКИ

В один из дней накануне Октябрьских праздников, вернувшись от Инессы, Надёжка удивилась необыкновенной тишине в доме, а встретивший муж заговорил шёпотом, словно очень боялся кого-то потревожить. Едва он произнёс первое слово, она сразу поняла, почему случились такие перемены, ибо разговоры о возможном возвращении золовки всё чаще и чаще звучали в последнее время. Она тоже ждала её приезда, но не предполагала, что её появление вызовет такое смятение. Будто это был не близкий человек, а непостижимой важности начальник. Вслух, конечно, ничего не сказала, даже мужу. Тихо прошла в комнату, где дети за столом учили домашнее задание, а младший Дима тихо занимался игрушками в уголке. Когда увидел мать, по-взрослому приложил палец к губам:

— Мамка, тихо... Тётя Маша приехала!

Тишина в доме стояла действительно такая, что Надёжке ничего не оставалось, как заняться вязанием. Даже пока ужин готовить не стала, чтобы не греметь посудой. Она никогда не любила кропотливое вязание, а сейчас, когда это делала не в охотку, оно и вовсе напоминало наказание. Хорошо хоть в мыслях отвлеклась, перенеслась в Князево, вспомнила Веру, Галю, почтальонку Зину. Вспомнила соседей Фокиных, особенно — старика, и сейчас к нему почему-то не было никакого зла... Задумавшись, она едва не вздрогнула, когда из-за драпировки, отделявшей спальню свекрови, показалась лохматая голова незнакомой смуглолицей женщины. Она пристально оглядела Надёжку и сразу задёрнула драпировку, ничего не сказав, вместо слов отвесив неприветливый взгляд. Потом свекровь и золовка о чём-то долго шептались, из любопытства Надёжка сперва хотела понять, о чём они шепчутся, но вскоре надоело подслушивать и, решив, что они спать более не собираются, пошла в кухню, назло загремела посудой. И сразу же раздался недовольный голос свекрови:

— Надежда Васильевна, вы мешаете нам отдыхать!

Надёжка ничего не ответила, будто не слышала окрика, но греметь всё-таки стала мень-

ше, вдруг почувствовав наворачнувшиеся обидные слёзы. Продолжая чистить картошку, она увидела осторожно подошедшего мужа. Он обнял, легонько потормошил за плечо, будто попросил извинения. И от его участия сразу отлегло на душе.

— Тебе помочь? — тихо спросил он.

— За ребятами посмотри! — отказалась она, удивлённо взглянув на мужа, потому что он никогда прежде не помогал готовить и даже не пытался.

К тому времени, когда Надёжка справилась с ужином, она успела рассмотреть золовку, будто случайно заглядывавшую в кухню, хотя ничего особенного не запомнила, кроме сумрачного выражения лица, про себя отметив, что она почти не похожа на брата. Когда сели за стол, Глафира Петровна сделала многозначительную паузу и, обращаясь более к младшим внукам, сказала:

— Это ваша тётя Маша... Она теперь будет жить с нами...

Вовка почему-то покраснел, уткнулся в тарелку и не смотрел на бабушку, пока она представляла остальных внучат дочери. Про Надёжку она даже не упомянула, будто сноха и не жила с ними, а была в доме случайным человеком.

— А это моя жёнушка — Надюша! — сказал Дмитрий Иванович сестре, когда мать, представив детей, замолчала и, как он понял, не собиралась упоминать о снохе.

Мария Ивановна в ответ ничего не сказала, только молча кивнула, и Надёжка заметила, что она уже наполовину седая, хотя и была младше брата. Если не шалость детей, то за столом, наверное, никто не проронил бы ни слова. Это она поняла, когда после ужина все разбрелись по своим углам, а она перебралась в кухню, чтобы помыть посуду. В этот вечер почему-то спать улеглись раньше обычного. Дети уснули быстро, Дмитрий Иванович, кажется, потихоньку захрапел, а она заснуть не могла — невольно прислушивалась к шёпоту, доносившемуся из-за драпировки, где стояла кровать свекрови и где теперь она спала вдвоём с дочерью. Первого знакомства с Марией Ивановной словно и не было, потому что, живя в одном доме, Надёжка умудрялась не ви-

деться с ней. Только иногда слышала её строгий голос, обращённый к детям: «Перестаньте дурить. Вы мешаете бабушке!» Надёжке же казалось, что говорится это ей, и тогда мерзкий озноб пробежал по всему телу, будто в этот момент случайно дотрагивалась до чего-то липкого и холодного...

Когда выпал снег, она и вовсе не спешила домой. Если встречала своих детей — гуляла с ними, а когда их не обнаруживала — бродила по улицам одна, что на неё и вовсе не походило. Всегда она стремилась к своим детям, а теперь поступала так, словно они надоели ей. Немного замёрзнув, она нехотя шла в дом. По ступенькам высокого крыльца поднималась насторожённо, словно боялась спугнуть кого-то, тихо шла через веранду и, прежде чем войти в дом, как посторонняя, шебуршала у двери, предупреждая о своём приходе и словно спрашивая разрешения войти. Однажды, когда остановилась у неплотно притворенной двери, то услышала приглушённый, но резкий голос, который легко узнала. Говорила золовка:

— ...она из тебя верёвки вьёт, а ты, дурачок, помалкиваешь. Ладно бы достойный человек был, а то дремучая деревенская серость! Послушаешь её, и криком кричать хочется: лейка — у неё поливальник, хлыст — жичина! Дети поют бабушке непотребные частушки! Ещё немного поживёшь с ними — мы и тебя разучимся понимать... — Мария Ивановна замолчала, и Надёжка поняла, что всё это она говорит Мите, заглазно хает её, и в первый момент захотелось ворваться в дом, прицокнуть, но вместо этого Надёжке сделалось стыдно и страшно оттого, что она подслушивает. Боясь быть обнаруженной, она на цыпочках пошла назад, но дверь, ведущая в дом, неожиданно распахнулась, и она увидела поспешно вышедшего мужа. Он не ожидал встретиться с ней и смутился, надел шапку, застегнул пальто и испуганно спросил:

— Ты всё слышала?!

— Кое-что успела...

— Не обращай внимания... Пойдём прогуляемся.

Они вышли на улицу, и никто не решался заговорить первым.

— Зря мы сюда приехали! — сказала она после долгого молчания.

— Кто же знал, что всё так обернётся, — не сразу ответил Дмитрий Иванович и вздохнул.

— Может, нам уехать? У нас свой дом в Князеве, а мы тут ютимся!

— Уехать-то недолго... Ребят жалко — всё-таки здесь город. Совсем другая культура.

— Как хочешь, — не стала она ни спорить, ни доказывать то, что чувствовала в душе.

Покорность жены обстоятельствам разозлила Дмитрия Ивановича, и он решил сейчас же, когда вернулись с улицы, без обиняков поговорить с сестрой, но при жене, детях и матери поговорить так и не сумел. Оставил разговор до утра. Утром думал поговорить первым, а сестра, как только дети ушли в школу, а Надёжка к Инессе, — опередила его.

— Митя, у меня есть важный разговор! — сказала она твёрдым шёпотом, когда мать увлеклась радиотрансляцией. — Я посоветовалась с мамой и решила высказать то, что ты вчера не захотел выслушать!

— Мне и так ясно, — горько усмехнувшись, сказал Дмитрий Иванович. — Ты как была с детства эгоисткой, так ею и осталась. Жизнь тебя никак не образумила!

— Почему же... Кое-чему научила. Например, разбираться в людях. Я, например, знаю, что тебе самому такая жизнь в тягость. Ты не столь молод, чтобы кормить и воспитывать чужих детей!

— Не понимаю тебя?!

— Что же тут непонятного... Вместо того чтобы помогать маме в те годы, когда ей становилось особенно тяжело, ты пригрел чужую семью. Теперь же, после последних политических событий, когда вполне был уверен, что я скоро вернусь и, естественно, маму не брошу, ты приехал сюда, расчётливо решив, что всю заботу по уходу за ней я возьму на себя.

— Можно подумать, что за все годы твоего отсутствия я не заботился о маме. Напротив — делал это за двоих. Спроси у неё, и она подтвердит! Так что не надо обвинять меня в том, чего не было. Это для меня обидно, а для тебя недостойно. Можно понять твоё сожаление по загубленным годам жизни, но, согласись, моей вины в том нет. И не надо играть на

чувствах к маме. Я её не забывал и никогда не забуду! — от волнения и гнева Дмитрий Иванович вспотел и, закончив говорить, долго промокал платком затылочки.

— Хорошее дело! Ты весьма оригинально решил позаботиться о ней, переселившись сюда со своей оравой! Ты разве не понимаешь, что маме в её возрасте нужен покой! — продолжала наступать сестра, и Савин её не узнавал, с душевной болью начинал понимать, что почти ненавидит.

— Что же делать, — всё-таки мягко сказал он. — В конце концов, это её внуки. Зиму как-нибудь потеснимся, а весной начну строить дом.

— Боюсь, что с вами мама до весны не доживёт! И ещё: почему ты решил, что я разрешу строительство?!

— Во-первых, перестань болтать о маме неизвестно что, а во-вторых, покамест в доме хозяйка мама, твоё согласие для меня обязательно. Под чью-то прихоть я подстраиваться не намерен, а если такие условия не устраивают, то тебя в этом доме никто не держит!

Брат и сестра разгорячились, стали говорить на повышенных тонах и не заметили, как мать выбралась из спальни, приоткрыла дверь в зал и гневно сказала:

— Дети, перестаньте ссориться! Мне обидна ваша взаимная неприязнь. стыдно так вести себя в вашем возрасте!

Ни сестра, ни брат не посмели что-либо возразить, молча разошлись, каждый остался при своём мнении и чувствовал разочарование от того, что не успел всё высказать. С этой минуты их прерванная ссора напоминала пожар на торфянике, когда огня не видно, а только повсюду стелется дым и всё отравляет. Такой пожар может тлеть месяцами, пока не выгорит всё, что может гореть.

Действительно, с этого дня в доме наступило внешнее благополучие: никто из взрослых не ссорился, даже не повышал тона, две враждующие стороны перестали замечать друг друга, а при необходимости разговаривали только с Глафирой Петровной. Более или менее размеренную жизнь взорвал негаданный случай, окончательно высветивший отношения между снохой и золовкой... Надёжка среди дня неожиданно прибежала домой, чтобы взять для

Инесса немного соды, и, заглянув в кухню, услышала Димкин жалобный плач, доносившийся из зала. Она сперва подумала, что ослышалась, а прислушалась — точно, плачет! Вошла в зал и увидела Диму стоящим в углу на коленях.

— Кто же тебя, сынок, сюда определил?

— Тётя Маша...

— Она пошутила, иди ко мне.

— Нет, я и не думала шутить, — раздался сзади голос Марии Ивановны. — Если виноват — получай наказание!

— Что же он такое сделал, что его надо было на колени ставить?!

— Я чашку случайно разбил... — еле слышно пролепетал мальчишка и ещё сильнее заплакал.

— Не тужи, — успокоила Надёжка и подошла, поставила на ноги, удивлённо рассматривая то место, где стоял на коленях сын, и не могла поверить злой догадке: золовка ставила мальчугана коленями на горох, густо насыпанный на коврик! — Кто тебе давал право истязать чужого ребёнка? — медленно поднимая глаза на золовку, угрюмо спросила Надёжка и, не дожидаясь ответа, набросилась на неё, схватила за короткие волосы и одним рывком опрокинула на пол, сдавила горло: — За своего сына — задушу, гадина!

Короткое время Мария Ивановна безмолвно отбивалась, а потом застонала, заголосила. Её крик о помощи лишь подстегнул, словно норовистую лошадь кнут, и Надёжка, не помня себя, била и била ненавистного человека и успокоилась только тогда, когда золовка перестала защищаться. И сразу вслед за небольшим успокоением и облегчением к Надёжке пришёл стыд, усилившийся ещё более, когда она услышала над собой изумлённо-испуганный голос свекрови:

— Надежда Васильевна, что вы делаете?! Остановитесь, остановитесь немедленно!

Ничего не сказав, Надёжка поднялась с пола, подхватила плачущего Димку и потащила в прихожую. Пока одевала его и сама одевалась, решила в этом доме более не оставаться. Делать здесь нечего. До конца не застегнувшись, она подхватила сына на руки, выскочила с ним из дома и через минуту была у Инес-

сы. На счастье, пациентов у неё не было, и, никого не стесняясь, Надёжка разревелась в полную силу, по-настоящему осознавая, что произошло. Видит Бог, она не хотела скандала, наоборот, всегда стремилась к миру в доме, к покою — и вдруг непредвиденный обидный случай, всё теперь окончательно перевернувшийся. Инесса не мешала выплакаться, даже не успокаивала, а занялась Димкой, уведя его в детскую комнату и дав покупные Олеговы игрушки. Когда он заигрался — вернулась к Надёжке и спросила:

— Что произошло? На тебе лица нет!

— С золовкой поругалась. До драки дошло!

Инесса покачала головой:

— Кто затеял-то?

— Я начала, потому что не смогла стерпеть, когда увидела, что Димка стоял в углу на горохе! Конечно, не надо бы так горячиться, но я себя не помнила в тот момент. Как ни тужи, а случившееся не вернёшь. Теперь мне совсем житья не будет. Надо на родину уезжать.

— А муж что говорит?

— Он пока ничего не знает. Пошёл куда-то на работу устраиваться. Хочет весной свой дом строить.

— Вот это правильно. А ты собралась уезжать! Построитесь, обживётесь, и никто вам мешать не будет.

— Хорошо бы так, да золовка жизни не даст. Это ведь зверь, а не человек.

— Её тоже надо понять: столько лет провела в мучениях!

— Не в этом дело, Инесса Феоктистовна. В ком божьей искры нет, от того добра не дождёшься. Такие люди только для себя живут.

Инесса ничего более не сказала, замолчала, задумавшись о чём-то. Чуть позже пришёл клиент — пожилая полная женщина, принесшая на ногах гору снега. Надёжка схватилась за тряпку, а Инесса провела женщину в кабинет, заговорила с ней, застучала инструментами. Когда женщина ушла, появился Дмитрий Иванович. Сняв шапку, он вполголоса спросил:

— Дима где? Вам пора домой.

— Димка со мной, а в ваш дом не пойду — мне там делать нечего. Забирай сына, а я здесь останусь!

— Хватит упрямиться. Руганью ничего не добьёшься.

— А я и не упряплюсь, а говорю то, что есть! — сказав это, Надёжка замерла душой, подумала: «А кто меня здесь оставлял-то?!» И сразу полыхнула следующая мысль: «Если Инесса не оставит — на вокзал пойду. Там ночь скоротаю!»

Надёжка ночевала у соседей, встала вместе с хозяевами и не утерпела, решила сходить к детям, чтобы собрать их в школу. Ворота оказались запёртыми, и она постучала с улицы в тот угол, где спал Бориска. Он открыл быстро, удивлённо и радостно разглядывая мать, и, как хозяин, пропустил её в дом, закрыл дверь. В доме тихо, ребята собирались потихоньку, без обычного галдежа. Свекровь и золовка из спальни не показывались, словно их не существовало, а может, они не решились мешать снохе. Собрав и проводив старших, она начала собирать Димку, чтобы взять его с собой к Инессе, и вздрогнула, когда увидела перед собой золовку, ненадолго забытую, а теперь показавшуюся особенно неприятной. Она пристально посмотрела на сноху и сквозь зубы произнесла:

- Мне надо что-то сказать тебе!
- Я слушаю! — отчеканила Надёжка.
- Выйдем, пожалуйста, на веранду.

Оставив полуодетого Диму, она нехотя пошла за золовкой, не понимая, почему той понадобилось выходить на веранду, будто была какая-то тайна. На веранде они сошлись лицом к лицу, и, после уничтожающего взгляда, Мария Ивановна, коротко замахнувшись, неожиданно ударила сноху по лицу и, ничего не сказав, вернулась в дом. Всё произошло так молниеносно, что Надёжка не успела ничего сообразить, даже боли не почувствовала, только в ушах стоял звук пощёчины и сделалось нестерпимо обидно. Сами собой полились слёзы, от слабости она опустилась вдоль бревенчатой стены на корточки, не в силах перевести дыхание... Только когда услышала царапавшегося в дверь Димку, немного пришла в себя, но, вспомнив пощёчину, заплакала ещё сильнее. Ничего не видя перед собой, она одела сына, сама кое-как оделась и пошла к Инессе. Оставив ей младшего, не объяснив-

шись, она отправилась на поиски мужа, вспомнив, что Бориска говорил, будто тот устроился на швейную фабрику и ушёл сегодня на работу.

Дмитрия Ивановича она увидела сразу: он сидел в тесной проходной около двери с вертушкой и читал газету. Увидев жену, отложил чтение, встал и сказал, улыбаясь:

— Предъявите пропуск, гражданочка!

Надёжка никак не отреагировала на его шутку, а молча остановилась около вертушки и едва сдерживала себя, чтобы не расплакаться.

— Мне не до шуток... Я уезжать собралась!

— Может, всё-таки объяснишь, почему или отчего такая спешка? В конце концов, нельзя же рубить сплеча. У нас дети есть! Ты о них подумала?

— Всегда о них помню. Поэтому и решила уехать. А то мы вам очень мешаем...

— Ну, вот что... Тут не место выяснять отношения. Вечером сменюсь — тогда и поговорим. А сейчас выбрось дурь из головы и не мучайся зря, а заодно и меня не мучай! А сейчас возвращайся на работу.

Дмитрий Иванович появился у Инессы в начале девятого вечера — злой, постаревший — и, увидев жену, спросил с издёвкой:

— Ещё не уехала?!

— Нет. Завтра поеду. Утром меня Инесса и Евсей проводят.

— Навсегда, навсегда уезжай, Надёжка! — подал голос подошедший Евсей, обычно не вмешивавшийся в разговоры, а теперь взглянувший на Савина в упор. — Такого размазную всегда найдёшь, а не найдёшь — и не надо. Лучше совсем без мужика жить, чем с таким! — хозяин круто повернулся, скрипнул протезом и ушёл за перегородку, не желая более тратить слов.

Установилась неловкая тишина, а Савин, словно подстёгнутый словами соседа, решительно подступил к жене:

— Собирайся, пошли домой! Нам надо поговорить!

Ехидство соседа действительно взбесило Дмитрия Ивановича. Только то, что он был в гостях, сдержало, чтобы не сказать что-нибудь колкое, не наругать в ответ на унижение, которое он беспричинно испытал. Ведь не из-

верг же он, чтобы отпустить жену с детьми среди зимы! Ведь потом его будут считать негодяем, а он не заслужил этого. Это его беда, а не вина, что он не смог наладить отношения, стать посредником между женой и сестрой.

Выйдя от Инессы, Савин попытался успокоить жену, доказать, что негоже шарахаться из одной крайности в другую, что надо немного потерпеть до весны, когда они начнут строить свой дом и когда не надо будет ни на кого обращать внимания... Дмитрий Иванович говорил долго, запальчиво, а молчание жены ещё более бесило его.

— Скажи что-нибудь! Глупо отмалчиваться! — с сердцем сказал он и от досады топнул.

— Сегодня утром твоя сестра ударила меня, — приглушённым голосом сказала она. — Понимаешь — ударила! По лицу! Вот поэтому я и решила уехать!

Савин замолчал, кажется, навечно. И было странно видеть двух взрослых людей с ребёнком в столь поздний час, молчаливо и долго стоявших в свете пугливо качающегося фонаря. Холодным сиротством веяло от них. Своим обоюдным молчанием они лишь усиливали это сиротство, а когда после долгой-предолгой паузы Дмитрий Иванович заговорил, то Надёжка нисколько не удивилась его словам.

— Если решила — езжай! Может, так действительно будет лучше всем, — устало и горько сказал он и подхватил на руки Димку, прижал к себе и беззвучно зарыдал.

Она не ожидала, что муж заплачет, и теперь, когда он прижимал сына и целовал его, будто расставался навсегда, ей сделалось неуютно, стыдно за саму себя, будто во всём была виновата только она одна. Она не знала, как поступить в этой неожиданной ситуации, и, переждав, пока муж немного успокоится, попросила:

— Мить, пошли домой... Поздно уже — Димке спать пора.

Утром Савины начали потихоньку собирать вещи, стараясь не разбудить Глафиру Петровну и её дочь. Но как ни пытались собираться бесшумно, Надёжка догадывалась по частому скрипу кровати в спальне, что свекровь с золовкой не спят, видимо, прислушиваются, и тогда у неё всё закипало внутри, от злости на-

чинали дрожать руки, и, чтобы забыться, заставляла себя думать о чём угодно, только не о родственничках.

Утром Надёжку с детьми Евсей отвёз на вокзал. Дмитрий Иванович ждал их, прохаживаясь около здания. Приблизившись к машине, он чуть со стороны наблюдал, как неловко выбравшийся из машины Евсей открыл багажник, хотел помочь выложить вещи, но Евсей это сделал сам и, что-то сказав на прощание Надёжке, укатил, не взглянув в его сторону.

— Пойдёмте на перрон! — сказал Дмитрий Иванович жене. — Вскоре должен подойти поезд. Билеты я уже купил.

Поезд подошёл незаметно, неожиданно дав свисток у самого вокзала. Савин подхватил на руки Димку, поцеловал его несколько раз и поставил на ноги, сказав: «Слушайся маму!» Потом обнял Нинушку, по-мужски, рукопожатием, простился с Бориской и Володькой, а перед самым вагоном расцеловался с Надёжкой. Помог подняться на площадку, посадил ребят, передал вещи. Проводница сразу же погнала отъезжающих в глубь вагона, и как ни старался Дмитрий Иванович что-нибудь разглядеть через замороженные окна, так ничего и не увидел, даже пробежав несколько метров вдогонку поезда... А тут из головы состава донёсся предостерегающий короткий гудок, по вагонам волной пробежал гулкий перестук буферов, и, плавно ускоряясь, поезд покотил мимо вокзала под прощальные взгляды редких насупленных провожающих.

РАССТАВАНИЕ

Оставшись один, Дмитрий Иванович неторопливо пошёл с перрона, потом мимо новостроек соцгорода, и его преследовали навязчивые мысли о дальнейшей жизни, о том, как уладить отношения с сестрой и стоит ли вообще это делать?! Он не понимал, как так получилось, что всегда они обожали друг друга, поддерживали, особенно после смерти брата в двадцатых годах. Когда сестру перед войной арестовали, Савин ни разу не усомнился в её невиновности. Уж кто-кто, а он-то знал её

образ мыслей, наклонности и не допускал, что его сестра занимается контрреволюционной пропагандой! Оказалось, что тот самый человек, в недавнем прошлом мотавшийся по уезду и создававший комсомольские ячейки и комбеды, дававший к каждому празднику стихотворения в районную газету, — враг народа! И что самое главное, судя по публиковавшимся тогда спискам исключённых из партии, — таких врагов было много. Правда, ещё тогда приходили мысли о том, что в тех списках больше значилось мздоимцев, расхитителей, самогонщиков и очень редко упоминались отступившие от линии партии, хотя их, как догадывался Дмитрий Иванович, было значительно больше, а выявленное отступничество формулировалось запутанно и неуклюже. А если их было много, то сестру могли к ним причислить по недоразумению, и, конечно же, никто не станет проверять именно её... Всё-таки Дмитрий Иванович написал тогда жалобу в обком, настаивая на пересмотре дела сестры, за которую поручался как за самого себя... Через две недели его вызвали в райком по месту жительства и с прищуркой спросили, не ошибся ли он, написав необдуманное заявление?! Савин начал что-то доказывать, но инструктор — хороший знакомый! — перед его глазами порвал заявление, а в реестровой книге записал: «Дан ответ по существу». Этот поступок Савин оценил только после пронских событий, случившихся на смотре самостоятельности, а тогда, помнится, даже обиделся на инструктора, в душе обозвал его бюрократам, не пожелавшим вникнуть в суть дела.

Чем дальше сейчас Савин рассуждал о сестре, тем более склонялся к мысли, что годы осуждения её сильно изменили. Изменили против её воли, и поэтому она озлобилась, перестала быть сама собой. «А ведь она не одна такая! — подумал Дмитрий Иванович. — Если так и далее пойдёт, то вскоре все мы разделимся на тех, кто был там и не был! После этого нас очень легко будет натравить, столкнуть лбами, мы тогда перегрызём друг друга! Хочешь не хочешь, а получается, что это кому-то нужно, кто-то сознательно это делает!» Страшная эта мысль заставила Савина растеряться, даже испугаться, будто о его внутрен-

них рассуждениях мог узнать посторонний... И всё-таки, развивая их, он вспомнил, как писали в его служебных характеристиках: «...дела общественные ставит превыше личных». Значит, он, Савин Дмитрий Иванович, полезный для общества человек, а его сестра, Ушакова Мария Ивановна, — вредный, враг народа! Как же им после этого не озлобиться, как же не коситься и взаимно не подозревать во всех возможных и невозможных грехах?!

После этого открытия Савин почувствовал себя мелким, ничтожнейшим человечком, одним среди множества подобных. Он вглядывался в торопливых прохожих, пытаюсь по выражению их лиц понять, догадываются ли они о своём ничтожестве, задумывались ли хотя бы раз в жизни о самих себе, о близких и знакомых? Или недосуг, нет ни секунды времени, чтобы остановиться, подумать по-иному и по-иному же взглянуть на себя!

От терзающих раздумий ему окончательно расхотелось возвращаться домой: не дай бог встретиться с сестрой, о чём-то говорить с ней в этот момент... Он решил отправиться к Бондарю, поделиться мыслями, прямо сказать ему: «Знаешь, дорогой Андрей Игнатьевич, до чего я сегодня додумался? Нет, не знаешь... Тогда слушай, что скажу...» Чтобы не идти в гости с пустыми руками и зная натуру Бондаря, Савин купил поллитровку, селедку и отправился по знакомому адресу. Правда, пока шёл, душевный порыв угас, и он уж не видел особенной нужды тащиться к Бондарю, да и поймёт ли тот, о чём хотелось ему сказать. Ведь наверняка опять начнёт рассказывать о схватке с казаком... Поэтому и постучал в окно, надеясь в душе, что повезёт и хозяина не окажется дома. Но нет, открыл, хотя и не сразу. Прежде долго возился в коридоре, а потом спросил охрипшим голосом, который Савин едва-едва признал:

— Носит тут всяких... — открыв дверь, Бондарь, правда, сказал помягче: — Это ты, Мить? Заходи!

Хотя хозяин и сменил интонацию, но Савин всё равно почувствовал, что тот не особенно рад ему.

— Здравствуй, Андрей свет Игнатьевич! — Савин всё-таки попытался улыбнуться. —

Совсем ты одичал в своей берлоге! А ну просыпайся! — И, пройдя в дом, поставил на стол бутылку.

Хозяин повеселел, надул от радости небритые щёки. Его оживление при виде бутылки окончательно отбило у Дмитрия Ивановича настроение, с которым он шёл, полагая, что здесь ему удастся отвлечься, поделиться сомнениями и тем самым облегчить душу. Но Бондаря более радовала предстоящая выпивка, а не он сам. И теперь Савин мог уверенно сказать, что напрасно надеялся на что-то. Так всё и вышло. После первой рюмки Бондарь вспомнил Гражданскую, понёс какую-то окоlesiцу. Савин только слушал его, а когда надоело — распрощался, к большой радости хозяина даже не выпив на дорожку. Уходя, Савин решил сюда более не приходить и сразу подумал, что теперь остался со своими мыслями один на один и никого более нет в родном Алексине, кто бы мог выслушать.

После Бондаря Дмитрий Иванович отправился домой. К удивлению, его встретили совсем не так, как он ожидал. Когда он вошёл и молча начал раздеваться, из кухни выглянула Глафира Петровна. Она посмотрела на сына, сказала чуть укоризненно, но ласково:

— Опаздываете, господин хороший!..

Первое впечатление быстро сменилось следующим, более сильным. В доме всё было прибрано после спешного отъезда Надёжки, сделана небольшая перестановка, а на столе в зале стояла большая ваза с пахучим домашним печеньем. Дмитрий Иванович даже слюну проглотил. А когда заметил в кухне самовар, пыхтящий трубой в форточку, то удивлённо подумал: «Гостей они, что ли, ждут?» Савин сидел на диване и почему-то чувствовал себя скованно, будто попал к малознакомым людям. Когда же с улицы пришла сестра и стала очень мило что-то говорить, Савин окончательно сбился с толку от такой разительной перемены в поведении сестры и матери. И самое удивительное — они не скрывали эту перемену, даже немного бравировали ею, как бы давая понять, что они радуются отъезду снохи, чужих детей, а для него, своего сына и брата, они, конечно же, сделают всё так, как подобает близким родственникам.

Савин оказался не в силах оттолкнуть мать с сестрой, хотя за столом вёл себя холодно и немногословно, словно говорил всем своим видом, больше, конечно, сестре: «Это не ваша заслуга, а моё снисхождение!»

Внутренняя отчуждённость сохранялась и в последующие дни, а когда родственные чувства другой стороны начинали проявляться уж слишком откровенно и назойливо, он словно делал шаг назад, сознательно сохраняя расстояние, которое при подобной назойливости не могло не сокращаться. И по-иному поступить не мог, когда чувствовал, как слабое это искусственное благополучие могло в любой момент разрушиться, ибо в основе его лежала не искренность, а родственный расчёт, в котором учитывались желания только одной стороны.

Это затаённое чувство жило в нём и в последующие дни. Поэтому он с неожиданным нетерпением, словно от союзника — пусть и заочного, ждал письма от жены, будто оно могло помочь в невидимом противостоянии. А когда перед самым Новым годом получил долгожданную весточку, то она оказалась самым лучшим новогодним подарком.

Письмо было таким желанным, что Савин вычитил в нём каждое слово. Надёжка сообщала, что всё у них хорошо: доехали без приключений, потихоньку обживаются, Нинушка и Бориска начали ходить в Пронскую среднюю школу, Володька — в Князевскую... Дмитрий Иванович радовался новостям, но когда сел писать ответ, то очень просил сообщить, есть ли в чём нужда, если есть, то чтобы сразу сообщили и ничего не пыталась предпринимать в одиночку. В конце концов, ему и приехать недолго, а если работа будет препятствовать, то он и рассчитаться может запросто.

Он и не догадывался, что почти всё Надёжка выдумала, не нашла сил написать правду. Да и как напишешь, что Бориска не захотел учиться в новой школе, как его ни уговаривали! Кому нужна такая новость? А как повернётся язык сообщить, что остановились у сестры, а в своей избёнке жить нельзя: простенок вывалился...

Надёжка впервые узнала об этом, когда только подходила к селу и у расставанных вётел встретила Верину дочь. Она её сразу при-

метила. А вот выросшая за минувшие годы Варя, удивительно похожая на мать, только после того, как Надёжка несколько раз повторила: «Варя, Варюха дорогая, это же я, твоя тётка Надя! Неужели не узнаешь?!» — стеснительно заулыбалась, начала рассматривать её ребят, а больше всего — младшего.

— Это Володька уж такой?! — удивилась она.

— Это — Димок... Старших догоняет... Вы-то как? Как мать с отцом?

— Вроде ничего... А я, тётъ Надь, замуж недавно вышла! — по-детски похвалилась племянница и неожиданно покраснела, а щёки стали на морозе совсем пунцовыми — хоть прикуривай!

— У мужа живёшь?

— Нет... Папанька не захотел отдавать меня. Боится — обижать будут.

— Зачем же за такого мужа выходить, если дерётся?!

— Да это я так сказала. Мой Виктор смирный — мухи не обидит.

— Тогда другое дело... — Надёжка на секунду задумалась и робко спросила: — Как наш домишко, стоит?

— Что ему поделается... Правда, маманька говорила, что простенок вывалился...

— Как это вывалился?!

— Не знаю... Ну ладно, тётъ Надь, я в Пронск побегу, а ты к маманьке зайди — она всё расскажет, — немного стеснительно сказала Варя.

От сообщения племянницы у Надёжки всё похолодало внутри, будто комок снега проглотила. Что же теперь делать, как дальше жить? Почему-то вспомнилось, как уезжала из Алексина, как ночь в Скопине коротала, не сумев одним днём добраться до Пронска. Ведь ещё в Алексине, хотя и рвалась из него, чувствовала в душе тревогу, а если Митя уж очень бы настоял, то, может быть, никуда и не поехала, смирилась с новой жизнью в чужом доме. А теперь что делать, теперь всех ребят заморозишь! Ей захотелось заплакать, зарыдать в голос. Если бы не было рядом ребят, то она наверняка не сдержалась бы, но, глядя на угрюмо молчавших Нинушку и Бориску, на Володьку и Димку, дёргавшего за полу пальто, она погнала прочь слезливое настроение, даже попыталась улыбнуться:

— Веселей, ребяташки! Видите — крыши из ложины виднеются?! Там Князево, наш с вами дом... Пойдёмте быстрее, а то в ледышки превратитесь!

Ребята молчаливым гуськом пошли за матерью, а через несколько шагов Бориска забежал вперёд и, удивлённо посмотрев на неё, спросил:

— А где же мы будем жить, если наш дом развалился?!

— Не дом, а всего лишь простенок! Это хорошему плотнику на полдня работы... А пока у тётки Веры поживём, потеснимся немного, что же делать.

— Нужны мы им больно...

— На все воля божья... Не чужие всё-таки...

До самого Князева никто более словом не обмолвился. А когда перешли мост и вышли на Бутырский порядок, она спросила у старшего сына:

— Сынок, узнаёшь хоть что-нибудь или всё забыл?

— Помню... Помню, как вы с отцом Сашку искали, когда он от вас на чердаке схоронился.

— А ты знал и не сказал нам!

— Попробуй скажи! Сашка таких тумачков навешает...

Разговор сам собой оборвался, когда они увидели Алексея, расчищавшего снег около крыльца. Он их тоже заметил, но смотрел не шелохнувшись. Только когда они приблизились, удивлённо засверкал глазами и натужно сказал:

— ...Д-дать, я вас и не признал сразу. ...Д-дать, проходите в избу...

Уже в сенях Надёжка столкнулась с выскокшей из дверей сестрой; они обнялись и сразу прослезились.

— Откуда вы? Почему ничего не сообщили — Алексей встретил бы?! Не летнее время в дорогах колготиться, — приговаривала постаревшая Вера и радостно смотрела на сестру и ребят усталыми глазами. Легонько подталкивая, она пропустила их вперёд и начала помогать раздеваться. Около младшего остановилась, улыбнулась ему отдельно: — А ты, герой, кто, как зовут тебя?

Димка посмотрел на мать, на брата и сестру, словно спрашивал у них разрешения ответить

незнакомой тётеньке, и, назвав себя, комично приподнял плечи, словно сделал это нечаянно и в будущем никогда не повторит.

Алексей зашёл в избу, когда все сидели за столом.

— Садись, отец, тебя ждём, — позвала Вера, но тот отказался:

— ...Д-дать, зять скоро придёт. С ним пообедаю. Вам самим места мало за столом. — Он хотел что-то спросить у Надёжки, но не решился и забрался на печь, начал там о чём-то вздыхать.

Как только пообедали, Надёжка собралась посмотреть дом. Вера отговаривала, а когда она настояла, то пошла вместе с ней, решив, что так даже и лучше: обо всём расспросит её, ни от кого не таясь. Пока шли, Надёжка коротко рассказала причину своего отъезда из Алексина, думала, Вера будет как обычно зудеть, но она успокоила.

— Ну и не переживай, раз такое дело! — сказала уверенно, словно заранее всё это предвидела. — Алексей попросит в лесхозе мужиков — помогут, не бросят в беде.

Как увидела она свой домишко, так и сердце кровью облилось: крыша провисла, балка вместе с половиной потолка опустилась одним концом до окна, занесённого снегом; он лежал по всей избе нетронутый, только точки мышинных и кошачьих следов испятнали целину. Пока Надёжка осматривала дом, Вера стояла молча, не решаясь что-либо сказать, и только встрепенулась, когда сестра закрыла лицо руками и начала всхлипывать.

— Перестань, не надо, — стала успокаивать Вера, — не такое пережили, а это-то...

Надёжка слушала сестру, растирала по лицу слёзы и не могла успокоиться. «Что же я такая разнесчастная, почему мне Бог счастья-то не даёт?!» — подумала она, и ей в этот момент захотелось жить. Она вспомнила, как в войну вот так же обвалилась другая балка, тогда почему-то отремонтировали только один простенок, нет чтобы и второй заодно заменить... А теперь и голову не приложишь, не придумаешь, как это сделать. Были бы деньги — тогда и особых забот не было, а задаром никто пальцем не пошевелит. Это в войну старики могли собраться и помочь за «спасибо», а теперь

прошли те времена, тем более что у неё муж «инженер». Надо самой впрягаться в сани и в лес идти, деревья тягать, как когда-то в войну тягала. И как только она об этом подумала, то сразу почему-то слёзы пропали и на душе полегче стало.

— Пошли, что ли, назад, — вздохнула Надёжка. — Чего здесь пеньками стоять!

У Вериного дома она остановилась, спросила:

— Как Зина Погремок поживает?

— Чего ей поделается — по-прежнему собачится, от молодых не отстаёт... Если к ней собралась — не ходи, нечего там делать. Ровню надо по себе выбирать!

— Не ругайся, Верок, я только на полчаса... Давно ведь не виделись.

— Как хочешь! Ты ведь со своим инженером безумной сделалась!

Хотя Вера и ругалась, но Надёжка знала, что ругается она без зла, а поэтому ничего более не стала говорить, а повернула к Зинину дому, слабо светившемуся окнами в наступавших сумерках. Когда подошла ближе, нежданная радость прокатилась по душе, как будто к такому человеку пришла, ближе которого не бывает на белом свете, а волнение такое вдруг родилось — какого при встрече с сестрой не было... Даже забылось, как Зина отбрила, когда она собиралась избавиться от беременности у Оксанки. Пошла посоветоваться, а Зина тогда как с цепи сорвалась: обозвала Дмитрия Ивановича кобелём и говорить ни о чём не захотела... Теперь даже обиды не осталось от тогдашнего разговора... Дверь, как всегда, оказалась незапертой, и Надёжка бесшумно вошла в сенцы, ощупкой нашла избяную дверь и постучала.

ОПЯТЬ ВДОВА

Алексей обещание сдержал: привёз с лесхозовскими мужиками строевого леса и с ними же за два дня поправил дом и крышу перекрыл. Когда протопили печку, благо она сохранилась, даже труба не завалилась, то в избе сразу повеяло жилым духом. Утром, когда старшие дети ушли в школу, протопили ещё, и к их приходу дом прогрелся, оттаяли за-

мороженные окна. Вера с Зиной Погремком помогли отмыть и отскоблить стены, пол — только жить и жить.

Надёжка в этот день находилась в хорошем настроении: главное сделано! А остальное как-нибудь утрясётся. Нужно будет, и Алексея попросит, и Вера с Густей помогут, да и Зина не откажется... В окно случайно заглянула и сестёр увидела, лёгких на помин, и обе чего-то жмутся друг к дружке.

— Вы чего, девки, опять ругать пришли?! — с нескрываемой заботой спросила она, когда они вошли в избу и, как по команде, опустили глаза. — Вы чего такие? — уже с тревогой спросила она... Почему-то некстати вспомнилось, что они вот так же, вместе, принесли похоронку на Павла, так же тогда пугливо жались друг к дружке и прятали глаза.

— Телеграмма тебе из Алексина... — торопливой скороговоркой поспешно сказала Вера, словно боялась, что не успеет или не сумеет произнести тяжёлые и пугающие слова.

— Что с ним?! — вскрикнула Надёжка и почувствовала, как кровь застучала в висках.

— Вот, читай...

Развернула она телеграмму и отшатнулась от беспощадных, хотя едва различимых на бумаге блёклых слов: «... умер митя приезжай похороны мария ивановна...» И сразу все трое заревели в один голос. Надёжка осела на лавку, зашлась рыданиями, и никто не посмел остановить её. Вера с Густей выдерживали паузу, давая возможность сестре самой перебороть первый, самый трудный момент. Бориска осмелел первым. Он сел рядом и требовательно спросил:

— Что случилось? Перестань реветь!

— Ой, ой, ой, милый мой Борюшка, как же мы теперь будем одни-то жить?! Что же нам делать-то теперь, к кому головушку прислонить?!

Бориска увидел телеграмму, чтобы не разорвать, осторожно вытянул её из материнских рук и, приложив почти к самым глазам, прочитал. Потом посмотрел на мать, обнял её, как обиженную сестрёнку, и неожиданно ласково и уверенно сказал:

— Не переживай, мам, мы давно большие — не пропадём!

Слова Бориски вывели Веру и Густю из недолгого замешательства, они тоже подсели к сестре, начали вытирать ей слёзы, успокаивать. Уговоры сестёр на какое-то время подействовали, и Надёжка испуганно и жалостливо осмотрела детей, промокнула красные глаза и была готова вновь зареветь.

— Девки, чего же вы сидите-то? — неожиданно укоризненно спросила она у Веры с Густей. — Делайте что-нибудь... Нам ведь собираться надо, там ждать не будут! За лошадьё идите, надо сегодня же ехать!

— Ой, — прихлопнула Вера ладонями, — ведь Алексей сейчас дома, он и отвезёт вас... Побегу скажу.

— Мам, а куда дядя Лёша отвезёт нас? — спросила Ниношка, не до конца понимая, что происходит.

Надёжка прижала к себе дочь, опять затряслась от рыданий:

— До станции... В Алексин поедем, папку нашего хоронить...

Нина захлопала глазёнками и, не в силах сдержать слёзы, заплакала, тоненько и жалобно попискивая. После неё дошла очередь и до младших. Те, как по команде, скуксились, подступили к матери, и она обняла их, и, глядя на это, теперь уж и сёстры засморкались, начали вытирать глаза и смотрели на Надёжку стеснительно, словно просили прощения за свою слабость.

Вера ушла, а Надёжка стала собирать сумки в дорогу. Положила ребятишкам запасные рубашки, завернула в платок паспорт. Когда завязывала узелок с документом, Густя достала из кармана юбки узелок поменьше. Распустила его и отдала деньги сестре.

— Вот, возьми, — попросила Густя, — пригодятся в дороге... — Надёжка начала отказываться, но та настояла: — Сейчас не время гордыню выказывать!

— Спасибо, милка, — поцеловала Надёжка сестру и опять заплакала.

— Мам, хватит! — твёрдо и грубовато сказал Бориска. — Где Димкин ремень для брюк?

— Поищи, мой хороший, поищи... А найдёшь — сам собирайся. Нам нельзя время терять!

— Не поеду я... Дома останусь!

– Сторож нашёлся... – в один момент обиделась Надёжка.

Бориска сразу потупился, начал смотреть куда-то в сторону, и Надёжка поняла, что теперь, если уж заупрямился, его не уговоришь. Решила пока отстать от него. Глядишь, одумается, пока будут собираться. А когда собрала ребят и оделась, всё же не выдержала – опять принялась за уговоры:

– Тебя ведь одного ждём! Хватит упрямитесь, одевайся побыстрее, а то сейчас дядя Лёша подъедет!

Бориска ни словом, ни полусловом не отозвался. Как уставился в одну точку, так и продолжал буравить её глазами.

– Ладно, езжайте одни, – несмело подала голос Густя. – Может, так и лучше будет. Чего неволить парня?

– Ну, как вы тут, собрались? – спросила забежавшая в избу Вера. – Я сказала Алексею, чтобы он вас в Хрущёво отвёз... Там и поезда почаше ходят, и к Любе в Москве заедешь. Не вздумай одна добираться. Мало ли что случится!

У саней сёстры обнялись, опять раскричались, и, чтобы не затягивать бабьи причитания, Алексей понукнул лошадь и рысью выехал на льдистую дорогу. Надёжка прижала к себе ребятишек, накрыла их шалью от ветра и залилась горячими слезами, и никто её не успокаивал, не жалел. Лишь за Большим Селом Алексей повернулся, толкнул в бок:

– ...Д-дать, хватит... Хватит реветь белугой. Радоваться должна...

– Чему же мне радоваться?! – не поняла она.

– ...Д-дать, тому! Может, ездить перестанешь! А то: туда-сюда, туда-сюда – последние копейки прокатываешь. Нешто так живут?!

«А как живут-то?! Ты хоть видел, пенёк максаковский?! – сердито подумала Надёжка и ничего не ответила зятю. – Где был-то дальше Князева, чего видел? Войну – и ту в лесу присидел!»

Закрыв глаза, она будто провалилась в забытьё и увидела Дмитрия Ивановича. Увидела зримо, подробно – до последней мелкой чёрточки. Припомнила, как он бежал за поездом, провожая, как пытался что-то сказать... И теперь Надёжка знала, что он хотел попрощать-

ся, наверное, сердцем чуял свою близкую смертушку.

Надёжка почти отгадала.

Когда Савину становилось особенно одиноко, он отправлялся на кладбище, стоял над могилой матери, умершей сразу после отъезда Надёжки, мысленно говорил с ней, и после таких посещений на душе делалось немного легче, он словно запасался терпением. Только оно могло дать силы перемочь временные трудности. Он даже начал загадывать, когда сможет перебраться жить в сарай, а чтобы не терять времени, начал понемногу благоустраивать его, собираясь приспособить под временное жилище. Сарай просторный, из камня-известняка, когда-то отец мастерил в нём тарантасы, повозки, и назывался сарай вполне достойно – каретным. Савин хорошо помнил, как рядом с сараем дымила кузня, в которой он помогал отцу ковать шины, шкворни... Наведя в сарае относительный порядок, Дмитрий Иванович провёл в сарай электричество, соорудил «козёл» и, однажды воспользовавшись отсутствием сестры, перенёс первые вещи. Но окончательное переселение оттягивал – ждал подходящего момента в настроении сестры, чтобы поговорить спокойно, не обостряя отношений. Но она, как-то застигнув брата за укладыванием инструментов, ехидно продекламировала:

*Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).*

– И это всё, что ты можешь сказать?

– Ты не вправе говорить на эту тему, – сдержанно сказала Мария Ивановна. – Сколько бы мы сейчас не поливали друг друга грязью – всё-таки останемся каждый при своём мнении. Поэтому ты просто обязан согласиться со мной: будет лучше, если ты переберёшься на родину своей жены.

Перестав с ней разговаривать, он к концу дня перенёс свои вещи, навесил замок и ушёл на ночное дежурство. И ругал себя за прежнюю нерешительность, поддавшись которой, позволил конфликту стать хроническим. Те-

перь ничего этого нет и надо жить достойной жизнью, которой так не хватало в последние месяцы.

Всю ночь он пил густой чай. Поэтому и спать не хотелось, и усталости утром не чувствовал. В эту ночь пришла неожиданная рациональная мысль. Поддавшись ей, он решил, что проще переделать сарай под дом, чем строить новый. Ведь это выгодно со всех сторон. Надо только поставить печь, настелить пол, перебрать потолок и заменить крышу. Да веранду пристроить для пущего шика. Пожалуй, до осени вполне можно успеть, хотя бы без веранды. Вот и ладненько будет, и живи тогда — не тужи!

Он зашёл в магазин, купил хлеба, постного масла, яиц, подходя к дому, очень захотел яичницу... В сарай можно было пройти через двор дома, но он проявил настырность и независимость и пошёл через свою половину огорода, протиснувшись в раздвинутые доски забора. Подойдя по спрессованному снегу к сараю и увидев около него вещи, Савин сразу понял, что это его вещи; он только вчера перенёс их из дома, а теперь они валялись на снегу... У него задрожали руки, и, открывая замок, он не мог от волнения попасть ключом в личинку замка. Когда повторил попытку, то заметил, что замок чужой! И если до этого момента он старался не думать о причине, по какой вещи оказались на улице, то, обнаружив чужой замок, он прошептал с такой ненавистью, будто сестра стояла перед ним и могла услышать его слова: «Будь ты проклята!»

Несколько минут он сидел на ящике с инструментами, обдумывая, как поступить. Самой первой была мысль тотчас сломать замок, занести вещи в сарай и жить спокойно, ни на что не обращая внимания. Но, чуть поостыв, решил не унижать себя подобным образом. Сестра, быть может, только и ждёт того момента, чтобы ещё поиздеваться. Так есть ли смысл помогать ей в этом?! Он решил пока отнести вещи к соседям, а потом уж принимать окончательное решение.

Инесса будто давно ждала его, улыбнулась и пригласила в дом:

— Заходите, Дмитрий Иванович, — давно поджидаю вас, чтобы поделиться своими со-

ображениями... Да, я поражена не менее вас! Представляете, я чуть не упала, когда увидела, как ваша сестра срывала сегодня замок... Только рассвело, — торопливо говорила она, закрывая ворота, — я понесла золу на огород... Слышу — где-то неподалеку стучат, а пригляделась, — это же Мария Ивановна орудует, да не одна! Какой-то незнакомый мне мужчина сбил замок, помог вашей сестре выбросить вещи на снег, потом они навесили, как я поняла, свой замок и удалились... Вы представляете?! — жаловалась она, будто обидели её самою, когда Савин проследовал за ней в дом, осторожно ступая по чистым половицам. — Всё это выглядело настолько дерзко и нереально, будто всё происходило во сне!

Он оставил в коридоре узел с вещами, разулся перед порогом и пошёл в дом в носках, держа перед собой авоську с продуктами и представляя всю нелепость своего положения... Конечно, никому он тут не нужен с узлом мокрых вещей, с ящиком для инструментов. Да ещё некстати стыдливо подумал, что Евсей, наверное, на работу не отправился, сейчас наверняка сказанёт что-нибудь эдакое, начнёт учить уму-разуму.

— Дмитрий Иванович, вы пока отдохните на диване, а я чайник вскипячу, — сказала хозяйка, но прошла не в кухню, а в комнату, и там с кем-то зашептала. Видимо, с мужем.

То ли от этого шёпота, то ли от только что пережитых волнений Савин почувствовал, как страшно заболела голова, будто её проткнули насквозь чем-то горячим и острым, а перед глазами заколыхалась красная пелена. Находясь во власти этого ощущения, боясь от испуга пошевелиться, он подумал, что так, наверное, можно потерять сознание, и следом за этой мыслью надвинувшаяся пелена заслонила его от окружающего мира... Вернувшаяся через минуту Инесса Феоктистовна обнаружила гостя неестественно раскинувшимся на диване и, сразу поняв, что с ним плохо, попыталась нащупать пульс и попросила мужа срочно привезти врача... Евсей вернулся через полчаса с врачом и санитаром. Общими усилиями Савина перенесли в машину, отвезли в больницу, где, не приходя в сознание, через два часа он скончался. «От обширного крово-

излияния в мозг», — как позже написали врачи в медицинском заключении.

— Вот здесь, на этом диване, ему стало плохо, — рассказывала через два дня Инесса Надёжке, когда та немного высохла от слёз, умыла с дороги ребятишек. — Всё произошло так неожиданно, что даже я, врач, растерялась. Хорошо Евсей был дома и помог. Но, — Инесса развела руками, — обширное кровоизлияние делает человека практически обречённым... Ну, всё, хватит об этом.

Вслушав хозяйку, Надёжка отправилась к Марии Ивановне и, когда ей открыли, услышала лицемерное приглашение к чаю и взяла себя в руки, отбросила робость.

— Я не чай пришла фыркать, а предупредить, что с завтрашнего дня вся моя семья переезжает на жительство в этот дом, потому что имеет законное наследство на его половину! Поэтому попрошу к завтрашнему дню освободить одну комнату, спальню и половину кухни! — Надёжка с такой уверенностью в своей правоте сказала это золовке, таким решительным и победным взглядом посмотрела на неё, что та молчаливо замерла, испуганно потупила взгляд и даже отшатнулась от Надёжки, словно боялась, что она набросится и разорвёт.

Ни слова более не сказав, Надёжка шибанула дверь и гордо вышла вон, в душе решив, что сюда более не ступит её нога, потому что в последний момент перед своими грозными словами она решила лишь припугнуть, одержать маленькую, но победу над ненавистным человеком, и это вполне удалось ей. Она не чувствовала слёз, когда возвращалась к Инессе, они лились сами собой, и она не обращала на них внимания.

Ночь перед похоронами Надёжка простояла рядом с читалкой, приглашённой по настоянию Инессы Александровны. Вслушиваясь в тягучие слова, произносимые заученной скороговоркой, и время от времени крестясь, Надёжка вдруг поняла, что делает это с удовольствием, с удовольствием же смотрит на лампадку, горящие свечи — и от всего этого на душе рождалось просветление, все события последних дней воспринимались уже не как горе, а как безысходная необходимость; от сознания этого постепенно приходило смирение,

появилась маленькая надежда на будущую жизнь. Эти чувства даже изменили отношение к местной дурочке Шуре, пришедшей следом за читалкой и раздражавшей поначалу Надёжку надоедливым дёрганьем головы и неприятным фырканием, а более всего раздражала её цветастая юбка. Но даже к этой Шуре она теперь прониклась снисхождением и не обращала на неё внимания, занятая мыслями... Ночь, сперва тянувшаяся нескончаемо, незаметно истаяла, будто её и не было вовсе, и пришёл новый тревожный день.

Когда начало светать, читалка ушла, а далее всё происходило как во сне. Из дальнейших событий этого дня она по-настоящему запомнила два момента: когда вынесли гроб из морга и когда на могилу поставили два венка из вощёной бумаги. Дважды она по-деревенски причитала, и дважды рядом кричали ребята. В первый момент, когда увидела покойного мужа, совсем не похожего на себя, даже испугалась, словно это был чужой человек, а когда дотронулась губами до его ледяного лба, то невольно отпрянула. Её подхватили под руки и держали, пока засыпали могилу, а она тупо смотрела на растущий холмик и от стеклянных слёз ничего более не видела вокруг.

Первыми уехали с кладбища фабричные рабочие, присланные на помощь. Немногочисленные соседи отправились по домам пешком. Когда вышли за ограду — Нинушки рядом не оказалось. Вернулись, начали искать и нашли её, наверное, через полчаса в дальнем углу кладбища, где, забившись под замшелую липу, она не по-детски, с причитаниями, плакала, и её долго не могли успокоить.

Уезжала Надёжка на следующий день. Евсей отвёз на вокзал, высадив, не стал дожидаться поезда и, распрощавшись, оставил их одних, и в эту минуту Надёжка впервые до конца почувствовала своё одиночество, незащищённость, о которой, пока жила с Дмитрием Ивановичем, никогда не думала, даже в те месяцы и годы, когда он бросал. Даже и тогда она считала себя его женой, и это помогало не пасть духом. Сейчас же она вдруг почувствовала себя совсем по-иному; то же самое, наверное, чувствовали и ребята, сиротливо жавшиеся к ней и пугливо смотревшие по сторонам. Когда по-

дошёл поезд, она не выдержала, не сдержала слёз и, ничего не видя перед собой, повела детей к вагону. Ей помогли забраться, посадили ребят, Нина отыскала нужные места.

Расположившись, Надёжка потупилась, не желая показывать слёзы незнакомым людям, а когда поезд тронулся, мало-помалу успокоилась, задремала и незаметно перенеслась в мир сновидений... Почему-то очень быстро увидела Павла... Уж сколько раз видела его после гибели, но это всегда происходило во сне, а сейчас он нашёлся по-настоящему, наяву, и от этой обжигающей сердце мысли у неё побежали мурашки по коже. Она хотела вскочить и побежать к нему навстречу, обнять, туго-туго прижаться и никогда более никуда не отпускать, даже на войну, но увидев, что он сам потихоньку идёт по вагону, она решила затаиться, чтобы сделать ему приятную неожиданность, такую, наверное, для него долгожданную! Да и как не быть ей долгожданной, когда столько лет прошло, а он ещё и детей-то своих по-настоящему не видел! Только Сашку, наверное, немного помнит, а Борису и Нинушку встретит и не узнает... Надёжка замерла, прислушиваясь к словам песни, которую он пел, подыгрывая себе на баяне, и удивилась: это когда же он выучился так хорошо играть?! По-прежнему умилённо слушая его голос, она вдруг испугалась, когда вспомнила о Володьке с Димкой. «Ой, что же я скажу теперь Павлу, как же отвечу?! Ведь у меня ещё муж был, вот дети от него! Ведь не поверит Павел, что без радости вышла. А как было не выйти, когда дети с голоду пухли?! «Паш, прости! Я ведь все эти годы всегда думала о тебе. Мы ведь теперь заживём всем на зависть. Вот как!» И словно в подтверждение своей мольбы она услышала слова песни и поняла, что Павел всё ей простил и ни в чём никогда не укорит. «Рядом наши два окна, два зелёных деревца...» — пел он и во все глаза смотрел на неё, смотрел...

— Мамка, мамка, — донёсся настойчивый шёпот Нины, и Надёжка очнулась от лёгкого толчка. — Побирושка идёт!

Очнувшись от голоса дочери, она почувствовала, как исчезает такое желанное видение, и поняла, что дочь говорит о слепом музыкан-

те... Это его голос она странным образом приняла во сне за голос своего первого мужа и теперь не могла смотреть на него, боялась. Не открывая глаз и обхватив голову, она сказала Нинушке:

— Сама подай ему...

Какое-то время Надёжка сидела разбитая, чувства её смешались, и она не могла собрать разбежавшиеся мысли, чтобы окончательно расстаться с ненужными грёзами, забыть всё, что было в жизни до этой минуты, и жить по-новому, переступить через себя. Она даже застыдилась своих слов, сказанных Павлу во сне, когда чего-то нагородила ему о Дмитрие Ивановиче. Она не должна была так говорить, он не заслужил этого!

Открыв глаза и оглядев попутчиков, Надёжка спросила у дочери:

— Мы долго едем-то?

— Долго... Скоро Скопин будет!

— Батюшки мои, — встрепетнулась Надёжка, — это что же — я всю дорогу проспала?! Ребят кормила?

— Кормила... Они тоже спали.

— Помощница моя... Что бы я без тебя делала?! — похвалила она дочь, прижала заулыбавшихся сынишек: — Ничего, ребятушки, ничего...

В какой-то момент она подумала, что устала от пустых поездок, ей захотелось навсегда остаться только со своими детьми, растить их, ни на кого не надеясь, не думая более ни о каких мужьях. Захотелось быстрее добраться до Князева, попасть в привычную жизнь, убедиться, что эта жизнь будет теперь до конца дней, и не переделать её, не изменить. Хотелось только одного: чтобы никто не мешал, не пытался навязать что-то своё, а там уж как бог даст... С этими мыслями она на попутной машине под вечер удачно добралась до Пронска.

За Пушкинской слободой, у расставанных вётел как из-под земли появился Бориска. Он остановился перед ними и молча смотрел на мать, сестру, братьев, будто не видел их тысячу лет.

Первой пришла в себя от неожиданной встречи Надёжка.

— Ты чего, сынок?! Или опять что-нибудь случилось?!

— Ничего... Просто жду вас. Чего вы так долго-то? Второй день здесь сижу!

От слов сына ей захотелось разреваться, плакать долго, чтобы никто не останавливал, не мешал, но вместо этого она даже слабо улыбнулась:

— Вот и дождался... Пошли, желанный ты наш!

От вётел они гуськом спускались к селу, и показалось оно Надёжке родным и тёплым, и опять почему-то захотелось плакать. Вспомнилась поездка, вся жизнь вспомнилась, одним мигом пролетела... И то ли от воспоминаний, то ли от усталости начала кружиться голова, и не терпелось скорее добраться до дому, сесть на лавку и долго-долго сидеть, не шевеля ни рукой, ни ногой.

— А вон тётя Вера воду из колодца достаёт! — радостно сказала Нинушка, когда прошли крайнюю избу Кривошеевых и спускались к Бутырскому порядку.

— Живее, ребята, живее! — поторопила Надёжка, хотя ей не хотелось сейчас встречаться с сестрой: как всегда, боялась укоров, на которые Вера никогда не скупилась, из-за Дмитрия Ивановича, всегда была настроена против него.

Что ж, она как в воду глядела: действительно не сложилась с ним жизнь. Больше было надежд. И как ни крути, а сестра всё-таки оказа-

лась права. А она, Надёжка, виновата теперь перед ней навсегда, и никогда прежде не испытанный стыд за самую себя сделал ноги ватными, налил слабостью, да так, что вдруг не осталось сил идти... Она осела на снег и от слёз ничего не видела вокруг.

Вера их заметила. Она бросила вёдра, коромысло и побежала навстречу... В одном месте поскользнулась, чуть не упала, но выровнялась и, продолжая бежать, махала и махала сорванным с головы платком, обращая на себя внимание. Вот добежала, нагнулась и что-то начала говорить сестре.

— Родная моя, желанная, вот мы и вернулись навсегда, как ты хотела, — в ответ шептала Надёжка, когда её поднимали со снега. — Прости, за всё прости меня...

Конец второй книги

Владимир Дмитриевич ПРОНСКИЙ

родился в 1949 году в городе Пронске Рязанской области.

Прозаик.

Публиковался в журналах «Север», «Наши современник»,

«Молодая гвардия», «Москва», «Подъём», «Странник»

и во многих других, в коллективных сборниках, альманахах.

Лауреат премии имени А.С. Пушкина,

международной литературной премии имени Андрея Платонова,

премии Союза писателей России «Слово-2018»,

а также премий нескольких литературных журналов.

Секретарь Союза писателей России.

